

ISSN 2304–4772

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»**

**ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ
ТГПУ им. Л. Н. Толстого**

Научный журнал

**Выпуск 2 (50)
Июль 2024 г.**

**Тула
2024**

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ВЕДОМОСТИ
ТГПУ им. Л. Н. Толстого**

Научный журнал

включен в перечень
ВАК МОиН РФ
[https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents
#tab= tab:editions~](https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents/#tab=tab:editions~)

входит в список рецензируемых научных изданий из перечня рекомендованных Минобрнауки РФ по философским наукам на основании решения Ученого совета МГУ от 24.05.2019 (протокол №5) для публикаций профессорско-преподавательского состава и аспирантов по следующим специальностям:
- 5.7.2. – История философии
- 5.7.4. – Этика
- 5.7.8. – Философская антропология, философия культуры
- 5.7.9. – Философия религии и религиоведение
- 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства (философские науки)

Выходит 4 раза в год

**Выпуск 2 (50)
Июль 2024 г.**

Дата выхода в свет: 31.07.2024

Главный редактор –
доктор философских наук,
профессор *Е. Д. Мелешко*

Учредитель –
**ФГБОУ ВО «ТГПУ
им. Л. Н. Толстого».**

СМИ зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ЭЛ № ФС 77 – 75297 от 25.03.2019 г.

Online ISSN 2304-4772

© ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2024
© Авторы статей, 2024

Адрес учредителя и редакции:
300026, Тула, просп. Ленина, 125
Телефон: 8 (4872) 65-74-37.
Электронный адрес:
gumved@tsput.ru

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Мелешко Е. Д., Подрезов К. А. Проект интегративной модели научных исследований духовного наследия Л. Н. Толстого в образовательных и культурно-просветительских практиках Университета Л. Н. Толстого.5

**К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА
А. А. ГУСЕЙНОВА**

Зубец О. П. А. А. Гусейнов о философии *самой по себе*.12
Прокофьев А. В. Моральные абсолюты (еще одна историческая параллель негативной этики А. А. Гусейнова).24

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Назарова Ю. В. Этико-философская интерпретация проблемы бессмертия в новелле Х. Л. Борхеса «Бессмертный».38

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Музалевская Ю. Е. Значение футуризма для новой эстетики моды.46

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Богомазова Н. Л. Тенденции развития искусственного интеллекта в Японии: «Общество 5.0» и статус «Электронное лицо».56
Валеева Г. В. Цифровой имидж преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования.65

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. КОМЯКОВА

Слобожанин А. В. Круглый стол «Усадьбы Тульского края»75

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ АСПИРАНТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

Арефьев А. А. Философско-антропологический анализ рисков внедрения нейрокомпьютерных интерфейсов.78
Кон В. А., Береснева В. Л. Апокалиптическая антропология: сознание, совесть и искусственный интеллект.92
Сиваев П. А. Искусственный интеллект и биоинженерия: этические проблемы взаимодействия.120
Янь Хаюэ. Влияние конфуцианства на современную рекламу в Китае.130

Сведения об авторах.139

Правила направления, рецензирования и опубликования статей в научном издании «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (на русском и английском языках).141

**GUMANITARNYYE VEDOMOSTI
TGPU im. L. N. Tolstogo**

The scientific journal

is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation <https://vak.minobrnauki.gov.ru/documents#tab=tab:editions>

is included in the list of peer-reviewed scientific publications from the list of recommended by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation for philosophical sciences on the basis of the decision of the Academic Council of Moscow State University dated May 24, 2019 (Protocol No. 5) for publications of faculty and graduate students in the following specialties:
- 5.7.2. - History of Philosophy
- 5.7.4. - Ethics
- 5.7.8. - Philosophical anthropology, philosophy of culture
- 5.7.9. - Philosophy of Religion and Religious Studies
- 5.10.1. - Theory and History of Culture (philosophical sciences)

Published 4 times a year

**Issue 2 (50)
July 2024**

Released on July 31, 2024

Editor in chief –
Doctor of Philosophy,
Professor *E. D. Meleshko*

Founder –
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University.
Mass media are registered in Federal
Service for Supervision of
Communications, Information
Technology and Mass Media
Register entry:
EL № FS 77 – 75297
on March 24, 2019.

Online ISSN 2304-4772

© Tula State Lev Tolstoy Pedagogical
University, 2024
© Authors of articles, 2024

**Address of the publisher
and the editorial office:**
300026, Tula, Lenin Prospekt, 125
Phone: 8 (4872) 65-74-37.
E-mail address: gumved@tsput.ru

TABLE OF CONTENTS

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2

TO THE 200 TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF L. N. TOLSTOY

Meleshko E. D., Podrezov K. A. Project of an integrative model of scientific research into the spiritual heritage of L. N. Tolstoy in educational and cultural-educational practices of the University L. N. Tolstoy5

**ON THE 85 TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF ACADEMICIAN
A. A. GUSEINOV**

Zubets O. P. Abdusalam Guseynov on the philosophy in itself.....12
Prokofiev A. V. Moral absolutes (one more historical parallel of of A. A. Guseinov's negative ethics).....24

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Nazarova Yu. V. Ethical and philosophical interpretation of immortality in the short story by J. L. Borges "The Immortal".....38

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ARTS

Muzalevskaya Yu. E. The importance of futurism for the new aesthetics of fashion.....46

**ACTUAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION OF THE INFORMATION
SOCIETY**

Bogomazova N. L. Trends in the development of artificial intelligence in Japan: "Society 5.0" and the status of "Electronic face".....56
Valeeva G. V. The digital image of a teacher in the context of the digital transformation of higher education.....65

SCIENTIFIC LIFE

TO THE 220 TH ANNIVERSARY OF A. S. KHOMYAKOV'S BIRTH

Slobozhanin A. V. The Round table "Estates of the Tula Region".....75

**SCIENTIFIC REPORTS OF GRADUATE STUDENTS AND
APPLICANTS**

Arefyev A. A. Philosophical-anthropological analysis of risks related to implementation of brain-computer interfaces.....78
Kon V. A., Beresneva V. L. Apocalyptic anthropology: consciousness, conscience and artificial intelligence.....92
Sivaev P. A. Artificial intelligence and bioengineering: ethical problems of issues.....120
Yan Haoyue. The influence of Confucianism on modern advertising in China.....130

Information about the authors.....139
The rules for submitting, reviewing, and publishing articles in scientific journal 'Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo' (In Russian and English).....141

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL

Главный редактор

Chief Editor

Мелешко Елена Дмитриевна, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Elena Meleshko, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Редколлегия

Editorial Board

Римский Виктор Павлович, д-р филос. наук, проф. (БГИИК, Белгород, Россия) – зам. главного редактора

Viktor Rimskiy, prof., Doctor of Philosophy (BSIAC, Belgorod, Russia)

Назарова Юлия Владимировна, д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – зам. главного редактора

Yuliya Nazarova, Prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Богомазова Наталия Леонидовна, кандидат философских наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – ответственный редактор

Natalia Bogomazova, Assoc. Prof, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Слобожанин Алексей Вячеславович, кандидат философских наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – ответственный редактор

Aleksey Slobozhanin, Assoc. Prof, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Мартьянова Елена Георгиевна, кандидат философских наук (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия) – технический редактор

Elena Martyanova, PhD (TSPU, Tula, Russia)

Редакционный совет

Editorial Council

Подрезов К. А., канд. полит. наук, доц. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия), председатель редакционного совета

Konstantyn Podrezov, Assoc.prof., PhD (TSPU, Tula, Russia)

Алексеев-Апраксин А. М., д-р культурологии, доц. (СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия)

Anatoliy Alekseev-Apraksin, Assoc. Prof., Doctor of Culturology (SpbSU, St. Petersburg, Russia)

Аринин Е. И., д-р филос. наук, проф. (ВГУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия)

Evgeniy Arinin, prof., Doctor of Philosophy (VISU, Vladimir, Russia)

Бубнов Ю. А., д-р филос. наук, проф. (ВГУ, Воронеж, Россия)

Yuriy Bubnov, prof., Doctor of Philosophy (VSU, Voronezh, Russia)

Варава В. В. д-р филос. наук, проф. (МГУ, Москва, Россия)

Vladimir Varava, prof., Doctor of Philosophy (MSU, Moscow, Russia)

Венсан Юбер, д-р филос. наук, проф., Руанский университет, Руан, Французская республика

Vincent Hubert, prof., Doctor of Philosophy (University of Rouen, Rouen, France)

Гаджикурбанов А. Г., д-р филос. наук, проф. (МГУ, Москва, Россия)

Aslan Hajikurbanov, prof., Doctor of Philosophy (MSU, Moscow, Russia)

Золкин А. Л., д-р филос. наук, доц. (МосУ МВД РФ им. В. Я. Кикотя, Москва, Россия)

Andrey Zolkin, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (MIA of Russia, Moscow, Russia)

Кобзев А. И., д-р филос. наук, проф., (ИВ РАН, Москва, Россия)

Artem Kobzev, prof., Doctor of Philosophy (IV RAN, Moscow, Russia)

Игумен Серапион (Митько А. Е.), д-р теологии, канд. филос. наук, проф. (НИУ ВШЭ, Москва, Россия)

Abbot Serapion (August Mitko), prof, Doctor of theology, PhD (HSE, Moscow, Russia)

Лыткин В. В., д-р филос. наук, проф. (КГУ им. К. Э. Циолковского, Калуга, Россия)

Vladimir Lytkyn Prof., Doctor of Philosophy (KSU named after K. E. Tsiolkovski, Kaluga, Russia)

Назаров В. Н., д-р филос. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Vladimir Nazarov, prof., Doctor of Philosophy (TSPU, Tula, Russia)

Прокофьев А. В., д-р филос. наук, доц. (ИФ РАН, Москва, Россия)

Andrey Prokofev, Assoc.Prof, Doctor of Philosophy (IF RAN, Moscow, Russia)

Романов О. А., д-р филос. наук, проф. Полоцкий государственный университет, Полоцк, Республика Беларусь)

Oleg Romanov, prof., Doctor of Philosophy (Polotsk State University, Polotsk, Belarus)

Ромашина Е. Ю., д-р пед. наук, проф. (ТГПУ им. Л. Н. Толстого, Тула, Россия)

Ekaterina Romashina, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (TSPU, Tula, Russia)

Симонова С. А., д-р филос. наук, доц. (МГППУ, Москва, Россия)

Svetlana Simonova, Assoc.Prof., Doctor of Philosophy (MSPPU, Moscow, Russia)

Спиридонов А. А., д-р юрид. наук, доц. (Правительство Р.Ф., Москва, Россия)

Spiridonov A. A., Dr. low, Associate Professor (Government of the Russian Federation, Moscow, Russia)

Туракулов О. Х., д-р пед. наук, проф. (Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Узбекистан)

Turakulov Olym, prof., Doctor of Pedagogic Sciences (NUU, Tashkent, Uzbekistan)

Шатунова Т. М. д-р филос. наук, проф. (КФУ, Казань, Россия)

Tatiana Shatunova, prof., Doctor of Philosophy (KFU, Kazan, Russia)

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

Е. Д. Мелешко

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого

К. А. Подрезов

Тульский государственный педагогический университет

им. Л. Н. Толстого

ПРОЕКТ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНО–ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ УНИВЕРСИТЕТА Л. Н. ТОЛСТОГО

Актуальность исследования. В статье рассматриваются основные направления подготовки к 200-летию со дня рождения Л. Н. Толстого в Университете Л. Н. Толстого. Предлагается *интегративный формат* изучения толстовского творчества, объединяющий *научные* (академические и университетские исследования), *культурно-просветительские и образовательные практики* гуманитарной сферы. Актуальность проекта – в *практическом* внедрении фундаментальных теоретических исследований духовного наследия Л. Н. Толстого в учебный процесс при подготовке педагогических кадров в высшей школе, кадров высшей квалификации. Предполагается, что проект окажет *гуманитарное влияние* на динамику социокультурного развития Тульского региона. *Новизна* заключена в новой стратегии исследований творчества Л. Н. Толстого, соответствующей вызовам современной культуры, что определит тематическое разнообразие содержания работ, их методологию и методы в рамках различных направлений гуманитарной науки: истории, культурологии, литературоведения, лингвистике, *музееведения* педагогике, праве, социологии, философии, этике. *Цель проекта* – создание интегративной модели научных исследований духовного наследия Л. Н. Толстого в образовательных и культурно–просветительских практиках Университета Л. Н. Толстого, с использованием лучших традиций университетских толстовских чтений, работы кафедры духовного наследия Л. Н. Толстого, что даст возможность стать одним из ведущих центров по изучению духовного наследия Л. Н. Толстого. *Задачи:* межкоммуникативное, научное, *образовательное, культурно-просветительское и организационное* взаимодействие акторов проекта предполагает создание *Института духовного наследия Л. Н. Толстого и русской культуры*, как *организационной* структурной площадки в рамках Университета Л. Н. Толстого, объединяющего ученых и сотрудников университета, ИФРАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, культурологическое и философское общества РФ, Воронежский государственный университет; Калужский университет им. К. А. Циолковского, Белгородский научно-исследовательский университет, Белгородский институт культуры и искусств, Ивановский университет, Шуйский филиал Ивановского университета и др. *Культурно-просветительское* взаимодействие в проекте предполагает сотрудничество с музеями: «Ясная Поляна», «Музей Л. Н. Толстого» Москва, толстовским музеем в Чечне и Дагестане; сотрудничество с центральной библиотекой им. В. И. Ленина Тулы; взаимодействие и сотрудничество с ректоратом и структурными подразделениями университета; организацию и проведение

международных конференций, посвященных 200-летию со дня рождения Л. Н. Толстого; подготовку выставочного фонда и организацию выставок, посвященных творчеству Л. Н. Толстого в университете; международное сотрудничество (Индия, КНР). *Образовательные практики* в рамках учебных планов факультетов университета, дополнительного образования, повышения квалификации учителей школ: создание и реализация программ элективных курсов духовного наследия Л. Н. Толстого: «Толстой и культура ислама», «Классический гуманизм Л. Н. Толстого и современный трансгуманизм», он-лайн курсов «Л. Н. Толстой и культура ислама», «Моральная философия Л. Н. Толстого», «Л. Н. Толстой и искусства морали», «Л. Н. Толстой и мудрецы мира», «Педагогика Л. Н. Толстого» и др.

Ключевые слова: Толстой Л. Н., духовное наследие, центр, научные исследования, образовательные практики, культурно-просветительские практики, межкультурное сотрудничество.

E. D. Meleshko

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

K. A. Podrezov

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

PROJECT OF AN INTEGRATIVE MODEL OF SCIENTIFIC RESEARCH OF SPIRITUAL HERITAGE OF L. N. TOLSTOY IN EDUCATIONAL AND CULTURAL EDUCATIONAL PRACTICES OF THE UNIVERSITY L. N. TOLSTOY

The relevance of research. The article discusses the main directions of preparation for the 200th anniversary of the birth of L. N. Tolstoy at the University of L. N. Tolstoy. An integrative format for the study of Tolstoy's work is proposed, combining scientific (academic and university research), cultural, educational and educational practices of the humanitarian sphere. The relevance of the project lies in the practical implementation of fundamental theoretical studies of the spiritual heritage of L. N. Tolstoy in the educational process during the training of teaching staff in higher education, highly qualified personnel. It is assumed that the project will have a humanitarian impact on the dynamics of the socio-cultural development of the Tula region. The novelty lies in the new research strategy of L. N. Tolstoy's work, corresponding to the challenges of modern culture, which will determine the thematic diversity of the content of works, their methodology and methods within the framework of various fields of humanities: history, cultural studies of literary studies, linguistics, museology, pedagogy, law, sociology, philosophy, ethics. The aim of the project is to create an integrative model of scientific research of L. N.'s spiritual heritage. In the educational and cultural-educational practices of the University of L. N. Tolstoy, using the best traditions of university Tolstoy readings, the work of the Department of Spiritual Heritage of L. N. Tolstoy, which will make it possible to become one of the leading centers for the study of the spiritual heritage of L. N. Tolstoy. Objectives: inter-communicative scientific, educational, cultural, educational and organizational interaction of the project actors involves the creation of the Institute of the Spiritual Heritage of L. N. Tolstoy and Russian Culture as an organizational structural platform within the framework of L. N. Tolstoy University, uniting scientists and staff of the University, IFRAN, Lomonosov Moscow State University, cultural and Philosophical Society of the Russian Federation, Voronezh State University; Kaluga University named after K. A. Tsiolkovsky, Belgorod Research University, Belgorod Institute of Culture and Arts, Ivanovo University, Shuisky branch of Ivanovo University, etc. Cultural and educational interaction in the project involves cooperation with museums: Yasnaya Polyana, Tolstoy Museum Moscow, Tolstoy Museum in Chechnya and Dagestan; cooperation with the Central library named after V. I. Lenin of Tula; interaction and cooperation with the Rector's office and structural units of the University; organization and holding of international conferences dedicated to the 200th anniversary of the birth of Leo Tolstoy; preparation of the exhibition fund and organization of exhibitions dedicated to the work of Leo Tolstoy at the University; international cooperation (India, China). Educational

practices within the curricula of university faculties, additional education, advanced training of school teachers: creation and implementation of elective courses of L. N. Tolstoy's spiritual heritage: "Tolstoy and the culture of Islam", "Classical humanism of L. N. Tolstoy and modern transhumanism", online courses "L. N. Tolstoy Tolstoy and the Culture of Islam", online course "L. N. Tolstoy's Moral Philosophy", "L. N. Tolstoy and the Art of Morality", "L. N. Tolstoy and the Sages of the World", "L. N. Tolstoy's Pedagogy", etc.

Keywords: Tolstoy L. N., spiritual heritage, center, scientific research, educational practices, cultural and educational practices, intercultural cooperation.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-5-11

Стратегия исследований духовного наследия Л. Н. Толстого

определяется культурными вызовами современности: войны, крушение колониальных систем, упадок культуры и критика традиционных ценностей и др. Опыт толстоведения в российской постсоветской науке показал необходимость *нового формата* научных исследований, соотносящихся с вызовами современной культуры. На наш взгляд, перспектива развития толстоведения на современном этапе – определение *научной парадигмы, методов и методологии в различных областях исследований творчества мыслителя*. Именно поэтому толстоведение в настоящее время нуждается в **комплексном анализе** современных исследований творчества писателя, на основе которого будут спроецированы новые *парадигмальные научные модели и методы* толстоведения XXI века в рамках различных направлений гуманитарной науки: истории, культурологии, литературоведении, лингвистике, *музееведении* педагогике, праве, социологии философии, этике. В современных реалиях культуры междисциплинарный подход обусловлен также развитием толстоведения как *комплексной научной лакуны*, следствием которого явилось бы значительное количество интересных публикаций, конгрессов, конференций и т.д.

Научные исследования духовного наследия Л. Н. Толстого, его места в мировой и русской культуре расширят возможности междисциплинарных исследований, дадут импульс к новым подходам в области межкультурных научных коммуникаций и рассмотрению творчества великого гуманиста в реалиях современной культуры, обозначат новые *инновационные* тенденции развития современного толстоведения в различных отраслях гуманитарной науки, определяют ее *исследовательскую стратегию*.

Проект интегративной модели научных исследований духовного наследия Л. Н. Толстого: перспективы развития толстоведения в Университете Л. Н. Толстого.

В области *философии, культурологии, этики* в контексте современных реалий могут быть осуществлены следующие направления научных исследований:

1. И. Кант и Л. Н. Толстой: идея «вечного мира», Классический гуманизм Л. Н. Толстого и современные теории трансгуманизма, Л. Н. Толстой и И. Кант о смысле культуры, о перспективах массовой культуры, понятие времени в хронотопе толстовской метафизики и др.

2. Философский анализ модели *этического рационализма и этического*

откровения религиозно-нравственного учения мыслителя, философская онтология и философия предсмертия.

3. Понятие греха и вины в сравнительном анализе «Божественной комедии» Данте и героев художественного творчества Л. Н. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», «Отец Сергей», «Воскресение», «Крейцерова соната», «Живой труп»).

4. В области *исторических исследований* можно предложить рассмотреть практически неисследованную область истории толстовского движения в Тульской губернии, как оригинального феномена светского протестантизма в России, опирающегося на *пост толстовскую философию* (П. Н. Николаев). Дать историческую аналитику *благодетельности и филантропии* в понимании Л. Н. Толстого на материале его статей о голоде в гуманистическом дискурсе (отчуждения от человеческого). Представить исторический анализ взглядов Л. Н. Толстого на колониальную систему отношений («Так что же нам делать», «Рабство нашего времени и др.). Показать смысл, исторические и метафизические истоки войн, героизме русского воинства. Раскрыть истоки «вечного мира» («Севастопольские рассказы», «Война и мир»). Анализ архивных данных даст представление о институализации идей Л. Н. Толстого: создание общественных организаций, (например, по борьбе с пьянством и др.), организация библиотек, общественные столовые, общественное движение по борьбе с голодом.

5. Анализ художественного творчества Л. Н. Толстого может быть сфокусирован, во-первых, на систематическом лексикографическом анализе исследования толстовского текста с привлечением культурологического материала. Во-вторых, *исследование литературного наследия* Л. Н. Толстого может быть представлено, например, сопоставлением феномена еды (роман Дж. Джойс «Улисс») и Л. Н. Толстого.

6. Экономические идеи Л. Н. Толстого: проект Генри Джорджа. ***Мораль как основа экономики*** и современные направления экономической науки (А. Рих «Хозяйственная этика»); анализ ***опыта толстовских коммун***.

7. Ясная Поляна как духовный этос художественного творчества Толстого Музей – усадьба «Ясная Поляна» в контексте мировой парковой культуры. Музеи Толстого в России и в мире, их духовно-нравственный, культурный и познавательный потенциал.

8. Педагогический формат исследований Л. Н. Толстого может быть сосредоточен на *культурно-педагогическом анализе школьного учебника* (на примере «Азбуки» Л. Н. Толстого), в исследовании личности педагога, его профессиональной и этической ответственности. Педагогика, созданная Л. Н. Толстым, может быть рассмотрена на основе трудов современных педагогов: академика А. Разумного, академика М. П. Лукацкого, академика А. А. Орлова, проф. Кудрявой Н. В., проф. В. Б. Ремизова. Современная интерпретация «Азбуки» Л. Н. Толстого (В. Б. Ремизов, С. И. Маслов), комплекса учебников для начальной и средней школы (В. Б. Ремизов), основанных на оригинальной идее интеграции гуманитарных и естественно-научных учебных материалов. Рассмотреть опыт яснополянской средней школы. На наш взгляд,

педагогические материалы современных ученых, а также образовательные практики толстовских школ могут быть использованы в научных программах Института детства, ИПИТ, с привлечением Института повышения квалификации ТО, с технической поддержкой Института передовых технологий.

9. Исследования образа жизни и личности Л. Н. Толстого, его занятия физкультурой, увлечение пешими прогулками и дальними походами, основывались на понимании приоритета телесных ценностей: *телесные ценности* проектируют его отношение к образу и стилю жизни, к питанию, медицине, к физическим упражнениям. Данный ареал научных исследований можно спроецировать на коллектив факультета физической культуры и спорта, с включением элективных курсов.

10. Флора и фауна Яснополянского заповедника. Исследование и флоры и фауны, посадка растений, исследование ландшафта, как «места духовной силы» волонтерами. Животный мир Я. П. Труд на земле как нравственная ценность.

11. Л. Н. Толстой как *личность*. Современники о личности Л. Н. Толстого. *Дворянская усадьба* как культурный этос: Толстой и «*Ясная Поляна*». Биографическая трилогия Л. Н. Толстого («*Детство*», «*Отрочество*», «*Юность*») в контексте культурного этоса. *Семейный* этос Толстого.

12. «Точка кипения»: Толстой и массовая культура. История создания «Народных рассказов». Зло как «непонятое добро»: Л. Н. Толстой «Фальшивый купон». Метафизика и этика без-умия культуры в понимании Л. Н. Толстого. (Ст-я «О безумии»).

13. Международное сотрудничество с КНР и Индией.

Научный задел кафедры философии и культурологии Университета Л. Н. Толстого.

Количество исследований превышает 200. Исследование религиозной этики Толстого получило свое выражение в научных проектах Российского гуманитарно-научного фонда: «Этика толстовства» (2001-2003), в издательском гранте РГНФ (№05-03-16103д, гриф института философии РАН) и в монографии «Христианская этика Л. Н. Толстого» М.: «Наука», 2006. Научные исследования творчества Л. Н. Толстого связаны с опытом философского и этического синтеза Толстого, как основы инновационной философии образования в России (проект РГНФ 03-03-00049а). Результат исследования – монография «Этическое образование в России» (история и современность). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2004 (лауреат фонда РГНФ 2005 г.). Систематическое обоснование их внедрения в образовательный процесс в период с начала 80-х годов XX века по настоящее время в педагогической и научной деятельности в Тульском регионе и в университетах Российской Федерации (ФГБОУ «Дагестанский университет, Институт свободных искусств ФГБОУ «Санкт-Петербургский университет») [См.: 1]. В рамках этой программы (МОН РФ «Культура ислама») «были разработаны электронные учебные пособия: «Этика и аксиология ислама», «Л. Н. Толстой и искусства морали», «Л. Н. Толстой и культура ислама»» [1], методические материалы к

курсам: Философия ненасилия Л. Н. Толстого: учебно-методическое пособие к спецкурсу. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1993 (гриф Министерства образования РФ (1993)); Права человека в системе духовных ценностей школы Л. Н. Толстого // Материалы Международной конференции, Москва, 1993, МГУ им. М. В. Ломоносова. Тула, 1994; учебное пособие для студентов педвузов: Моральная философия Л. Н. Толстого. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2005 (гриф МОН РФ), методическое обеспечение и программа «Толстой и мудрецы мира», «Л. Н. Толстой и искусства морали», «Л. Н. Толстой и культура ислама». Опыт «фундаментальных исследований нравственной философии и педагогической этики Л. Н. Толстого в системе образовательных практик Тульского региона» [1] (премия К. Ушинского) Тула, 2018. Мелешко Е. Д. Этический гуманизм Л. Н. Толстого и современный трансгуманизм. СПб, 2020; Этика Л. Н. Толстого и культура трансгуманизма // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 2 (42).

Назаров В. Н., Е. Д. Мелешко Л. Н. Толстой: сошествие в ад (этическая символика ада в творчестве Толстого) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2015. Т. 33. № 14 (211). С. 92-98. Назаров В. Н., Мелешко Е. Д. Опыт семейного зла в творчестве Л. Н. Толстого // Материалы XXXIV Международных Толстовских чтений: «Наследие Л. Н. Толстого в гуманитарных парадигмах современной науки, 8 – 10 сентября 2014 г. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2014. Мелешко Е. Д., Назаров В. Н. Образы зла в художественном творчестве Л. Н. Толстого // Материалы XXXV Международных Толстовских чтений «Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах», 8 – 10 сентября 2016 г. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого), 2016. Назаров В. Н. «Народное православие» в религиозных исканиях Л. Н. Толстого // Материалы XXXVI Международных Толстовских чтений «Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки», посвященные 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, 8 – 11 сентября 2018 г. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2018.

Рождественская И. В. Философия культуры Л. Н. Толстого : диссертация кандидата философских наук : 09.00.13 / Рождественская Ирина Владимировна. Тула, 2009. 127 с. Шарановская Ю. В. Идеал целомудрия в нравственно-религиозном учении Л. Н. Толстого : диссертация кандидата философских наук : 09.00.05 / Шарановская Юлия Викторовна. Тула, 2011. 179 с. [2].

Литература

1. Мелешко Е. Д. Фундаментальные исследования нравственной философии и педагогической этики Л. Н. Толстого в системе образовательных практик Тульского региона // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2018. № 3 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-issledovaniya-nravstvennoy-filosofii-i-pedagogicheskoy-etiki-l-n-tolstogo-v-sisteme-obrazovatelnyh-praktik-tulskogo> (дата обращения: 11.05.2024).

2. Мелешко Е. Д., Назарова Ю. В. Этические проекты в сфере педагогического образования: опыт этического центра Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого // Этическая мысль. 2023. Т. 2. № 2. С. 156-176

Reference

1. Meleshko E. D. Fundamental'nye issledovaniya npravstvennoj filosofii i pedagogicheskoy etiki L. N. Tolstogo v sisteme obrazovatel'nyh praktik Tul'skogo regiona, [Fundamental research into the moral philosophy and pedagogical ethics of L. N. Tolstoy in the system of educational practices in the Tula region], *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2018, № 3 (27), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-issledovaniya-npravstvennoy-filosofii-i-pedagogicheskoy-etiki-l-n-tolstogo-v-sisteme-obrazovatelnyh-praktik-tul'skogo> (data obrashcheniya: 11.05.2024) [In Russian]

2. Meleshko E. D., Nazarova YU. V. Eticheskie proekty v sfere pedagogicheskogo obrazovaniya: opyt eticheskogo centra Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo [Ethical projects in the field of teacher education: the experience of the ethical center of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University], *Eticheskaya mysl'*, 2023, Т. 2, № 2, S. 156-176 [In Russian]

Статья поступила в редакцию 01.06.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 01.06.2024
The article is approved for publication 24.06.2024

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А. А. ГУСЕЙНОВА

О. П. Зубец

Институт философии РАН

А. А. ГУСЕЙНОВ О ФИЛОСОФИИ САМОЙ ПО СЕБЕ

Одной из важнейших тем, которым посвящены многие работы А. А. Гусейнова, является рассмотрение философии «самой по себе». Данная статья обращается к образу демиурга, с помощью которого А. А. Гусейнов описывает и человека морали, и философа. Это совпадение выражает понимание философии как этического проекта, философской мысли как поступка. Человек морали поступает, а философ мыслит-поступает так, как если бы от него полностью зависело, «каким быть ему самому и миру», как если бы его возможности были неограничены, как неограничена его ответственность. Философ мыслит мир в его целостности и единственности, задавая его таковым самым актом своего мышления как поступка. Он в своей субъектности уподобляется демиургу. Этот образ выражает самодостаточность, персонализированность и не-сервильность философии, единственность философа в его тождественности задаваемому им миру. Он не может помыслить и словесно выразить начало, но не может не быть им. Мир для философа – не отчуждаемое творение, но поступок, актуальная действительность, что и схватывается в образе бога-демиурга. Это его собственный поступок как его бытие, единственность (персональность) которого оборачивается абсолютностью, и философ – воплощением единства бытия и мысли, подобного божественному.

Ключевые слова: А. А. Гусейнов, философия, мышление, поступок, демиург, Аристотель, Ницше.

О. P. Zubets

RAS Institute of Philosophy

(Moscow, Russia)

ABDUSALAM GUSEYNOV ON THE PHILOSOPHY IN ITSELF

One of the most important themes which many of A. A. Guseynov's works are devoted to is the consideration of philosophy "in itself", as it is. This article refers to the image of the Creator as a way to describe both a moral man and a philosopher. This coincidence expresses the understanding of philosophy as an ethical project, philosophical thought as an act. A moral man acts, and a philosopher thinks-acts, as if "what he himself and the world are to be" completely depended on him, as if his power were unlimited, just as his responsibility is unlimited. The philosopher thinks of the world in its integrity and onliness, defining it as such by the very thinking as an act. In his subjectness he is likened to the Creator. This image expresses the self-sufficiency, personalizedness and non-servility of philosophy, the onliness of the philosopher in his identity with the world he sets. He cannot think and verbally express the beginning, but he cannot help being it. For a philosopher, the world is not an alienated creation, but an act, an actual reality, which is captured in the image of the demiurge-god.

This is his own act as his being, the onliness (personality) of which turns into absoluteness, and the philosopher appears as the actualization of the unity of being and thought, similar to the divine unity.

Keywords: Abdusalam Guseynov, philosophy, thinking, the act, demiurge-Creator, Aristotle, Nietzsche

Подобная формулировка темы скорее всего является своего рода камуфляжем: идеи философа могут быть относительно ответственно изложены только им самим, живы только как *ego* мысли. Тем не менее, признание этого факта не должно заставлять замолчать пишущего, но способно лишь указать ему на его собственное место, находясь на котором он может обрести решимость обсуждать сказанное другим. Опорой в этом вопросе можно считать слова В. В. Бибихина: «... философская вещь, а она всегда событие, не боится движения, перетолкования, даже искажения, – она и в этом смысле тоже отличается от природной вещи, которую грубое обращение с ней ломает: а прочно сработанную философскую вещь грубое обращение не ломает, или, точнее сказать, философское событие становится не в меньшей, а в большей мере событием, когда его не понимают» [2]. Но есть и еще одно, дающее надежду и высказанное Ф. Ницше, когда он начал читать Шопенгауэра – «Я понял его, как если бы он писал для меня». Именно так прочитываются работы А. А. Гусейнова.

Первое, что необходимо оговорить – А. А. Гусейнов всегда писал и пишет о философии как таковой, *самой по себе*, по его выражению: чему бы ни был посвящен конкретный текст, в нем всегда или подразумевается, или напрямую проговаривается определенное понимание философии и философского дела. Кроме того, есть много его текстов, целиком или частично посвященных именно пониманию философии как таковой, и их количество увеличивается со временем. Некоторые из них приобрели значение программных для нашего философского сообщества, так можно сказать, например, о статьях:

О назначении философии // Философия и история философии. К 90-летию академика Т. И. Ойзермана. М.: Канон+, 2004. С. 88–118.

Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. № 1. 2009. С. 11–17.

Философия: между наукой и религией // Вопросы философии. № 8. 2010. С. 4–10.

Философия как этический проект // Вопр. философии. 2014. № 5. С. 16–26.

Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017, № 6. С. 5–15.

Философия поступка как первая философия. (Опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина.). Статья вторая: Первая философия как нравственная философия // Вопросы философии. 2017, № 7. С. 65–74.

Философия и идеология (к столетию «Философского парохода») // Вопросы философии. 2023. Т. № 9. С. 5–13.

Практическая философия: традиция и современные тенденции // Этическая мысль. 2023. Т. 23. № 1. С. 5–26.

О тождестве русской философии и философии в России // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 3. С. 5–16.

Философия и общество. К 100-летию Института философии РАН // Вестник Российской Академии наук. 2021. Т. 91. № 8. С. 779–792.

Нельзя не указать в этом ряду и доклад А. А. Гусейнова «Почему не любят философию и философов?» (Доклад на заседании теоретического семинара Института философии РАН «Философия в публичном пространстве» 10 марта 2015 года.)

Оставив в стороне анализ причин очевидного возрастания масштаба этой темы и проблематики в творчестве А. А. Гусейнова с ходом времени и не имея возможности даже просто перечислить основные идеи и подходы, сосредоточимся только на одной мысли, одном видении философии и философа, а точнее – на одном образе, образе философа как Демиурга, который, по крайней мере, несколько раз встречается в его текстах. Конечно, это слово лишено в них теологических смыслов и близко тому, как использовали его античные мыслители – как философский образ и идею персонифицированного начала.

Философия является делом персональным, она персональна в полном смысле этого слова – то есть всегда является мышлением конкретного человека, и какие бы общие проблемы она ни ставила, они всегда являются проблемами и решениями данного единственного мыслителя. Словами А. А. Гусейнова: «Философия представляет собой род интеллектуального труда, который имеет глубоко личностный, персональный смысл. ... Философ философствует для себя» [4].

Кроме того, она является предельно серьезным делом – в том смысле, что идет в мышлении до конца, насколько это возможно, и если, например, говорится о единственности поступка и поступающего, а значит и философа как поступающего в мысли, то «единственность» понимается совершенно буквально, не как некая индивидуальность, особенность, а именно в абсолютном смысле, который простирается на все видение мира и на все другие понятия. Серьезность эта определена и тем, что философ мыслит мир в целом, и тем, что он включает в него себя, то есть всегда мыслит о себе и для себя, и главное – его мысль является всегда *решением*, решением о поступке, а решение о поступке есть нечто предельно серьезное, окончательное, решительное. В этом философия не только серьезное, но и опасное дело.

Обратимся к высказыванию А. А. Гусейнова о важности обращения к теме философии как таковой, к высказыванию, определившему тему данного рассмотрения: «Сегодня, на мой взгляд, философия уже не может прятаться и прикрываться наукой, теологией, искусством. Она должна явиться обществу **сама по себе**, в полном сознании своей исключительной ответственности. Это она сможет сделать, если вспомнит, что ответственна не просто за истину, а за такую истину, которая одновременно является долгом, обозначает достойный путь жизни» [10, с. 27]. Утверждение, что философия «должна явиться обществу *сама по себе*, в полном сознании своей *исключительной ответственности*» – указывает на философию как поступок, ибо именно для поступка определяющими являются самодостаточность и ответственность. Эта ответственность философии, а в силу ее персональности – ответственность

философа – является не правовой, а подлинно моральной – это ответственность за свою мысль как поступок. В самой идее поступка философия и мораль совпадают в том смысле, что философия является собой в той степени, в какой она есть поступок: в какой она самодостаточна и автономна, в какой философ является поступающим, т.е. совершенным началом поступка и мира.

Это определяет некое фундаментальное совпадение между пониманием морали и философии как воплощенных в поступке во всей совокупности понятий, которые он задает. Так, например, А. А. Гусейнов пишет, что моральная оценка «настолько автономна, что она не считается с ходом времени и к событиям, которые уже в прошлом, относится так, как если бы их еще предстояло совершить. Над тем, что в прошлом, человек теряет какую бы то ни было власть, кроме моральной. Мораль не считается даже с таким жесточайшим фактом нашего существования, как необратимость времени» [6, с. 154]. Ключевое выражение для нас – «как если бы оно (действие – О. З.) целиком и полностью зависело от самой личности» [6, с. 152]. И еще: «... моральный взгляд отвлекается от их природной обусловленности так, как если бы им ничего не предшествовало и ничего за ними не следовало, и они были бы целью сами по себе, рассматривает и принимает их в качестве свободных поступков» [6, с. 165]. В одной дискуссии об отношении между моралью и религией А. А. Гусейнов говорит: «Получается, что, действуя в логике морали, человек действует так, как если бы он сам был Богом». Вот высказывание из интервью 2007 года: «Если вы хотите обязательно воспользоваться языком теологии, то можно сказать: мораль есть то, что делает человека Богом, или в силу чего он сам себе Бог. Но, на мой взгляд и вкус, теологический язык в этике неуместен из-за его конфессиональной нагруженности и из-за необоснованных претензий духовного сословия на нравственную истину».

Но такое же понимание мы находим и в описании философии: «... философия рассматривает человеческую жизнь так, как если бы она зависела от возможностей самого мыслящего и действующего индивида, а сами эти возможности были неограниченны... рассматривает ее в перспективе индивидуально-ответственного существования» [4]. Итак, речь идет о человеке как поступающем (в деятельности и созерцании, если принять это различие у Аристотеля, но при том, что и созерцание-мышление является деятельностью, образом жизни, поступком) так, как если бы поступок действия и мысли полностью зависел от него и только так, только в этом смысле он и может быть началом, субъектом. В статье «Философия в прикладном аспекте» А. А. Гусейнов пишет: «Он задается вопросом «что я должен делать?», поднимая себя до уровня субъекта, готового и способного действовать так, как если бы только от него, его решений зависело, каким быть ему самому и миру, в который он вносит изменения своими действиями» [7, с. 133].

И здесь стоит перейти непосредственно к идее философа-демиурга, начав с Аристотеля: в аристотелевской этике идет речь о том, что человек живет «не в силу того, что он человек, а потому, что в нем присутствует нечто божественное» (EN 1177b 25) – это наилучшая, наивысшая часть его души, способная к созерцанию. И человек выбирает не человеческое, а божественное

в себе, тогда, когда выбирает не то, в чем он является частью социально-природного мира, даже полиса, домохозяйства и т.д., но то, в чем он не принадлежит этому миру, являясь началом поступка. По Аристотелю, не нужно следовать увещаниям «человеку разуметь человеческое» и «смертному – смертное», то есть ограничиваться тем миром, в котором человек детерминирован, ограничен своей человечностью, напротив, «насколько возможно, надо возвышаться до бессмертия (*athanatidzein*) и делать все ради жизни (*prostodzen*), соответствующей наивысшему в самом себе» (EN, 1177b 35) [1, с. 283]. И тут же Аристотель продолжает, что человек и есть именно эта лучшая и главная часть себя, и поэтому «было бы нелепо отдавать предпочтение не жизни самого себя, а [чего-то] другого [в себе]. (EN1178a) [1, с. 283]. Созерцание есть самодостаточность, то, что содержит цель в самом себе, и в этом человек избирает божественное в себе. И таков же он в поступке – бытийствует как начало: иначе поступок был бы невозможен, невозможно было бы помыслить субъектность. Эта мысль словами А. А. Гусейнова такова: «... нравственная ответственность присутствует там, где человек действует так, как если бы он был демиургом и от него все зависело» [5, с. 787]. Только в этом случае поступок может быть *моим*, только в этом случае я могу быть моральным, а не социально-эмпирическим существом. Еще одно высказывание: «Мыслить мир философски – значит идеально воссоздать мир в его целостности. Философ в этом случае предстает в качестве своеобразного ученого-демиурга, который как бы заново творит мир в том смысле, что он создает свою модель мира, которая вполне поддается рациональной аргументации и задает пространство разумно-ответственной деятельности, благодаря чему реальная жизнь человека является одновременно также и его сознательно-осмысленной жизнью» [8, с. 109–110]

И еще один более развернутый отрывок, посвященный этому образу: «Философия предполагает и задает такое отношение человека к миру, как если бы он был его Демиургом. Она утверждает субъектность человека по отношению к миру в целом. Человек, ставший философом, создает свое царство мысли, свой мысленный образ мира, который, в отличие от мира реального, удовлетворяет его внутренним нравственным устремлениям. Он создает, мысленно конструирует такой мир, в котором он, философ, хотел бы жить и который позволяет ему, философу, развернуть его личную программу достойной жизни.

Философия включает в себе идею суверенности человека как мыслящего существа. Это среди прочего выражается в том, что каждый из философских образов мира претендует на единственность. Философия принципиально плюралистична. Она существует в форме многих философий, каждая из которых равна самой себе. Если можно говорить о преемственности в философии, то по преимуществу в негативном аспекте, в том смысле, что каждая новая философия утверждала себя через отрицание предшествующих, через явное и неявное обоснование того, что именно она, а не другие, является истиной. Здесь мы подходим ко второй особенности философского мышления.

Она состоит в том, что философское мышление является принципиально критическим к наличным формам жизни» [7, с. 124].

Но и в этой критичности философия сохраняет свою персональность и оттого это совершенно особая критичность, о которой Ницше говорит: «Я нападаю только на те вещи, против которых я не нашёл бы союзников, где я стою один – где я только себя компрометирую» [12, с. 705]. Иными словами, философская критика не подыгрывает социальной точке зрения, идеологии, мнениям, вкусу и всем возможным коллективным оценкам и взглядам, не подыгрывает им даже когда совпадает с чем-то, принципиальная критичность философии так же персональна, только от своего имени. Она не взывает к общей истине, но открывает свою, которая и есть предельно универсальная в силу единственности ее автора. «Философ начинает мыслить не там, где остановился предшественник, а каждый раз заново, как если бы он был первым в этом деле. Предметом мысли он избирает не какую-то локальную задачу, а сам мир, помысленный в его изначальности» [7, с. 126]. Он мыслит мир в его изначальности, будучи сам началом этого мира как мира его поступка, а потому он всегда мыслит сам себя. Но это мышление самого себя невозможно иначе, как только мышление, обращенное на мир. Философ-демиург и мир тождественны и единственны (единственность обнаруживается в тождественности понятий).

«Единственность представляет собой способ бытийствования самого бытия, его определенный событийной организованности. Единственность существования человека – выражение и продолжение единственности самого бытия и, если она что-то означает, то только то, что она несет на себе груз бытия в целом и ответственность за него» [11, с. 238].

«Единственность моей персональной причастности бытию нельзя помыслить, ибо мысль – это всегда общее, нечто единое, но не индивидуальное, не единственное; ее, единственность, можно только пережить и утвердить, явить собой, она не познается, а долженствуется» [11, с. 240]. И философ не мыслит свою единственность, но утверждает ее своим мышлением как поступком. Единственность философа ошибочно притягивается к идее философского одиночества, но она как раз столь же не одинока, как и бытие бога. Она, если воспользоваться выражением К. А. Свасьяна, распутывает древнюю апорию «одиночества»: подлинно одинокий никогда не говорит об одиночестве, потому что подлинно одинокий никогда не одинок: включая в себя весь мир и задавая его собой, философ обретает все многообразие мира как самого себя – в цельности и полноте.

А. А. Гусейнов написал ряд работ о роли сослагательного наклонения в морали, и здесь – в определении философа как демиурга – можно было ограничиться сослагательной конструкцией «как если бы он был». Но этот шаг подвергается разрушительному сомнению, как только в понимании философии появляется понятие поступка, т.к. поступок, будучи актуальной действительностью, энергией, данностью, отменяет, ничтожит сослагательность. Невозможно быть, поступать, как если бы вы были, поступали: ведь речь не о гносеологической процедуре, а именно о бытии.

Конечно, поэтически можно сказать: «он живет как если бы он был живым», «он есть как если бы он был», но как только сделаешь шаг в сторону от содержания к факту поступка, сослагательность становится невозможной: невозможно поступать как если бы ты поступал. Что означает: как если бы был богом? Но я и есть бог, когда поступаю. Я есть в поступке. И вот здесь ключ к тому, что делает философия – она не усвершенствует знание, веру, творение, но она осуществляет в самом философствовании как поступке это переворачивание от *как если бы* к *есть*. Ее утверждения о мире – самые эмпирически не данные – становятся данными. В ней нет – «возможно», в ней нет гипотезы. В ней человек мыслит не как *если бы он был* (богом), а в ней он *есть* таковой. Мир – не *пойезис* бога, не творение, не продукт его активности, ибо творение отчуждается, перетягивает бытийность творца на себя. Мир есть поступок бога – всегда актуальная действительность. Если весь мир поступок (не творение), то не может не быть поступающего – абсолютного субъекта.

Сократ и Кант открыто проговаривают решающий аргумент, который является не аргументом, а чем-то гораздо более окончательным, выводящим за пределы рационального дискурса. В ответ на обвинение, что он не дает ясного и окончательного ответа на вопрос о лжи, Сократ говорит, что сам он никогда не совершает несправедливого. Он переводит поиск общих понятий в совершенно другое качество – в индивидуальный, свой поступок, решение. То же самое говорит и Кант о лжи – он сам не лжет. Философия противопоставляет мнению не только истину, не истину в первую очередь: она противопоставляет мнению социума взгляд поступающего. То есть не одному знанию противопоставляется другое знание, но знанию – поступок мышления, нечто абсолютное, обрывающее любой спор, обсуждение, любую игру с понятиями. В этом единственность (персональность) поступка оборачивается абсолютностью, и философ является воплощением единства бытия и мысли, подобного божественному. Для философской мысли нет контекста, как его нет для поступка – он самодостаточен, а потому вне-контекстуален. Мысль-поступок не может быть иной в зависимости от контекста, как не может быть иным решение, данное в совершенном поступке.

Для философа-демиурга нет и плюральности: она несовместима с самодостаточностью, невозможно мыслить бытие ситуативно и частями, так же как и невозможно поступать локально. Поступок абсолютен и определен, он не иногда, а сейчас и навсегда, его невозможно втиснуть в ограниченное пространство (совершенное убийство порождает весь мир как мир, в котором убивают), он не вариативен, и вот именно будучи таковым он задаёт философию как мышление о едином как единственном и целом.

Философия отменяет множественность мнения. Как только я помещаю себя в центр мира – а это и есть философия – множественность отменяется. Философия полагает предел знанию, как поступок обрывает уходящий в бесконечность процесс постижения все более истинного. Философия есть не понимание множества дорог, мотивов, целей и тп., а то грандиозное, радикальнейшее утверждение бытия как данности–совершение все завершающего шага.

Мнение завязано на язык, оно питается лексическими играми. Философия не может без языка, но не привязана к нему, философский язык – не средство общения, но средство устройства мира. В нем нет единства понятий, у каждого философа – свой язык, т.е. это уже не совсем язык. И это не некое несовершенство, недоработка. Философия – разговор с самим собой, и вот в таком разговоре язык не нуждается в односмысленности понятия – тут односмысленность задается тем, что один мыслит, а не тем, что он мыслит одно.

Начало невозможно помыслить и высказать – в этом смысле задача философии помыслить начало неисполнима, безнадежна. Но быть началом – это то, на что философ претендует. Гусейнов ставит задачу найти соединение абсолютного и единственного – и это соединение он находит в поступке, но это значит – и в поступающем, в единственности поступка и поступающего.

«...В конце концов меня в гораздо большей степени устраивало бы быть славным базельским профессором, нежели богом; но я не осмелился зайти в своем личном эгоизме так далеко, чтобы ради него поступиться сотворением мира», – писал Ф. Ницше Якобу Буркхардту в январе 1889 года. Эта фраза, пошлейшим образом приписываемая «не-богами» ницшевскому безумию, тем не менее, будет услышана подлинным философом со всей серьезностью, именно так ее слышит А. А. Гусейнов и так ей посвящает статью К. Свасьян – один из лучших понимателей Ницше. «Профессор, обменивающий кафедру и жалование на вакансию Бога, едва ли мог рассчитывать на что-либо большее, чем ясный и бесспорный диагноз, пишет он – и продолжает – что всякая попытка довоспоминаться до своего исконного смысла (библейского «И будете как Боги» – О. З.) и самолично восстановить распавшуюся связь, автоматически зачислялась по ведомству психиатрии. Эпоха гуманизма реагировала на вещи, запредельные её пониманию всё-таки иначе, чем мрачное средневековье; норме костра она предпочитала норму смирительной рубашки [14], [Комм. 1]». «Парадокс Ницше не в патологии его темы, а в её *исключительной нормальности*; не оттого он отказался от профессуры и предпочёл ей творение мира, что был болен, а оттого, что искал *абсолютного здоровья*» [14].

В своем осмыслении философии А. А. Гусейнов находит собеседника в Ницше, его критике ее познавательной парадигмы, дискредитирующей человека, делающей его «до известной степени необходимым, однообразным, равным среди равных, регулярным и, следовательно, исчислимым» [13, с. 440], а т.к. «бездушную тиранию разума необходимо было интерпретировать как тончайший сердечный позыв» [9] – эту задачу выполняет отвергаемая мораль. Такой философии противостоит философия, в которой «человек – не часть мира, пусть даже лучшая, не данность, не объект. Он представляет собой средоточие бытия, в его руках находится судьба самого мира» [9], он бытийственен в своей субъективности, это его изначальное первичное состояние: поступок, действие – есть все.

Философию отличает от науки ее самодостаточность, то, что она не сервильна не только по отношению к различным формам культуры и практики, но даже к истине, если понимать под последней верное отображение некоей данной реальности. А. А. Гусейнов пишет: «...научное суждение наряду с

безличным предметным содержанием, которое взвешивается на весах объективной истинности, представляет собой персональную, ответственную позицию того индивида, который стоит за этим суждением» [3, с.22], и именно последнее может быть отнесено к философии. Это высказывание предваряет важный для автора пример, доводящий эту идею до предельной остроты. Речь идет о трех ученых-историках, специалистах по истории караимов, которые, будучи прежде сторонниками теории о принадлежности этого народа к евреям и будучи спрошенными нацистами, отвечавшими за «научность» «решения еврейского вопроса», не сговариваясь, ответили, что караимы не являются евреями, из чего следовало, что они не подлежат уничтожению. В данном случае свидетельство ученого было поступком: «научная истина отнюдь не является этически нейтральной, если ее рассматривать в контексте конкретной человеческой деятельности, с учетом целей и последствий последней, как поступок самого ученого». Философ как задающий мир поступком своего мышления, как Демиург, не нуждается в понятии истины и если обращается к нему, то лишь для того, чтобы найти общий язык с познанием: создаваемый им мир не предан ему как объект познания, а само мышление философа не сервильно не только в отношении практических задач и интересов, но и по отношению к познанию.

Мысля мир как целое, он не может рассматривать его, не видя движения к уничтожению караимов или, например, того, что даже обосновываемое правом или самыми благими, так называемыми, моральными целями или совершенной случайностью, убийство является именно убийством. Иными словами, философское мышление, обращенное даже к самым трансцендирующим человека идеям, не может не быть обращенным к простейшей данности мира. Именно и только философское мышление способно предзадать самому себе поступок не-убийства: не заповедь «не убий», не требование или закон, которые всегда могут быть обойдены и ограничены рациональностью, но сам поступок не-убийства, само решение, которое и может быть дано только в поступке. Подобно тому, как чтобы быть философом, надо родиться, точно также для этого надо быть не-убивающим. Ненасилие, поэтому, есть не некий вывод из рационального дискурса, не одна из теорий, а то, что вообще делает философское мышление возможным. Как начальное для философии это не допускает обоснования и не нуждается в нем. Тем не менее, стоит сказать, что именно это начало делает философию самодостаточной, вырывает ее из пространства социума и индивидуальной повседневности.

Демиург не убивает, не мыслит и не обосновывает убийство. Это тот уникальный случай, когда язык названия яснее и убедительнее, чем любое рассуждение. Помыслить философа через образ Демиурга значит с предельной серьезностью принять и развернуть особый понятийный ряд: самодостаточность, мышление как поступок, единственность. Сюда можно добавить и центральность – иное выражение той же единственности. Именно таково рождение философа, когда «Я, вращавшееся прежде вокруг объективного мира ценностей (моральных, религиозных, научных, каких угодно), отказывается впредь быть периферией этого центра и хочет само стать

центром, самолично определяющим себе меру и качество собственной ценностной галактики» [15, с. 23].

Комментарии

1. Свасьян К. А. «Ницше или Как становятся Богом (Две вариации на одну судьбу)» <https://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/svasian/%3FcurPos%3D1>

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–294.
2. Бибихин В. В. Чтение философии : (курс лекций) // @bibihin : [страница в соц. сети ВКонтакте]. URL: https://m.vk.com/vbibichin?reactions_opened=wall-129424802_24068. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
3. Гусейнов А. А. Мораль и наука: характер их связи (К 90-летию со дня рождения академика В. А. Лекторского) // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 14–24
4. Гусейнов А. А. Почему не любят философию и философов? : доклад на заседании теоретического семинара Института философии РАН «Философия в публичном пространстве» 10 марта 2015 года : доклад отредактирован с учетом вопросов и обсуждения // Институт Философии Российской Академии Наук : офиц. сайт. URL: <https://iphras.ru/page23439754.htm> (дата обращения: 10.05.2024).
5. Гусейнов А. А. Совесть и нравственность – для чего они? // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 779–791.
6. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 131–186.
7. Гусейнов А. А. Философия в прикладном аспекте // Этика и культура: статьи, заметки, выступления, интервью. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 118–137.
8. Гусейнов А. А. Философия и этика: уроки Античности // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 94–113.
9. Гусейнов А. А. Философия как этика (опыт интерпретации Ницше) // Фридрих Ницше и философия в России : сб. ст. / ред.-сост. Н. В. Мотрошилова, Ю. В. Синеокая. СПб.: Рус. Христиан. Гуманитар. ин-т, 1999. 159–178. Электрон. версия печ. ст. URL: <https://www.nietzsche.ru/look/xxc/etica/guseenov/>. Доступ на сайте Фридрих Ницше.
10. Гусейнов А. А. Философия между наукой и религией // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 16–29.
11. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия // Этика и культура. СПб., 2019. С. 229–263.

12. Ницше Ф. ЕССЕ НОМО (как становятся собой) // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: МЫСЛЬ, 1990. С. 693–769.
13. Ницше Ф. К генеалогии морали // Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: МЫСЛЬ, 1990. С. 407–524.
14. Свасьян К. А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше или Как становятся Богом (Две вариации на одну судьбу). Ереван: Ноян Тапан, 1999. С. 5–46. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/svasian/%3FcurPos%3D1>. Доступ на сайте Фридрих Ницше.

References

1. Aristotle. *Nikomakhova etika* [The Nicomachean Ethics], *Soch.: v 4 t.* [Writings. In 4 vols.], Vol. 4, Moscow, Mysl' Publ., 1984, Pp. 53–294. [In Russian]
2. Bibikhin V. V. *Chteniye filosofii : (kurs lektsiy)* [Reading philosophy : (series of lectures)], @bibihin, URL: https://m.vk.com/vbibichin?reactions_opened=wall-129424802_24068 [In Russian]
3. Guseynov A. A. *Moral i nauka: kharakter ikh svyazi (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika V. A. Lektorskogo)* [Morality and science: the nature of their relationship (On the 90th anniversary of the birth of Academician V.A. Lektorsky)], *Voprosy filosofii*, 2022, No. 9, Pp. 14–24. [In Russian]
4. Guseynov A. A. *Pochemu ne lyubyat filosofiyu i filosofov? : doklad na zasedanii teoreticheskogo seminaru Instituta filosofii RAN «Filosofiya v publichnom prostranstve» 10 marta 2015 goda* [Why do people dislike philosophy and philosophers? Presentation at the meeting of the theoretical seminar of the RAS Institute of Philosophy 'Philosophy in Public Space', 10 March 2015], *Institut Filosofii Rossiyskoy Akademii Nauk* [RAS Institute of Philosophy], URL: <https://iphras.ru/page23439754.htm> (accessed: 10.05.2024)
5. Guseynov A. A. *Sovest' i npravstvennost – dlya chego oni?* [Conscience and morality - what are they for?], *Filosofiya – mysl i postupok: stat'i, doklady, lektsii, intervyyu* [Philosophy – thought and deed: articles, reports, lectures, interviews], Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2012, Pp. 779–791. [In Russian]
6. Guseynov A. A. *Soslagatelnoye nakloneniye morali* [The subjunctive mood of morality], *Filosofiya – mysl i postupok* [Philosophy – thought and deed] Saint Petersburg, 2012, Pp. 131–186. [In Russian]
7. Guseynov A. A. *Filosofiya v prikladnom aspekte* [Philosophy in applied perspective], *Etika i kultura: statyi, zametki, vystupleniya, intervyyu* [Ethics and Culture: articles, notes, speeches, interviews], Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2019, Pp. 118–137. [In Russian]
8. Guseynov A. A. *Filosofiya i etika: uroki Antichnosti* [Philosophy and Ethics: Lessons from Antiquity], *Filosofiya – mysl i postupok* [Philosophy – thought and deed], Saint Petersburg, 2012, Pp. 94–113. [In Russian]
9. Guseynov A. A. *Filosofiya kak etika (opyt interpretatsii Nitsshe)* [Philosophy as ethics (experience of interpreting Nietzsche)], *Fridrikh Nitsshe i filosofiya v Rossii* [Friedrich Nietzsche and philosophy in Russia], ed. by N. V.

Motroshilova, Yu. V. Sineokaya, Saint Petersburg, Rus. Khristian. Gumanitar. in-t Publ., 1999, Pp. 159–178, URL: <https://www.nietzsche.ru/look/xxc/etica/guseenov/> [In Russian]

10. Guseynov A. A. *Filosofiya mezhdu naukoy i religiyey* [Philosophy between science and religion], *Filosofiya – mysl i postupok* [Philosophy – thought and deed], Saint Petersburg, 2012, Pp. 16–29. [In Russian]

11. Guseynov A. A. *Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya* [Philosophy of the act as the first philosophy], *Etika i kultura* [Ethics and Culture], Saint Petersburg, 2019, Pp. 229–263. [In Russian]

12. Nietzsche F. *ECCE HOMO (kak stanovyatsya soboy)* [Ecce Homo: How One Becomes What One Is], *Soch. : v 2 t.* [Writings. In 2 vols.], Vol. 2, Moscow, Mysl Publ., 1990, Pp. 693–769. [In Russian]

13. Nietzsche F. *K genealogii morali* [On the Genealogy of Morality], *Soch. : v 2 t.* [Writings. In 2 vols.], Vol. 2, Moscow, Mysl Publ., 1990, Pp. 407–524. [In Russian]

14. Svasyan K. A. *Fridrikh Nitsche: muchenik poznaniya* [Friedrich Nietzsche: martyr of knowledge], *Nitsche ili Kak stanovyatsya Bogom (Dve variatsii na odnu sudbu)* [Nietzsche or How One Becomes God (Two Variations on the Same Destiny)], Yerevan, Noyan Tapan Publ., 1999, Pp. 5–46, URL: <https://www.nietzsche.ru/biograf/analiz/svasian/%3FcurPos%3D1> [In Russian]

Статья поступила в редакцию 05.06.2024

Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 05.06.2024

The article is approved for publication 24.06.2024

А. В. Прокофьев
Институт философии РАН

МОРАЛЬНЫЕ АБСОЛЮТЫ (ЕЩЕ ОДНА ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ НЕГАТИВНОЙ ЭТИКИ А. А. ГУСЕЙНОВА)

В данной статье, приуроченной к 85 летнему юбилею академика А. А. Гусейнова, реконструировано нормативно-этическое измерение его негативной этики. Оно задано идеей абсолютности морали. Претензия морали на абсолютность, по А. А. Гусейнову, реализуется в том, что в основании этого явления лежат фундаментальные запреты, требующие от морального агента совершения негативных поступков. Абсолютный запрет, характеризуется своей категоричностью, то есть отсутствием ситуативных исключений или обоснованных отступлений. Отсутствие исключений делает нормативное содержание запрета однозначным (мораль не может точно сказать, что нам надо делать, но может точно сказать, чего нам делать не надо). Исполнение абсолютного запрета точно фиксируется как самим моральным агентом, так и окружающими. В отношении мотивов исполнения запрета не может быть самообмана. Абсолютные запреты создают жесткий каркас, внутри которого формируются и действуют позитивные моральные предписания, имеющие относительный статус. Среди историко-философских параллелей негативной этики исследователи, как правило, указывают на И. Канта (в особенности в части неприятия И. Кантом лжи из человеколюбия), Л. Н. Толстого и А. Швейцера. Однако ряд типологически схожих этических учений заметно шире. В данной статье проведено сравнение нормативного измерения негативной этики с нормативной программой традиционалистской моральной теологии католицизма конца XX в. Основной предмет сравнения – этический манифест Джона Финниса «Моральные абсолюты: традиция, пересмотр и истина» (1991). Дж. Финнис определяет моральные абсолюты как фундаментальные, не допускающие исключений моральные запреты, в которых то, что запрещено, характеризуется без применения оценочных понятий, в качестве легко опознаваемых физических действий, которые изначально выведены из числа предметов выбора морального агента. Это определение очень близко к пониманию абсолютности морали А. А. Гусейновым. Близкой по своей структуре и содержанию является и аргументация против нормативно-этических теорий, стремящихся релятивизировать моральные запреты, придавая им статус общих ориентиров поведения, действие которых может быть приостановлено в конкретных ситуациях. Дж. Финнис, критикующий католических пропорционистов, так же, как и А. А. Гусейнов, критикующий российских ситуационистов в вопросах о допустимости обмана и применения силы, указывает на неизбежность распада всей внутренней механики морального выбора, если тот будет опираться на концепцию меньшего зла. Следует отметить, что при всем сходстве методологических подходов, негативная этика и католический традиционализм лишь частично совпадают в своих ответах на вопрос, какие запреты следует считать абсолютными

Ключевые слова: мораль, этика, абсолютные запреты, негативная этика, католическая моральная теология, пропорционизм, А. А. Гусейнов, Дж. Финнис.

A. V. Prokofyev
RAS Institute of Philosophy
(Moscow, Russia)

MORAL ABSOLUTES (ONE MORE HISTORICAL PARALLEL OF A. A. GUSSEINOV'S NEGATIVE ETHICS)

In this paper, timed to the 85th anniversary of Academician A. A. Gusseinov, the normative dimension of his negative ethics is reconstructed. It is determined by the idea of the absoluteness of morality. According to A. A. Gusseinov, the claim of morality to absoluteness relates to the fact that the entire edifice of morality rests on fundamental prohibitions that require the moral agent to perform negative acts. An absolute prohibition has the categorical character, i.e., such prohibitions do not allow any situational exceptions or justified derogations. The absence of exceptions makes the normative content of the prohibition unambiguous (morality cannot say exactly what we should do, but it can say exactly what we should not do). The compliance with an absolute prohibition is precisely recorded both by the moral agent him/herself and by others. The self-deception with respect to the motives for the compliance with an absolute prohibition is impossible. Absolute prohibitions create a rigid framework within which positive moral precepts with relative status are formed and operate. Among the historical parallels of negative ethics, researchers usually point to I. Kant (especially his rejection of benevolent lies), L. N. Tolstoy and A. Schweitzer. However, the range of typologically similar ethical doctrines is noticeably wider. This article compares the normative dimension of negative ethics with the normative program of the traditionalist moral theology of Catholicism at the end of the 20th century. The main subject of comparison is John Finnis's ethical manifesto *Moral Absolutes: Tradition, Revision, and Truth* (1991). Finnis defines moral absolutes as fundamental, exceptionless moral prohibitions in which what is prohibited is characterized without the use of evaluative concepts, as easily identifiable, inherently wrong acts that are excluded from the moral agent's deliberation. This definition is very close to A. A. Gusseinov's understanding of the absoluteness of morality. There is also another point of similarity. It is A. A. Gusseinov's and J. Finnis's argumentation against ethical theories that seek to relativize moral prohibitions, giving them the status of general guidelines that can be suspended in particular situations. J. Finnis criticizing Catholic proportionalists as well as A. A. Gusseinov criticizing the position of Russian situationists on the permissibility of the use of force and deception points to the inevitable disintegration of the entire mechanics of moral choice if it is based on the concept of the lesser evil. It should be noted that, for all the similarities in methodological approaches, negative ethics and Catholic traditionalism only partially coincide in their answers to the question of which prohibitions should be considered absolute.

Keywords: morality, ethics, absolute prohibitions, negative ethics, Catholic moral theology, proportionalism, A. A. Gusseinov, J. Finnis

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-24-37

Моральный абсолютизм: версия Абдусалама Гусейнова

Понятие «абсолютный», как и производные от него понятия «абсолютность» и «абсолютизм», играют важную роль в моральной философии Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова. Абсолютными он называет как саму мораль, так и некоторые конкретные моральные феномены. Довольно часто мораль характеризуется им в качестве обладающей «претензией на абсолютность». И в этом случае имеется в виду как мораль в ее стихийно складывающихся, нерелексивных формах (у А. А. Гусейнова буквально: «массовидных и повседневных проявлениях морального сознания»), так и, в особенности, в рамках того архетипического образа, который возникает на основе философской рефлексии особенностей существования человека в мире [12, с. 202]. В ряде случаев понятие «абсолютный» соседствует у А. А. Гусейнова с понятием «безусловный» и даже более того – приближается к нему по смыслу или используется как синоним. В других случаях понятие «абсолютный» находится в тех же отношениях с понятиями «категорический»

(«категоричный») и «всеобщий». Это могло бы стать предметом специального исследования, но в данной статье не входит в мои задачи.

В качестве основных частных моральных феноменов, наделенных предикатом «абсолютный» у А. А. Гусейнова выступают поступки, а также запреты (ср.: «если возможны абсолютные моральные поступки, то они возможны в качестве негативных поступков, задаваемых определенными запретами» [2, с. 280]). «Нравственные требования, – пишет А. А. Гусейнов, – необходимо являются запретами, не могут не быть запретами. Только в качестве запретов они поддаются рациональному обоснованию. Это касается прежде всего таких специфических признаков моральных требований, как безусловность (абсолютность, категоричность) предписаний и бескорыстие мотивации» [5, с. 636]. Раскрывая смысл понятия «категоричность» создатель негативной этики замечает, что оно по сути своей тождественно отсутствию исключений из того или иного требования («отсутствие исключений, невозможность исключений, категоричность требований – обязательный знак нравственности») [11, с. 225]. При этом он уточняет, что не допускают исключений именно «основополагающие» нравственные запреты, в отличие от вторичных, вспомогательных норм [11, с. 228]. Если же мы сталкиваемся с такой формулировкой «основополагающего запрета», которая все же допускает исключения (в тексте буквально – «отступления»), то это значит, что «запрет... не закреплен в моральной безусловности, не доведен до конкретности безусловно обязательных для каждого морального индивида негативных поступков» [4, с. 709].

Отсутствие исключений сопровождается в абсолютных запретах их прозрачностью и очевидностью (ближайшие используемые А. А. Гусейновым понятия «легкость идентификации», «легкость удостоверения», «отсутствие двусмысленности», «однозначность»). В отличие от позитивной программы морали, ее негативная программа может быть выражена вполне определенно, без необходимости сложных ситуативных интерпретаций. «Запрет, – замечает А. А. Гусейнов, – может быть универсальным, безусловным, поскольку он коренится в разуме человека, а не в особенных обстоятельствах его жизни, становится поведенческой установкой в силу решения. Он опирается на автономию воли, поскольку противостоит тем волевым импульсам, которые имеют внешнее (гетерономное) происхождение. Поэтому абсолютная мораль может приобрести реальность только в форме запретов. Она не может сказать человеку, что делать. Но она может ему сказать, чего не делать. Этический и нравственный опыт человечества говорит по крайней мере о двух таких взаимосвязанных запретах: «не убий» и «не лги». Гуманистическая этика не может выразить свое содержание таким образом, чтобы оно прямо сопрягалось с вполне конкретными позитивными действиями индивидов. Она говорит о любви и честности как важнейших основоположениях морали, но при этом остается открытым вопрос о том, какие конкретные поступки надо совершать в тех или иных ситуациях, чтобы следовать этим принципам... Однако гуманистическая этика может запечатлеть свое содержание в запретах, которые в практическом применении совершенно однозначны. Из запретов «не убий» и

«не лги» прямо вытекает, чего не следует делать. Здесь не может быть двусмысленности. Тем самым абсолютная мораль, оставаясь всеобщей и автономной, выступает уже не в форме моральных добродетелей и правил, а в форме поступков» [6, с. 330].

Прозрачным в случае запретов является не только их нормативное содержание применительно к любому практическому случаю, но и мера их исполнения в каждом таком случае. Запрет может быть или исполнен, или не исполнен, и моральный агент всегда точно знает, исполнил он запрет или нет. В отличие от позитивных предписаний, здесь не остается места для самообмана. А. А. Гусейнов так иллюстрирует этот тезис: «Запреты – не только преимущественная, превалирующая форма нравственной жизни; они являются также и самой действенной ее формой. За запретами стоят такие поступки, которые легче идентифицировать и труднее прикрывать софистикой морального лицемерия, чем позитивные действия; монаху-бenedиктинцу, наверное, проще было ответить себе на вопрос, соблюдает ли он норму “Не прелюбодействуй!”, чем удостовериться в том, что он трудится в поте лица своего» [7, с. 181].

Наконец, в случае исполнения или неисполнения запрета прозрачным оказывается и мотив совершения поступка. В случае с позитивными предписаниями в качестве мотива может выступать замаскированная корысть, и моральный агент никогда не может быть уверен, что он действовал из одного лишь стремления к моральному совершенству. По мнению российского философа, «люди обманывают не только других, но и себя – и часто в большей мере, чем других. И когда речь идет... о позитивных намерениях, сопровождающих поступки, то всегда возникают сомнения: не стоят ли за этим соображения выгоды... Никогда нельзя ответить себе на вопрос, совершил ли ты этот поступок в силу благородства своих намерений или потому, что это был благоразумный поступок, который был тебе выгоден, обеспечивал уютную жизнь или какие-то другие блага?» Что же касается «негативных поступков или поступков, фиксирующих и воплощающих в поведении запреты», то для А. А. Гусейнова они «являются однозначными, то есть это поступки, по поводу которых людям очень трудно обмануть самих себя» [4, с. 710]. Такие поступки противоположны стремлению к выгоде и самим своим совершением подтверждают «бескорыстие мотивации».

Естественно, мораль не ограничивается для А. А. Гусейнова запретами, однако запреты играют в ней структурирующую, формообразующую роль. «Нравственно санкционированная практика, – пишет он, – во всех своих разновидностях обрамлена запретами: семья – запретом на прелюбодеяние, правосудие – запретом на лжесвидетельство, патриотизм – запретом на измену и т.д. Наряду с ними, существуют также универсальные запреты, которые задают саму нравственность как форму человеческой практики и мыслятся абсолютными без каких-либо ограничений. Таковы, как минимум, следующие два: запрет на насилие («Не убивай!») и запрет на ложь («Не лги!»). Они негативно очерчивают бытие индивидов в качестве нравственно зрелых личностей, субъектов индивидуально-ответственного поведения, запрещая

одному человеку подчинять себе волю другого, будь то путем физического принуждения (насилия) или путем обмана» [2, с. 113–112].

Внутри «обрамления» из запретов находится область, наполняемая индивидуальным и коллективным творчеством. Здесь присутствует значительная историко-культурная специфика. В некоторых работах российского философа эта область именуется областью «всеобще-локальных» предписаний [7, с. 181–182]. И здесь уже, напротив, претензия на абсолютность является не законным следствием природы морали, а проявлением глубочайшего непонимания ее природы. «Идея абсолютной морали... необходима хотя бы для того, чтобы сознавать относительность всех реальных форм, в которых мораль бытует, и чтобы не была объявлена абсолютной ни одна из них» [10, с. 38].

В этике А. А. Гусейнова есть два среза абсолютности морали, условно говоря, нормативно-этический и метафизический. Для метафизического среза с 1990-х гг. центральную роль играют аристотелевская идея высшего блага, стоический идеал самодостаточности, перенесенный из области мотиваций и состояний духа в область качества поступков, и кантианская универсализуемость суждений (образцовый текст – статья «Сослагательное наклонение морали» (2001) [7]). Позднее в этом метафизическом синтезе центральное место занимает обращение к философскому наследию М. М. Бахтина и его фундаментальным понятиям «не-алиби в бытии» и «моральная ответственность», в отличие от «специальной» (см. работу «Философия поступка как первая философия (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина)» (2017) [8], [9]). Однако в данной статье, как уже стало очевидно из моего обзора морального абсолютизма А. А. Гусейнова, я планирую обсуждать исключительно нормативно-этический срез абсолютности, нормативную систему абсолютной морали, а не ее философское обоснование (о проблеме обоснования абсолютной морали у А. А. Гусейнова см. [1]). Этот срез выражается в связке: абсолютный поступок как поступок реализующий абсолютный запрет. Таково нормативное ядро концепции, именуемой ее автором негативной этикой.

Негативная этика А. А. Гусейнова раскрывает свои многочисленные грани в широком историко-философском контексте. Основными его составляющими принято считать идеи мыслителей, наследие которых непосредственно исследовал и с которыми вел прямой диалог А. А. Гусейнов. Это И. Кант, преимущественно его категорическое отрицание возможности морально обоснованного обмана, а также Л. Н. Толстой с его категорическим отрицанием применения силы к другому человеку. В несколько меньшей мере – отрицание А. Швейцером моральной допустимости уничтожения любых форм жизни (с известной оговоркой, что неизбежные вынужденные действия такого рода обрекают человека на жизнь с нечистой совестью). Однако я хотел бы обратиться к другой, казалось бы, менее очевидной параллели. И эта менее очевидная параллель создает дополнительное, на мой взгляд, очень интересное и эвристически ценное зеркало для нормативной этики А. А. Гусейнова. Я имею в виду в виду традиционалистскую католическую моральную теологию

конца XX в., в особенности, в том виде, как она была представлена в обобщающей работе Джона Финниса «Моральные абсолюты: традиция, пересмотр и истина», изданной в 1991 г. ([14], о многогранном философском творчестве Дж. Финниса см.: [17]).

Моральный абсолютизм: версия Джона Финниса

В чем же, по мнению Дж. Финниса, состоит абсолютность абсолютных требований (у Дж. Финниса – правил)? В соответствии с первой его характеристикой, абсолютное правило – это такое правило, нарушение которого невозможно обосновать или нарушение которого не может быть чем-то допустимым или обязательным даже в каком-то общем зачете, включающем суммирование всех влияний нарушения на мир. Если обозначить обоснованные, допустимые или обязательные случаи нарушения правила словом «исключение», то абсолютное правило – это правило, которое не предполагает исключений [14, р. 3]. Просто «Делай X», а не «Делай X, но в условиях Y, ты имеешь право или обязан сделать не-X».

Различие между абсолютными и неабсолютными правилами можно было бы попытаться свести к категориям универсального и общего. Как абсолютное, так и неабсолютное правило одинаково универсальны (то есть не отсылают нас к конкретным индивидам), но отличаются по степени общности. Что это означает? Правило «Делай X» относится ко всем агентам, а правило «Делай X, но в условиях Y, ты имеешь право или обязан сделать не-X» является таким требованием, которое обращено лишь к тем, кто не попал в условия Y. Параметры исключения из правила задает в этом случае особое положение агента. То же самое различие в общности может касаться уже не агента, а реципиентов действия. Тогда более общее правило предписывает какое-то воздействие на всех реципиентов («Делай X в отношении каждого»), а менее общее – на всех, кроме тех, кто обладает теми или иными свойствами («Делай X в отношении каждого, кроме тех, кто обладает свойствами a, b, c»). В этом случае специфику ситуации-исключения задают три совместно присутствующих свойства реципиента. В своей сфере регулирования такой, как совершение агентом действий определенного типа, или такой, как оказание воздействия определенного типа на реципиентов, универсальное правило может обладать предельной степенью общности и не допускать никаких исключений именно в силу этого обстоятельства. Если перед нами такое правило, то его следует называть абсолютным. Если нет, то оно абсолютным не является. В таком случае абсолютными будут все перечисленные ниже правила: «Не убивай!», «Не вреди!», «Поступай честно!», «Сопrotивляйся злу!», «Содействуй наибольшему счастью наибольшего количества людей», «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой».

Существует интересный историко-философский прецедент, касающийся данного подхода к пониманию абсолютности правил. Знаменитый британский этик Ричард Хэар столкнулся в устном высказывании еще одного известного аналитического философа XX в., Элизабет Энском, так же, как Дж. Финнис, относившейся с большой симпатией к католической моральной доктрине, с заинтересовавшим его употреблением слова «абсолютный». Критикуя

консеквенциалистскую этику, Энском использовала по отношению к неконсеквенциалистским принципам, то есть к тем, которые не предполагают выявления и суммирования последствий действия, сочетание слов «абсолютно общие принципы», добавив при этом, что такие принципы никогда не попадают под вопрос [15, р. 53]. Реакция Р. Хэара была такова: «абсолютно общие» – это неудачная формулировка, можно было бы говорить лишь о предельно общих и в силу этого абсолютных. Предельно общие принципы, действительно, не содержат исключений, и значит имеют право называться абсолютными. Но, по мнению Р. Хэара, Г. Э. М. Энском пытается сказать что-то другое. Для нее абсолютные принципы имеют абсолютный характер не в силу того, что они обладают предельной общностью, а на какой-то иной основе. Ключевой абсолютный, то есть не допускающий исключений, принцип, по Г. Э. М. Энском, «Не убивай невиновных!», а он явно не является предельно общим в отношении такого обращения с реципиентами, как лишение их жизни. Даже принцип «Не убивай!», находящийся в центре внимания многих этиков-абсолютистов, не имеет этого статуса, поскольку относится у них только к человеку, а не ко всему тому, что можно было бы убить. Замечание Р. Хэара верно не только по отношению к Г. Э. М. Энском, но и по отношению к любому моральному абсолютисту, включая Дж. Финниса и А. А. Гусейнова. Для них а) отсутствие у абсолютного правила исключений не является следствием его предельной общности, б) отсутствие исключений может характеризовать правила, не обладающие в своей сфере регулирования предельной общностью.

Вторая характеристика абсолютного правила, по Дж. Финнису, состоит в том, что формулировка такого правила не должна включать оценочных понятий [14, р. 2–3, 25]. Почему так? причина связана с тем, что правило, включающее в себя оценочные понятия, может не допускать исключений лишь потому, что оно формально или тавтологично. Возьмем, к примеру, правило «Не лишай людей жизни несправедливо». У этого правила не будет исключений, поскольку несправедливость в рамках моральной системы координат табуирована изначально, любые несправедливые поступки должны быть заведомо исключены из поведения морального агента. Вопрос лишь в том, что такое несправедливость и, соответственно, что будет считаться несправедливым поступком, в данном случае – несправедливым лишением жизни. И здесь возникает вторая причина отсутствия в формулировках абсолютных правил оценочных понятий. Правило «Не лишай людей жизни несправедливо» не имеет исключений лишь потому, что все потенциальные факторы, которые могли бы стать основой для исключений, уже даны в скрытом виде во входящем в правило оценочном термине «несправедливо» [14, р. 4]. Соответственно, такие, не допускающие исключений в силу своей формальности правила, оказываются очень неопределенными, зависящими от интерпретации. В обсуждаемом случае, содержание правила зависит от разных концепций справедливости и способов их проекции на конкретные практические ситуации. Согласившиеся с подобным правилом люди (а на него очень легко согласиться) могут бесконечно спорить о том, в чем состоит его

исполнение или неисполнение в конкретном случае, то есть о том, когда лишить человека жизни допустимо, а когда нет. Таким образом, мы видим, что не имеющее исключений правило должно было бы внести определенность в область морального долга, а оно, напротив, ее уничтожает.

Выходом из этого положения является формулирование моральных правил (по крайней мере, основополагающих) посредством указания на совершаемые или не совершаемые агентом физические действия, легко идентифицируемые линии поведения. Дж. Финнис считает некорректным определять такие правила как «материальные», «физические», «поведенческие», поскольку, в конечном итоге, проблема не в действии как таковом, а в качестве воли, выбирающей это действие [14, р. 5–6, 38–39]. Однако без точной идентификации действия невозможно определить качество воли, поэтому как бы мы не называли такое правило, в его основе лежит ценностно-нейтральное описание действия. За таким описанием следует итоговое «требуется» или, наоборот, итоговое «нельзя», которое и проводит границу между правильным и неправильным, обязательным и необязательным, допустимым и недопустимым. В случае с правилом «Не лишай жизни людей несправедливо!» оценка была интегрирована в само описание должного и не должного поведения и даже являлась его центральной частью. Более того, она была интегрирована так, что само отсутствие исключений оказывалось под подозрением, ведь это правило делит лишение жизни на справедливое и несправедливое, и поэтому его легко принять за замаскированную форму более общего правила, имеющего оговорки. Избежать таких проблем можно лишь одним способом: дать «такую спецификацию [правила], которая не включает оценочных терминов». Наличие такой спецификации предоставляет агенту возможность «при обдумывании морального выбора сразу же сделать вывод, что определенное действие исключено как из процесса рассуждения, так и из поведения» [14, р. 3].

Интересно, что в связи со второй характеристикой абсолютного правила даже формулировка «Не убивай!» оказывается под определенным подозрением. Ведь убийство – это не нейтральное описание действия, а оценочное понятие: морально предосудительное лишение жизни. Соответственно, запрет «Не убивай!» вполне возможно трактовать так: «Не совершай того, что в свете каких-то моральных квалификаций будет признано убийством!». А уж что будет признано – это предмет для дополнительного рассуждения. Соответственно, адекватной абсолютистской формулировкой будет не «Не убивай!», а скорее: «Лишение человека жизни при любых обстоятельствах недопустимо» или «Лишение человека жизни при любых обстоятельствах является убийством» (ср. с рассуждением Дж. Финниса: [14, р. 32])

Наконец, третья характеристика моральных абсолютов, по Дж. Финнису состоит в том, что они представляют собой не позитивные правила-предписания, а негативные правила-запреты. Почему именно запреты? Отождествление моральных абсолютов с запретами связано с различием между способами выявления правильных и неправильных в моральном отношении поступков. Чтобы выявить правильный в моральном отношении поступок следует рассмотреть множество морально релевантных обстоятельств. Такой

анализ не просто сложен, но и всегда стоит под вопросом в смысле получаемых результатов. Тут не просто можно ошибиться, а ошибка более чем возможна. В свою очередь, для идентификации неправильного поступка, достаточно зафиксировать моральную неприемлемость мотива, неуместность действия в каких-то обстоятельствах или применение негодных средств для достижения цели. Решая эту задачу, следует сосредоточиться на самом по себе поступке и на этой основе получить точное знание о его моральном качестве (конкретно, о его моральной неприемлемости). Знание о неприемлемости действия возникает, по Дж. Финнису, сразу же, без сложной процедуры морального размышления [14, р. 16–17]. От совершения неприемлемых в моральном отношении поступков нас предостерегают именно запреты, поэтому они больше отвечают определению моральных абсолютов, чем позитивные правила-предписания.

Кроме того, позитивные правила-предписания не только создают в жизни человека неустранимое пространство моральной неопределенности, но и не могут отвечать критерию отсутствия исключений. Позитивное правило всегда имеет шанс столкнуться с другим позитивным правилом и это создает основание для его ситуативного неисполнения (у Дж. Финниса есть пример с возвращением взятого в долг оружия предателю или сумасшедшему, почерпнутый из Фомы Аквинского) [14, р. 91]. С небольшим количеством негативных правил ситуация иная, они не сталкиваются между собой и могут быть исполнены всегда и везде. Для Дж. Финниса важно и то, что абсолюты играют в морали защитную, консервативную роль. Они стоят на страже фундаментальных позитивных аспектов человеческого существования (человеческих благ) и призваны противостоять их разрушению [14, р. 10–11]. Чем же быть моральным абсолютам, как не запретами?

Соответственно, Финнисово определение нормативно-этического абсолютизма выглядит следующим образом: это такое понимание морали, которое признает существование фундаментальных, не допускающих исключений моральных запретов; в этих запретах то, что запрещено, характеризуется без применения оценочных понятий, в качестве легко опознаваемых физических действий, которые изначально выведены из числа предметов выбора морального агента. Данное определение в целом соответствует пониманию абсолютизма А. А. Гусейновым.

Противостояние релятивизации моральных абсолютов

Примечательно, что католический традиционализм прошлого и начала нынешнего столетий роднит с негативной этикой А. А. Гусейнова не только определенное единство в понимании необходимости абсолютных запретов для существования морали, но и то, как католики-традиционалисты и российский философ полемизируют с попытками показать ситуативную гибкость моральных принципов. Католики-традиционалисты столкнулись с мощным вызовом со стороны ревизионистской моральной доктрины, получившей название «пропорционизм». Пропорционисты выдвинули в качестве важнейшей нормативной категории категорию «меньшего зла» и предположили, что моральный смысл любого действия можно выявить только в свете взвешивания «тотальности» его положительного и отрицательного воздействия

на мир в какой-то конкретной ситуации. На этой основе они подвергли пересмотру стандартные для католицизма подходы к решению ряда практических проблем (сборник ключевых текстов дискуссии: [16]). В своем противостоянии пропорционализму традиционалисты оттачивались от критики апостолом Павлом максимы «делай зло, чтобы вышло добро» (Рим 3:8) и от переосмысленного в средневековой схоластике рассуждения Аристотеля о том, что есть поступки, которые считаются дурными сами по себе [14, р. 59, 31–32]. Однако аргументация традиционалистов не ограничивалась апелляцией к авторитетам. В ней преобладали доводы, которые в равной мере могут использоваться в моральной теологии и в светской нормативной этике.

В полемике традиционалистов с пропорционалистами присутствует много полемических ходов мысли, характерных для А. А. Гусейнова. Прежде всего, тех, которые он использовал в широкой дискуссии о моральной допустимости обмана, развернувшейся в российском этическом сообществе на рубеже 2010-х гг. Большинство теоретиков, участвовавших в этой дискуссии, рассуждали в духе более или менее жесткого этического ситуационизма – прямой параллели пропорционализма в католической мысли. А. А. Гусейнов, в свою очередь, пытался показать, что тем самым они теряют из виду абсолютный характер морали, а значит, попросту разрушают такое явление как мораль [11]. Я бы выделил следующие аргументы против пропорционализма, являющиеся очевидным аналогом доводов А. А. Гусейнова против релятивизации абсолютной морали. Вновь на примере обсуждаемой работы Дж. Финниса.

1. Утверждение о том, что абсолютный запрет работает так, что действие, не соответствующее ему, попросту исключено из размышления о том, как действовать, и значит обосновать нарушение запрета невозможно, оставаясь при этом нравственным человеком [14, р. 3, 11, 38, 67–68, 82–82, 104–105].

2. Утверждение о том, что ситуативные решения, руководствующиеся максимизацией блага, в том числе, те из них, которые приобретают форму общественных институтов, а также культурная специфика в области ценностей и норм существуют только в ограде из абсолютных запретов [14, р. 10–11, 82–83, 104–105].

3. Утверждение о том, что этика, которая на место абсолютов ставит принцип минимизации зла и опирающийся на него ситуативный расчет, уподобляет моральный выбор технической деятельности и тем самым лишает его морального качества [14, р. 13, 20, 23].

4. Утверждение о том, что стремление неабсолютной этики установить приоритет моральных ценностей над моральными правилами, ведет к неверной интерпретации моральных ценностей и не укрепляет, а подрывает их [14, р. 11, 67–68].

5. Утверждение о том, что неабсолютная этика пытается представить непредсказуемое предсказуемым, а несоизмеримое – соизмеримым. В части непредсказуемости имеется в виду невозможность предсказать все позитивные и негативные следствия действия, что заставляет морального агента полагаться на более определенный моральный запрет. В части несоизмеримости имеется в

виду как несоизмеримость разных благ, в свете которых могло бы выявляться моральное преимущество одного состояния реальности над другим, так и невозможность положить на чаши одних и тех же весов нарушение запрета и благоприятные последствия такого нарушения [14, р. 20, 50–54].

На мой взгляд, созвучий и совпадений не меньше, чем с И. Кантом, опыт мышления которого А. А. Гусейнов особенно часто привлекает, обсуждая абсолютность морали и критикуя ситуационизм. Однако есть и примечательные различия. Например, для католических мыслителей образцовыми нормами, на основе которых иллюстрируется и обосновывается моральная абсолютность, являются не «Не убивай!» и «Не лги!», как у А. А. Гусейнова, а «Не прелюбодействуй!» и «Не лги!», причем именно в таком порядке (см. анализ Дж. Финнисом аристотелевского сюжета о жене тирана (14, р. 31–37) и позиции Августина по вопросу о допустимости лжи [14, р. 63–67]). То, что с помощью греха прелюбодеяния недопустимо добиваться спасения других людей или увеличения их благополучия, для них гораздо более яркий пример абсолютности, чем то же самое утверждение в отношении лишения жизни. Это вполне понятно: в случае с лишением жизни есть временной промежуток, а также смысловой разрыв между совершением физического действия, приводящего к смерти другого человека, и самой этой смертью. Смерть другого в каких-то условиях вполне можно считать побочным ненамеренным последствием действия, направленного на благую цель, а не средством достижения этой цели [14, р. 70–71]. Именно так интерпретируются традиционалистами самооборона и классическая версия задачи с вагонеткой (см. подробнее: [13]). Здесь остается возможность для того, чтобы причинение смерти не было квалифицировано как убийство. С прелюбодеянием ситуация иная. Нарушение супружеского обета невозможно считать ненамеренным последствием действия, направленного на благую цель. Оно может являться только намеренно избранным средством ее достижения. И в связи с этим вне зависимости от цели прелюбодеяние остается недопустимым, нравственно предосудительным действием. Схожая ситуация складывается и с ложью.

Заключение

Итак, концепция негативной этики А. А. Гусейнова отражает один из самых важных конфликтов внутри философии морали и нормативной этики – это конфликт, складывающийся в отношении ситуативной контекстуализации моральных норм. Допуская такую контекстуализацию, моральный агент оказывается перед перспективой совершения самых страшных злодеяний, поскольку сложившаяся ситуация может вынудить его пойти на это в качестве морально необходимого меньшего зла. Не допуская контекстуализации, моральный агент оказывается перед перспективой лишения помощи находящихся в отчаянном положении людей, поскольку средством оказания помощи в конкретной ситуации оказывается действие, нарушающее моральный запрет. А. А. Гусейнов занимает бескомпромиссную позицию отрицания ситуативной контекстуализации основополагающих моральных требований-запретов. Он выступает также против того, чтобы позитивные «основоположения» морали (у него это честность и любовь) становились

опорой для ситуативной приостановки действия моральных запретов. Эта позиция важна уже потому, что о трагическом конфликте в самом сердце морали нельзя забывать, а обыденное моральное сознание и даже теоретическая этика склонны игнорировать и маскировать его существование.

Сравнение негативной этики А. А. Гусейнова с католическим моральным традиционализмом, проведенное в данной статье, позволяет подчеркнуть многообразие форм морального абсолютизма не всегда очевидное самим абсолютистам. Так мы увидели, что абсолютистская этика вполне может не ограничиваться характерным для российского философа абсолютизмом ненасилия и не-лжи (в числе моральных абсолютов Дж. Финниса не только запрет на прелюбодеяние, обсуждавшийся выше, но и запреты на совершение аборта и применение контрацепции). Кроме того, мы зафиксировали, что абсолютистская этика может не признавать абсолютность принципа ненасилия, кульминирующего в запрете «Не убивай!» (для Дж. Финниса абсолютный запрет – «Не убивай невиновных!», а в военной сфере – «Не убивай нонкомбатантов!»).

Литература

1. Гельфонд М. Л. Негативная этика А. А. Гусейнова на пересечении стратегий обоснования морали // Вопросы философии. 2022. № 1. С. 43–53.
2. Гусейнов А. А. Как возможна абсолютная мораль? // Прикладная этика как фронестика морального выбора. Ведомости прикладной этики. Вып. 40 / под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 96–115.
3. Гусейнов А. А. Мораль как предел рациональности // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 281–307.
4. Гусейнов А. А. Негативная этика // Философия – мысль и поступок: статьи, доклады, лекции, интервью. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 688–716.
5. Гусейнов А. А. Нравственные требования как запреты // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 632–638.
6. Гусейнов А. А. Прикладная этика – разве она сама не является практикой? // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 320–331.
7. Гусейнов А. А. Сослагательное наклонение морали // Философия – мысль и поступок. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 131–186.
8. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия: (Опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Статья вторая: Первая философия как нравственная философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 65–74.
9. Гусейнов А. А. Философия поступка как первая философия: (опыт интерпретации нравственной философии М. М. Бахтина). Статья первая: Быть – значит поступать // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 5–15.
10. Гусейнов А. А. Философские заметки // Философия – мысль и поступок. СПб., 2012. С. 30–60.

11. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // *Философия – мысль и поступок*. СПб., 2012. С. 216–239.
12. Гусейнов А. А. Этика до Канта и после // *Философия – мысль и поступок*. СПб., 2012. С. 187–216.
13. Прокофьев А. В. Моральный абсолютизм и доктрина двойного эффекта в контексте споров о допустимости применения силы // *Этическая мысль*. 2014. Вып. 14. С. 43–64.
14. Finnis J. *Moral Absolutes: Tradition, Revision, and Truth*. Washington: Catholic University of America, 1991. 121 p.
15. Hare R. M. *Principles // Essays in Ethical Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 49–65.
16. *Proportionalism: For and Against* / ed. C. Kaczor. Milwaukee: Marquette University Press, 2000. 469 p.
17. *Reason, Morality, and Law: The Philosophy of John Finnis* / ed. J. Keown, R. P. George. Oxford: Oxford University Press, 2013. 615 p.

References

1. Gelfond M. L. Negativnaya etika A. A. Guseynova na peresechenii strategiy obosnovaniya morali [A. A. Guseinov's Negative Ethics at the Intersection of Justification Strategies of Morality]. *Voprosy filosofii*. 2022. No 1. Pp. 43–53. [In Russian]
2. Guseinov A. A. Kak vozmozhna absolyutnaya moral? [How is absolute morality possible?] *Prikladnaya etika kak fronestika moral'nogo vybora. Vedomosti prikladnoy etiki*. Вып. 40, ed. by V. I. Bakshtanovsky, V. V. Novoselov. Tyumen, NII PE Publ, 2012. Pp. 96–115. [In Russian]
3. Guseinov A. A. Moral' kak predel ratsional'nosti [Morality as a limit of rationality]. *Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, leksii, interv'yu*. Saint Petersburg, SPbGUP Publ, 2012. Pp. 281–307. [In Russian]
4. Guseinov A. A. Negativnaya etika [Negative ethics]. *Filosofiya – mysl' i postupok: stat'i, doklady, leksii, interv'yu*. Saint Petersburg, SPbGUP Publ. 2012. Pp. 688–716. [In Russian]
5. Guseinov A. A. Nravstvennyye trebovaniya kak zaprety [Moral requirements as prohibitions]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg. 2012. Pp. 632–638. [In Russian]
6. Guseinov A. A. Prikladnaya etika – razve ona sama ne yavlyayetsya praktikoy? [Applied ethics – is it not itself a practice?]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg. 2012. Pp. 320–331. [In Russian]
7. Guseinov A. A. Soslagatel'noye nakloneniye morali [The subjunctive mood of morals]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg, SPbGUP Publ, 2012. Pp. 131–186. [In Russian]
8. Guseinov A. A. *Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya: (Opyt interpretatsii npravstvennoy filosofii M. M. Bakhtina)*. Stat'ya vtoraya: Pervaya filosofiya kak npravstvennaya filosofiya [The Philosophy of the Act as the First

Philosophy. (An Interpretation of Bakhtin's Moral Philosophy). The Second Article. The First Philosophy as Moral Philosophy]. *Voprosy filosofii*. 2017. No 7. Pp. 65–74. [In Russian]

9. Guseinov A. A. *Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya: (opyt interpretatsii npravstvennoy filosofii M. M. Bakhtina)*. Stat'ya pervaya: Byt' – znachit postupať [The Philosophy of the Act as the First Philosophy (An Interpretation of Bakhtin's Moral Philosophy) First Article: To Be Means To Act]. *Voprosy filosofii*. 2017. No 6. Pp. 5–15. [In Russian]

10. Guseinov A. A. *Filosofskiye zametki* [Philosophical notes]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg. 2012. Pp. 30–60. [In Russian]

11. Guseinov A. A. *Chto govoril Kant, ili Pochemu nevozmozhna lozh' vo blago?* [What did Kant say, or Why is it impossible to lie for good?]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg. 2012. Pp. 216–239. [In Russian]

12. Guseinov A. A. *Etika do Kanta i posle* [Ethics before Kant and after]. *Filosofiya – mysl' i postupok*. Saint Petersburg. 2012. Pp. 187–216. [In Russian]

13. Prokofyev A. V. *Moral'nyy absolyutizm i doktrina dvoynogo effekta v kontekste sporov o dopustimosti primeneniya sily* [Moral absoluteism and the doctrine of double effect in the context of disputes over the permissibility of the use of force]. *Eticheskaya mysl'*. 2014. No. 14. Pp. 43–64. [In Russian]

14. Finnis J. *Moral Absolutes: Tradition, Revision, and Truth*. Washington: Catholic University of America. 1991. 121 p.

15. Hare R. M. *Principles. Essays in Ethical Theory*. Oxford: Clarendon Press. 1989. P. 49–65.

16. *Proportionalism: For and Against*, ed. by C. Kaczor. Milwaukee: Marquette University Press. 2000. 469 p.

17. *Reason, Morality, and Law: The Philosophy of John Finnis*, ed. by J. Keown, R. P. George. Oxford: Oxford University Press. 2013. 615 p.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 05.06.2024
The article is approved for publication 24.06.2024

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. В. Назарова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ БЕССМЕРТИЯ В НОВЕЛЛЕ Х. Л. БОРХЕСА «БЕССМЕРТНЫЙ»

Новелла «Бессмертный», опубликованная аргентинским писателем Х. Л. Борхесом в 1947 году, характеризуется им как «рассказ, нравоучительный для бессмертных» – фраза, являющаяся загадкой для многих исследователей творчества Борхеса. Цель статьи – этико-философское исследование смыслов новеллы. В статье, на основании научных исследований творчества Борхеса, показано, что Х. Л. Борхес выступает как «антифилософ»; в этом контексте анализируется его теория «опровержения времени». Считая спор между номинализмом и реализмом одним из важнейших вопросов в истории философии, Борхес полагал, что в современной культуре победил номинализм, в результате чего универсальные понятия были забыты; будучи «антифилософом» писатель вынужден констатировать, что пришла эпоха «опровержения времени». Доказывается, что концепт бессмертия в творчестве Борхеса был связан с понятием времени, а «забвение времени» современной культурой подразумевает и забвение этики, что анализируется на примере новеллы «Бессмертный». Научная новизна статьи заключена в философском анализе новеллы «Бессмертный», основными предметом которого становится связь бессмертия, времени и этики. В результате обосновывается, что «нравоучение для бессмертных» – это предостережение о забвении истории, реальности и этики, характерных для современного общества

Ключевые слова: Х. Л. Борхес, «нравоучение для бессмертных», антифилософия, реализм и номинализм, время, «опровержение времени», бессмертие, постчеловечество.

Yu. V. Nazarova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Russia, Tula)*

ETHICAL AND PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF IMMORTALITY IN THE SHORT STORY BY J. L. BORGES "THE IMMORTAL"

The short story "The Immortal", published by Argentine writer J. L. Borges in 1947, which he characterized as "a moralizing tale for the immortals" – a phrase that is a mystery to many scholars of Borges's work. The purpose of the article is an ethical and philosophical study of the meanings of the short story. On the basis of scientific studies of Borges' work, the article shows that J. L. Borges acts as an "anti-philosopher"; his theory of "refutation of time" is analyzed in this context. Considering the dispute between nominalism and realism one of the most important issues in the history of philosophy, Borges believed that nominalism has won in modern culture, with the result that universal concepts have been forgotten; being an "anti-philosopher" the writer is forced to state that the era of the "refutation of time" has arrived. The article proves that the

concept of immortality in the creative work of Borges was connected with the concept of time, and the "forgetting of time" by modern culture implies the forgetting of ethics, which is analyzed on the example of the short story "The Immortal". The scientific novelty of the article lies in the philosophical analysis of the short story "The Immortal", the main subject of which becomes the connection between immortality, time and ethics. The result substantiates that "an ethic for the immortals" is a warning against the oblivion of history, reality and ethics that characterizes modern society.

Keywords: J. L. Borges, "an ethic for the immortals", anti-philosophy, realism and nominalism, time, "refutation of time", immortality, posthumanity.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-38-45

В послесловии к книге «Алеф» Х. Л. Борхес отмечает рассказ «Бессмертный», говоря о нем: «Из всех новелл наиболее тщательно отделана первая; ее основа – ощущение, какое может вызвать в человеке идея бессмертия» [2]. Борхес характеризует новеллу как «нравоучительный для бессмертных набросок» [2] (В оригинале: «bosquejo de una ética para inmortales» – буквальный перевод – набросок этики для бессмертных). Что означает эта странная фраза?

Рассказ был опубликован в 1947 году, после Второй мировой войны, когда вопрос о преодолении смерти и ценности жизни приобрел особый нравственный смысл. Впереди – целая эпоха, ознаменованная переоценкой ценностей, идеалов и авторитетов. Обращаясь к фантастической теме бессмертия, перемещая основную историю своих персонажей во времена Античности (что могло быть охарактеризовано, на первый взгляд, как своеобразный побег от реальности) Борхес, тем не менее, со свойственной ему любовью к парадоксам, предвосхищает будущее – причем, не только эпоху постмодерна, которая захватит культуру лишь в 60-70-е годы, но и современную нам эпоху цифрового общества.

Фантастический сюжет о личном бессмертии у Борхеса оказывается аллегорическим изображением грядущего общества, в котором предаются забвению универсалии прежних эпох – время, история, этика.

Проблема бессмертия становится реальностью впервые в истории с появлением цифрового пространства – в связи идеями личного бессмертия и трансформации природы человека в трансгуманизме, дискурсом о цифровом бессмертии, цифровых двойниках и т.д. Цифровые вселенные изменяют время и пространство, трансформируют нравственность и переосмысливают историю; человечество не успело осознать до конца революционный масштаб этих изменений. В этом смысле «нравоучение для бессмертных» Борхеса приобретает особое значение в современной ситуации; актуальным представляется философский разбор этического смысла новеллы.

Этико-философское исследование рассказа «Бессмертный» предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить содержание «антифилософии» Борхеса;
- 2) определить философские основания творчества Борхеса, связанные с понятиями времени и бессмертия;

3) проанализировать соотношение понятий бессмертия и времени у Борхеса;

4) провести этическую интерпретацию смыслов понятий бессмертия и времени в творчестве писателя

«Антифилософия» Борхеса, время и бессмертие

Борхес, по мнению Б. Бостилса, выступает как антифилософ (антифилософия – термин, использовавшийся А. Бадью [4]), основная характеристика которого – отказ от систематической философии и от претензии на достижение истины: так, Б. Бостилс, на основании А. Бадью, отмечает, что антифилософский способ мышления отличается следующими особенностями: «во-первых, предположение, что пределы языка совпадают с пределами мира; во-вторых, сведение истины к не более чем лингвистическому или риторическому эффекту, результату исторической и культурной специфики языковых игр; в-третьих, обращение к тому, что находится сразу за пределами языка или за верхним пределом высказываемого, как к области значений, несводимой к истине; и, наконец... радикальный акт, такой как религиозный скачок веры или революционный прорыв, который заранее дисквалифицирует любые систематические теоретические или концептуальные разработки... Эти четыре особенности мышления склонны подталкивать антифилософа соответственно в сторону номинализма, софистики, мистицизма...» [5].

Как «антифилософ», Борхес рассматривает историю европейской философии через полемику реализма и номинализма, считая это противостояние одним из центральных вопросов в истории культуры. В современном мире, по мнению Борхеса, победил номинализм – и язык стал средством забвения универсалий (забвения Бога, времени, истории, этики), что позволяет охарактеризовать всю современную культуру как культуру номинализма: «Некогда новинка, объединявшая скромное число неопитов, номинализм теперь разделяется абсолютно всеми. Его победа столь внушительна и бесспорна, что само имя стало ненужным. Никто не называет себя номиналистом, поскольку других просто нет» [3].

Борхес использует факт противостояния реализма и номинализма как философскую основу литературных сюжетов. Б. Бостилс подчеркивает, что «Фактически, за исключением, возможно, Чарльза С. Пирса и его последователей-прагматиков в Новой Англии, лишь немногие современные мыслители сделали дебаты между номинализмом и реализмом таким центральным принципом своего мировоззрения, как Борхес» [5]. В этом смысле, Борхес использует номинализм как метод своей антифилософии: «Номинализм, несмотря на его провозглашенную повсеместность, которая должна была бы превратить его в предмет всеобщего признания, а не в тему открытых споров, является, прежде всего, источником критического рычага для Борхеса. Именно это дает его произведениям необходимый стимул идти против того, что он называет великой «непрерывностью» западной мысли: времени, личности, вселенной или Бога» [3].

Так, у Борхеса существует своеобразная интерпретация времени, описанная в эссе «Новое опровержение времени», где писатель рассуждает о

понимании времени в субъективном идеализме, осмысливающим время как некую форму упорядочивания ощущений или опыта. В статье М. Мартин «Борхес через диалектику Беркли и Юма», автор обращает внимание на то, что, на основании этих рассуждений, Борхес выстраивает и собственное видение времени: «К отрицанию материальной субстанции Беркли и опровержению личной идентичности Юмом Борхес добавляет еще одно: опровержение временной преемственности. Таким образом, время превращается в еще одну иллюзию, еще один вымысел, поскольку предположительно реально только настоящее» [7].

Борхес отмечает, что, если воспоминания существуют в настоящем, это значит, что они также реальны, как события настоящего. Ощущение читателей – это и есть книга; печаль, которая была в прошлом, так же реальна, как сегодняшняя радость, и, поскольку жизнь состоит из повторения ощущений, то повторение опровергает время как последовательность событий. Борхес пишет: ««Лучше сказать, никакой истории нет, как нет ни человеческой жизни, ни даже одной из ее ночей; существует лишь каждый прожитый миг, а не воображаемая связь между ними. Мирозданье, вмещающее все события на свете, – такое же вымышленное множество, как все кони (сколько их было: один, несколько, ни одного?), которые приходили на ум Шекспиру между 1592 и 1594 годами. И еще одно. Если время – это процесс, протекающий в сознании, то как оно может быть общим для тысяч людей, да просто для двоих?» [3].

Тем не менее, представленные выше доводы об «антифилософии» Борхеса доказывают, что его представление о времени могло быть лишь художественным средством описания явлений, предметом своеобразной интеллектуальной игры, поскольку антифилософ не претендует на истину. Так, в частности, Борхес использовал теорию опровержения времени для рассуждения о бессмертии.

Время, бессмертие и этика

Представление о времени определяют этику; смерть является абсолютным критерием этики, также, как и посмертное существование души. Это особенно важно в рамках религиозного дискурса; Н. Бердяев пишет: «В сущности, этика, в центре которой не стоит вопрос о смерти, не имеет никакой цены, она лишена серьезности и глубины. Такая этика хотя и оперирует с суждениями и оценками, но забывает об окончательном суждении и оценке, т.е. о страшном суде. Этика должна строиться не в перспективе блага и счастья этой бесконечной жизни, а в перспективе неизбежной смерти и победы над смертью, в перспективе воскресения и вечной жизни» [1].

Как это ни парадоксально, в результате Борхес приходит к похожему выводу – в его рассказе «Бессмертный» бессмертные жаждут прервать свое бессмертие, ибо оно бессмысленно, в своем равнодушии к миру, в повторяющейся череде притупленных ощущений, которые сменили благо и счастье от перспективы бесконечной жизни. Для бессмертных не существует времени, ведь уверовать в то, что времени не существует, может только бессмертный.

Рассказ ведется от лица некоего странника, который отправился в путь с целью найти реку, воды которой даруют бессмертие [2]. Река бессмертия оказывается ручьем с мутными водами, на берегах которой в норах живут дикари. Уставший путник пьет из реки, и не сразу понимает, что это и есть река бессмертия; дикари – это бессмертные, и он сам стал бессмертным. Наблюдая за дикарями, он понимает, что они забыли язык, забыли всю свою прошлую жизнь, прежние идеалы; для них не существует прошлого и будущего, добра и зла, потому что для бессмертных не имеют значения ни время, ни этика.

В этом аспекте писатель задается вопросом о том, какое ощущение может вызвать мысль о личном бессмертии. Что может чувствовать бессмертный? Как видит бессмертных тот, кто наблюдает за ними?

Дикарей тяготит их бессмертие. В конце концов они решают, что в мире наверняка есть и река смерти; тогда они разбредаются по миру с целью найти эту реку.

Согласно мнению некоторых исследователей, например, Саборского – этика для бессмертных – это послание Борхеса современной культуре, поглощенной забвением времени и реальности [8]. Борхес отмечает: «Колридж заметил, что все люди рождаются последователями либо Аристотеля, либо Платона. Последние думают, что идеи реальны, первые, что они – обобщения. Вот почему для одних язык – всего лишь система произвольных символов, а для других – карта мироздания. Если для последователей Платона Вселенная – Космос, Порядок, то для продолжателей Аристотеля такой вывод – ошибка, самообман ущербного ума... Если...для реализма первичными были универсалии, а мы говорим – абстрактные понятия, то для номинализма – единичные вещи» [3].

В мире номинализма писатель Борхес *вынужден* выступать как «скриптор», существующий не в рамках «литературной временности», а в условиях «литературного пространства», в котором сливаются история и истории, авторы и их персонажи. В этом смысле Борхес констатирует и описывает, а не морализирует. Саборски отмечает, что «Действительно, в короткой и часто болезненной человеческой жизни редко случается, чтобы моральные устои складывались так, как того требует разум: добро редко вознаграждается, зло редко наказывается. Чтобы это произошло, необходимо продление. Это продление – это история. История – это всегда священная история: либо открыто, как история, направленная на спасение, либо скрытно, как секуляризованная история прогресса» [8]. Таким образом, в новелле «Бессмертные», Борхес констатирует забвение реальности и времени современной культурой и описывает возможные последствия этого забвения. Нравоучение заключается в самом концепте бессмертия, вычлененным средствами номинализма и выбранном писателем для иносказательного послания современникам.

В этом смысле, «нравоучение для бессмертных» выступает как напоминание о современном забвении истории, а значит, вечности, истинного смысла существования, на котором основывается этика. По словам Н. Бердяева, противопоставляющего эсхатологическую и персоналистическую этику, только

память о вечности может служить основанием этики (именно на эсхатологизме основана и христианская философия истории). Концепт бессмертия у Борхеса аллегорически описывает необходимость обращения к реальному. По словам Саборского: «Этика требует отказа от «магического круга существования»... чтобы получить доступ к Другой Истине, по которой можно судить о самой истории. Трансцендентность божественного, материя, противостоящая концепции материализма, сама кантовская идея безусловного последовательно поддерживали это требование. С другой стороны, нам, персонажам книги мира, придется пережить ее возвращение как скрытый взрыв Реального» [8]. Таким образом, цель «нравоучения для бессмертных» Борхеса – доказательство безнравственности забвения времени и реальности.

Выводы

В пору написания новеллы «Бессмертный» закладывались предпосылки развития современного общества, которые уловил Х. Л. Борхес. В этом смысле, новелла – это рассуждение о будущем, этический смысл которого можно рассмотреть в двух аспектах:

1. Эпоха номинализма стирает универсалии, превращая язык в средство их забвения. Такая эпоха порождает общество тотального забвения. Забвение этики не обозначает трансформацию добра во зло, но обозначает забвение понятий добра и зла, и *неопределенность* ценностей – потому что потребность в какой-либо оценке отпадает. Отсутствие универсалий затрудняет определение ценностей и их иерархии. Время сужается до настоящего, коллективная история – до личной истории, реальность становится ограничена рамками цифрового пространства.

2. Бессмертие используется писателем как аллегорическое описание забвения времени. Однако Борхес еще не мог предположить, что дискурс о личном бессмертии станет актуальным через несколько поколений, когда впервые в истории проблема бессмертия будет рассмотрена вне религиозного или мистического контекстов (как, например, в трансгуманизме). Проблема личного бессмертия (например, цифрового бессмертия) на данный момент является предметом этической рефлексии, благодаря чему возникает дискурс о появлении бессмертных или долго живущих «постлюдей» (термин из философии трансгуманизма), чья этика будет полностью отличаться от того, как мы привыкли представлять этику (Н. Бостром): «Во многом так же, как шимпанзе не хватает когнитивных способностей для понимания того, каково это – быть человеком – наших человеческих амбиций, нашей философии, сложностей человеческого общества или тонкостей наших взаимоотношений друг с другом, так и нам, людям, может не хватать способности сформировать реалистичное интуитивное понимание того, каково это – быть радикально усовершенствованным человеком («постчеловеком»), а также мыслей, забот, стремлений и социальных отношений, которые могут быть у таких людей» [6]. Борхес рассматривает личное бессмертие как трансформацию человеческой природы – становясь бессмертным человек перестает быть человеком. С точки зрения смертного человека бессмертный становится богом или животным? В «Бессмертном» не показано, по сути, ни то, ни другое – согласно новелле,

бессмертный погружается в забвение. Трансгуманизм рассматривает постчеловечество как революционный скачок в человеческом развитии (революционный – потому что постчеловечество формируется прорывными технологиями, а не природой). Рассмотрение же Борхесом современной культуры в контексте реализма и номинализма определяет будущее постчеловечества как общество забвения. Унылое существование бессмертных не является следствием забвения времени, истории и этики; наоборот: бессмертие является причиной забвения.

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Борхес Х. Л. Алеф. М.: АСТ, 2014. 224 с.
3. Борхес Х. Л. Новые расследования. М.: АСТ, 2015. 320 с.
4. Badiou A. *L'Antiphilosophie de Wittgenstein*. Caen: Nous, 2009. 128 p.
5. Bosteels B. Borges as Antiphilosopher // *Vanderbilt E-Journal of Luso-Hispanic Studies*. 2016. Vol. 3. Published: 29.01.2007. URL: <https://doi.org/10.15695/vejlhs.v3i0.3197>.
6. Bostrom N. *Transhumanist Values // Ethical Issues for the 21st Century* / ed. F. Adams. Philosophical Documentation Center Press, 2003. Electronic copy. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values>. Access from www.nickbostrom.com.
7. Мартн М. Borges Via the Dialectics of Berkeley and Hume // *Variaciones Borges*. 2000. № 9. P. 147–162. URL: <https://www.borges.pitt.edu/documents/0907.pdf> (access date: 10.06.2024)
8. Sabrovsky E. *Bosquejo de una йtica para inmortales* // University of Pittsburgh : official website. URL: <http://www.borges.pitt.edu/bsol/sabrovsky.php> (access date: 10.06.2024).

References

1. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka [The Destiny of Man]*. Moscow, Respublika Publ, 1993. 383 p. [In Russian]
2. Borges J. L. *Alef [The Aleph and Other Stories]*. Moscow, AST Publ, 2014. 224 p. [In Russian]
3. Borges J. L. *Novye rassledovaniya [Inquiries]*. Moscow, AST Publ, 2015. 320 p. [In Russian]
4. Badiou A. *L'Antiphilosophie de Wittgenstein*. Caen, Nous Publ, 2009. 128 p. [In French]
5. Bosteels B. Borges as Antiphilosopher. *Vanderbilt E-Journal of Luso-Hispanic Studies*. 2016. Vol. 3. Publication date: 29.01.2007. <https://doi.org/10.15695/vejlhs.v3i0.3197> (accessed: 10.06.2024)
6. Bostrom N. *Transhumanist Values. Ethical Issues for the 21st Century*, ed. by F. Adams. Philosophical Documentation Center Press, 2003. URL: <https://nickbostrom.com/ethics/values>. (accessed: 10.06.2024)

7. Martín M. Borges Via the Dialectics of Berkeley and Hume. *Variaciones Borges*. 2000. No 9. Pp. 147–162. URL: <https://www.borges.pitt.edu/documents/0907.pdf> (accessed: 10.06.2024)

8. Sabrovsky E. Bosquejo de una ética para inmortales. *University of Pittsburgh*. Publication date: 17.06.2001. URL: <http://www.borges.pitt.edu/bsol/sabrovsky.php> (accessed: 10.06.2024) [In Spanish]

Статья поступила в редакцию 11.06.2024

Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 11.06.2024

The article is approved for publication 24.06.2024

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Ю. Е. Музалевская

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна*

ЗНАЧЕНИЕ ФУТУРИЗМА ДЛЯ НОВОЙ ЭСТЕТИКИ МОДЫ

Цель работы. Выявить значение футуризма для развития нового эстетического взгляда на современную моду. Футуризм, зародившись в рамках авангардного искусства XX века предстал как целостное художественно-эстетическое движение, оставившее след не только в искусстве, но и повлиявшее на эстетику моды. **Научная новизна.** Теория и практика авангардистских движений анализируется большинством исследователей в рамках литературного и живописного творчества, сфера создания костюма, как объекта моды, для исследователей футуризма остается третьестепенной. Пониманию истоков трансформации костюма, инициированной футуристами, не уделяется должного внимания, в то время как идея разрушения границ между отдельными видами искусств получила в этом движении наибольшее воплощение именно в новаторском художественно-эстетическом направлении вестиментарной моды. Благодаря поискам нового эстетического образа человека, разработанным приемам работы с художественно-выразительными средствами футуристы дали мощный толчок к изменениям модных идеалов, что в дальнейшем отразилось на развитии эстетики моды. **Результаты исследования.** Футуристическое направление актуально и в наше время, возобновив свое развитие в 1960-х годах на основе утопических образов будущего, знаменующих начало космической эры, художественно-эстетический феномен продолжает свою эволюцию. В тенденциях моды меняется смысл понятия «футуризм», он уже связан не столько с динамикой образа, сколько с его устремлением в будущее, с поисками новых материалов и технологий. Заложив основы новой эстетики моды, футуристы задали ей новый вектор развития, заключающийся в принципиально ином характере творчества. Прежний вектор был направлен на эволюционное развитие, новизна вектора футуристического состоит в радикальном разрыве со старым и обращении к сотворению новой художественной системы, которые не теряют актуальности и в XXI веке.

Ключевые слова: футуризм, манифест, движение, образ, костюм, мода, эстетика

Yulia Ev. Muzalevskaya

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
(Saint Petersburg, Russia)*

THE IMPORTANCE OF FUTURISM FOR THE NEW AESTHETICS OF FASHION

The purpose of the article is to identify the significance of futurism for the development of a new aesthetic view on contemporary fashion. Futurism, originating within the avant-garde art of the twentieth century, appeared as an integral artistic and aesthetic movement that left a trace not only in art, but also influenced the aesthetics of fashion.

Scientific novelty. The theory and practice of avant-garde movements are analyzed by most researchers within the framework of literary and pictorial creativity, while the sphere of costume creation as an object of fashion remains third-rate for the researchers of futurism. Understanding the origins of the costume transformation initiated by the Futurists is not given due attention, while the idea of destroying the boundaries between separate types of art has been most embodied in this movement in the innovative artistic and aesthetic trend of vestimentary fashion. Thanks to the search for a new aesthetic image of a person, developed methods of working with artistic and expressive means, the Futurists gave a powerful impetus to changes in fashion ideals, which further affected the development of fashion aesthetics.

The results of the study. The futuristic trend is relevant in our time, having resumed its development in the 1960s on the basis of utopian images of the future, marking the beginning of the space age, the artistic and aesthetic phenomenon continues its evolution. In fashion trends, the meaning of the notion of "futurism" is changing; it is no longer associated not so much with the dynamics of the image as with its aspiration into the future, with the search for new materials and technologies. Having laid the foundations of a new aesthetics of fashion, the Futurists set a new vector of development, which consists in a fundamentally different nature of creativity. The previous vector was aimed at evolutionary development, the novelty of the futuristic vector consists in a radical break with the old and turning to the creation of a new artistic system, which do not lose relevance in the twenty-first century.

Keywords: futurism, manifesto, movement, image, costume, fashion, aesthetics

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-46-55

Актуальность исследования. Влияние философских взглядов на возникновение направления футуризм в искусстве. Для предыдущих эпох характерно наличие «большого» стиля, объединяющего различные виды искусств. Революционная атмосфера, сложившаяся в начале XX века, нарушила эту традицию. Невозможность продолжения такого единства обусловлена значительными изменениями в мировоззрении и этических нормах общества, произошедших под влиянием целого ряда экономических и политических перемен, ставших следствием технического прогресса и огромных масштабов индустриализации. Европейская культура первой половины XX века характеризуется кризисным самосознанием, теории которого восходят к философии Фридриха Ницше, призывающей к переоценке всех ценностей, что оказало огромное влияние на развитие искусства того времени. Изменились и представления об окружающем мире у всех представителей общества, а особенно у людей творческих. Творчество художников направлено теперь не только на поиск иных выразительных средств на основе нового зрительного восприятия, но и на стремление передать то, что было ранее недоступно человеческому глазу. Отражение реальности оставлено фотографии, ставшей распространенной и доступной. Художники отныне занимаются деятельностью исследовательской, под которой понимаются поиски нового понимания эстетики, создания новых норм, ценностей и идеалов не только в художественной культуре, но и шире – в общественной жизни, которую будет преобразовывать человек новой модели личности. В художественной среде возникает множество художественных течений, для которых характерны модернистские поиски. Футуристы, как одни из ярких творцов авангарда, ощутив необходимость и масштабность происходящего перелома в культуре и цивилизации в целом, взяли на себя роль ниспровергателя старого в искусстве. Об этом они заявили в

характерной для них ультимативной манере: «Мы не желаем иметь с прошлым ничего общего, мы, молодые и сильные футуристы...Гордо расправив плечи, мы стоим на вершине мира и вновь бросаем вызов звездам» [10]. Отказ от художественно-эстетических и духовных, нравственных ценностей европейской культуры содержится в призыве к уничтожению культуры во всех ее проявлениях – музеев, библиотек, учреждений образования ит.д., о чем свидетельствует как манифест, так и поведение футуристов, выплескивающих «эмоции на простор в бешеном порыве действия и созидания» [10]. Но одновременно футуристы взяли на себя роль создателей новых эстетических принципов искусства. «Искусство, как метод *познания* жизни (отсюда – пассивная созидательность) – вот наивысшее ...содержание старой, *буржуазной* эстетики. Искусство как метод *строения* жизни (отсюда – преодоление материи), – вот лозунг, под которым идет представление о науке искусства», – так сформулировал понимание футуристами эстетики, выходящее за рамки традиционного (исследователь футуризма Николай Чужак) [11]. Таким образом, авангардисты видели свою миссию в переконструировании пространства культуры. В процессе осознанных экспериментов, направленных на создание принципиально нового, ими найдены и изобретены формы, приемы, способы художественного выражения, отвечающие духовно-художественно-эстетическим потребностям современного человека. Авангардистские, а затем модернистские преобразования живописи проложили путь к новому облику современного искусства, обладающего оригинальным образным языком и совершенно другой пластичностью. Эти новации послужили импульсом для создания и развития нового художественного языка костюма, однако следует отметить, что преобразовательный процесс не был синхронным, в костюме художественные эксперименты были востребованы в разные времена и в различной степени. Футуризм стал первым художественным движением, отразившим динамичный дух времени. Основной функцией футуризма являлась деструктивность, а изобразительным средством композиции – динамика. Возникший как литературное направление, представленное такими анархистскими писателями как Макс Штирнери Жорж Сорель, он заявил о собственной концепции культуры и агрессивно стремился распространить сферу деятельности художников на всю окружающую действительность. На умонастроения футуристов оказали влияние бунтарство анархистов, некоторые идеи Фридриха Ницше, интуитивизм Анри Бергсона. «Футуристы, несомненно руководствовались ницшеанским идеалом сверхчеловека, попирающего чернь и утверждающего волю к власти насилием и имморализмом» [7, с. 53]. Характерное для них восторженное отношение к достижениям науки и техники, сочеталось с уверенностью в необходимости разрушения традиционной культуры, всего жизненного уклада, сложившегося на протяжении нескольких веков.

В ряду других авангардных направлений футуризм занимал особенное место, поскольку представлял собой целостное художественно-эстетическое движение, заявлявшее о намерениях изменить искусство. Новаторством этого эпатажного направления явились многочисленные манифесты, носившие

бунтарски-анархический характер, оформлявшие в печатном варианте призывы и лозунги своих представителей. Начало движения футуризма было положено итальянским поэтом Филиппо Томмазо Маринетти, опубликовавшим 20 февраля 1909 года, обращенный к молодым художникам, первый свой «Манифест футуризма». «Экзальтированно–эпатажный тон манифеста в сочетании с апологией часто поверхностно понятых новейших научно-технических достижений и полным отрицанием всех духовно-культурных ценностей прошлого оказали свое действие» [4, с. 546] на дальнейшую деятельность художников футуристов. Не ограничиваясь рамками художественной практики, выводя ее в самую жизнь, они заложили основу «тенденции *последовательного вывода художника за пределы искусства*» [4, с. 546]. Выход за рамки традиционного искусства, как и идея переустройства мира, нашли воплощение в стремлении преобразовать внешний облик человека посредством костюма, эстетика которого, как они считали, должна быть, принципиально изменена. Футуристы и, прежде всего, Филиппо Томмазо Маринетти, ощутили дух времени, неизбежность изменения человеческой психики, психофизиологии восприятия в результате научно-технической революции, а, следовательно, прежние эстетические основы костюма, по их мнению, уже не отвечали запросам человека. Один из излюбленных ими манифестов – «Манифест о женской моде» 1920 года, предлагал провозгласить костюм сферой деятельности высокого искусства, а производство одежды поручить крупным художникам.

Новый эстетический взгляд футуристов на моду. Синтез искусств как новая философия творчества оказал огромное влияние на развитие архитектуры и костюма, интерьера и текстиля. Представители футуризма впервые задумались и об образе самого художника, разрабатывая для него своеобразную униформу в виде футуристической одежды. Мечтая о визуальной симфонии уличного пространства, они облачались в многоцветные, асимметричные и даже светящиеся экстравагантные костюмы, резко контрастирующие с безликостью и бесцветностью уличной толпы. Формы костюмов продолжали абстрактные живописные композиции одного из ярчайших представителей футуризма Джакомо Балла, обладали ощущением вибрации, движения городских улиц. Так выражался протест против утраты современной одеждой своего гармонизирующего начала, против нарастающего процесса всеобщей нивелировки. По мнению футуристов, костюм должен быть динамичным, как сама современная действительность, простым, удобным, приносить радость и окружающим, и своему владельцу. Но взгляды на одежду отличались противоречивостью. С одной стороны, высказывалась мысль о том, что она «убила тело», а «целомудренные и стыдливые» стали «рабами одежды», но с другой – «одежда то, что человек прибавил к душе и телу, то, чего не дала земля. Вот почему чем дальше, тем сильнее власть одежды, и в наше время стало истиной, что цари платья затмили царей духа и красоты <...> Царство тела прошло. Царство духа прошло. Приди царство одежды» [5, с. 159]. Для экспериментов по разрушению привычных представлений об эстетике одежды художники избрали мужской костюм. «Подобно архитектуре модернизма,

мужской гардероб предназначался для того, чтобы служить физической и психологической защитой от сбивающего с толку чувственного опыта модерна. В таком пограничном статусе – между внутренним /телом/ и внешним /миром/ – костюм представлял собой чистый холст для проекции фантазий авангарда» [3, с. 113]. А, ранее, в 1914 году под руководством Джакомо Балла был издан манифест «Мужское футуристическое платье». В манифесте «Антинейтральное платье» он, отвечая на требования военного времени, призывал к воинствующей, агрессивной одежде, повышающей бесстрашие. Призывом к героизму, встречающему смерть как праздник, отвечают футуристические рекомендации к облачению в красные одежды. Необходимость трансформирующейся одежды закреплена манифестом «Футуристическая реконструкция вселенной». Балла известен не только как провозвестник новых идей, излагаемых в форме манифестов, но и как автор многочисленных вариантов футуристического костюма, созданных в поддержку провозглашаемых им теорий. Костюм, выполненный им, утрачивает связь с анатомическим строением человека, для этой цели используется асимметричный крой, остроугольные геометрические фигуры и зигзагообразные линии. Благодаря коллажу из геометрических фигур ярких цветов, покрывающих поверхность костюма и создающих собственную цветовую игру, он становится самостоятельным произведением искусства и приобретает ту же динамичность, которая отличала его картины. Динамизм жизни требует от костюма постоянной изменчивости, Дж. Балла предлагал создавать ее при помощи подвижных и взаимозаменяемых элементов из ткани, прикрепляемых с помощью кнопок. Такой подход лег в дальнейшем в основу метода трансформации в проектировании костюма. В практической плоскости идеи выразились в созданном им футуристическом светящемся галстуке, напоминающем пропеллер аэроплана, костюме с козырьком, разрисованном «силовыми линиями» и др.

Футуристы «впервые признали мир технологии, механики, скорости, урбанизма как выражение красоты» [6, с. 53]. Художников-футуристов интересует изменчивость в самых разных проявлениях – от скорости движущихся объектов до феномена бессознательного, открытого Зигмундом Фрейдом. Обращение к скорости и поиски ее выражения средствами искусства вызвано осознанием того, что новая техника меняет психику человека, его психофизиологическое восприятие, и, следовательно, требует совершенно других изобразительных средств, позволяющих достичь предельно напряженного динамического пространства. В экспериментах с костюмом художникам удалось наполнить его динамикой движения, энергией, силой, скоростью, то есть главными принципами их художественного кредо, реализованными простыми, доступными приемами. Футуристы, мировоззрение которых базировалось на динамичной картине мира, воспели новую красоту – красоту скорости, осуществив на практике заявление, содержащееся в пункте четвертом программного «Манифеста футуризма»: «Мы утверждаем, что величие мира обогатилось новой красотой – красотой скорости» [10]. Они открыли иное ощущение пластичности, которое характерно для движущихся

объектов. Ярким выражением красоты скорости, а также идеи слияния человека и машины, является бронзовая скульптура Умберто Боччони «Уникальные формы непрерывности в пространстве». Скульптору удалось передать скорость и силу уверенно движущегося человека посредством развевающихся деталей одежды. «Принадлежащая футуристам идея передачи движения новыми художественными средствами, впоследствии неожиданно нашла отклик и в образах представителей молодежного субкультурного направления байкеров 1950-х годов. Байкер – символ динамичного образа жизни, он созвучен футуристической картине Умберто Боччони «Динамизм велосипедиста», передающей ощущение пульсации времени, слияния стремительно движущегося человека с миром. Образ байкера, мчащегося на мотоцикле, можно было назвать своеобразной ожившей иллюстрацией футуристических лозунгов и живописных полотен. Их вздыбленные ветром куртки, диагональные молнии, шевроны – все выражает экспрессивную энергию» [9, с. 170]. Сподвижники Джакомо Балла – Фортунато Деперо и Тильё Кралитоже обращаются к практическому созданию предметов костюма, мужских жилетов. Их жилеты соответствовали принципам жизнерадостности и динамизма, выполнялись в разнообразной цветовой палитре с использованием контрастных отделочных деталей. Разноцветные жилеты с рисунками, выполненными в лоскутной технике, отражали художественные идеи, а также разнообразили традиционный мужской костюм, позволяли выделиться из общей толпы. [1, с. 51]. Тема оформления костюма стала излюбленной у футуристов, она позволяла отразить их приверженность к необычности. Развивая инновационные идеи футуризма, итальянский художник Эрнесто Тайат (настоящая фамилия Михаэллес) создает универсальное цельнокроеное платье – комбинезон, так называемое «Tuta», изначально имеющее форму буквы «Т», образованную прямыми линиями. «Итальянское слово *tutta*, означающее «вся», «целая», превращается в «*tuta*», так как недостающая «*t*» заключена в Т-образной форме самого комбинезона. Идея целого, содержащаяся в слове «*tutta*», таким образом, получает материальное воплощение в предмете одежды, использующем ткань *целиком, целиком* скрывает тело носителя и вводит фигуру *коллективного целого* – унифицированного облика всех людей, одетых в «*tuta*» [8, с. 194]. В соответствии с эстетикой авангарда *tuta* не имела декора, но своей простой красотой, геометризмом она отвечала, скорее, духу ар-деко. Тайат предлагал очередную реформу мужской одежды, с полным отсутствием декоративности и ограничения свободы движений. Всем этим требованиям соответствовал предложенный им комбинезон. Развивая свою теорию, он предлагает не абсолютно новые типы одежды, а преобразованные модели производственной одежды рабочих, известные еще в XIX веке, а в веке XX-м – комбинезоны техников и инженеров-механиков, подобные комбинезоны носили и художники. Однако автору удалось отвергнуть устаревшие стилистические условности, провести настоящую трансформацию в одежде, которая, благодаря своей универсальности и простоте, стала доступна массам и отвечала их эстетическим требованиям. Тем не менее, несмотря на направленность к демократизации, одежда *tuta* казалась большинству

эксцентричной, а интересной лишь флорентийской аристократии и представителям художественных кругов. В России подобными экспериментами в области костюма в 1920-х годах занимались художники-конструктивисты Владимир Татлин, Александр Родченко и Варвара Степанова. Предложенная Александром Родченко прозодежда, воплощенная в модели комбинезона для художника, перекликается с одеждой «Тута». Будучи слишком ориентированными на будущее и связывающие ранее несовместимые понятия – рабочая одежда и мода, модели не нашли широкого применения в народных массах. Но, тем не менее, принципы цельной формы, без деления на «верх и низ» ложатся в основу современной профессиональной рабочей одежды и используются по сегодняшний день. Разработанный художниками мужской вариант комбинезона был революционен, поскольку сформировавшийся к тому времени формальный мужской костюм больше не подвергался серьезным изменениям. Вектор развития женского костюма уже был направлен в сторону упрощения и придания формам геометризации, поэтому предложенный вариант унифицированного костюма нейтрального по отношению к принадлежности определенному полу, выглядел продолжением начавшихся реформ, кроме того, женский вариант представлял собой платье-рубашку, что было не столь радикальным. Призыв футуристов был подхвачен Партией реформы мужского костюма в Англии, ратовавшей за комфорт мужской одежды, за свободу самовыражения. Таким образом, совместными усилиями художников и общественности были заложены основы реформирования костюма. Футуристам удалось живописными средствами достичь в своих произведениях предельно напряженного динамического пространства, а в сфере вестиментарной моды создать единое художественно-эстетическое направление с новыми приемами и художественно-выразительными средствами. Кроме того, они внесли вклад в становление новых видов массового искусства, используя современные возможности техники, массмедиа, таких как газета, фотографии, кино, для возвращения искусства в социальную жизнь. Искусствовед Екатерина Александровна Бобринская так пишет об этом явлении в искусстве: «Футуризм создал свой собственный проект культуры – наступательной, динамичной и агрессивной. Проект, не ограниченный лишь сферой искусства, но вторгшийся в социальную политическую реальность. Он создал свою собственную эстетику борьбы и разрушения, эксперимента и игры, зрелища и жертвы» [1, с. 6].

Развитие взглядов футуристов в эстетике моды второй половины XX начала XXI веков. В конце 1960-х годов в вестиментарной моде вновь появляется направление футуризм, но уже как реакция на новый этап развития человечества – эру освоения космических просторов. Первый полет человека в космос захватывает весь мир, вдохновляет художников, поэтов, писателей и модельеров. Модный образ связывают с будущим, которое, как представляется, произойдет в космосе, люди начнут путешествовать на Луну и Марс и откроется новая эра для землян. В этой связи название футуризм обретает иные оттенки. Мода, как чуткий барометр откликается коллекциями одежды с акцентом на образы будущего. Коллекция «Лунная девушка» дизайнера Андре Куррежа, демонстрирующая облик человека космической эры, становится

частью новой эстетики, определяющей современную эпоху. Дизайнер создал образ человека, «путешествующего между планетами», выбран трапециевидный силуэт костюма, головные уборы похожи на шлемы космонавтов, прозрачные ботинки из пластика, минимум отделок и цветов. Синтетические материалы, ставшие популярными в 1960-х годах благодаря развитию химической промышленности, позволяли получать более яркие цветовые сочетания, что усилило зрительное восприятие моделей. Фотографы внесли динамику в фотоснимки для модных журналов, манекенщицы предстали в сложных позах, имитирующих полет или состояние невесомости. В этом новаторском шаге совпали идеи футуристов 1920-х годов и поиски 1960-х в области нового «футуризма», связанного с будущим человечества. Фотография, не только сохраняет образы эпохи, но и становится одной из областей художественных практик, как это было во времена экспериментов Александра Родченко.

Футуризм в современной моде выражается в визуализации утопических и антиутопических образов будущего. Для него характерны интерес к конструктивно-технологическому аспекту дизайна, использованию инновационных материалов и технологий, инициировавший приближение к научным исследованиям «поведения» одежды, одетой на человека или одежды без человека в условиях невесомости. Эксперименты с «подвешенной» одеждой отныне становятся не только концептуальной идеей, но и частью исследования условий пребывания человека в космосе. Новые материалы, которые возможно напечатать на 3D принтере должны заменить человеку в замкнутом пространстве космического корабля магазин модной одежды. Исследовательский труд Барбары Брауни «Космические одежды. Мода в невесомости» анализирует подобные, уже существующие коллекции [2]. Жизнь в невесомости знакома пока лишь ограниченному количеству землян, тем не менее, для дизайнеров она представляют интерес, подобно тому, как парение в свободном полете с давних пор занимало умы человечества, а невесомость дарит такую возможность, но вне земных условий. В тоже время, дизайнеры обращаются к образам «техно» и «кибер», при создании которых используют детали из пластиковых трубок, микросхем и проводов, такие аксессуары как защитные маски и респираторы, ранее использовавшиеся представителями субкультур. Подобные образы тоже можно назвать футуристическими, т.к. они обращены к поиску будущей моды. В них также заложена идея бесконечного движения, они отражают наш новый технический и техногенный мир с его постоянными изменениями и экспериментами в эстетической сфере вестиментарной моды.

Литература

1. Бобринская Е. А. Футуризм. М.: Галарт, 2000. 102 с.
2. Брауни Б. Космические одежды: мода в невесомости. М.: НЛО, 2019. 309 с.

3. Бруард К. Модный Лондон. Одежда и современный мегаполис / пер. с англ. Е. Демидовой, А. Мороз, С. Петрова. М.: НЛО, 2016. 240 с.
4. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М.: Центр гуманитарных дисциплин, 2016. 783 с.
5. Зданевич И. Футуризм и всёчество 1912-1914. Т. 1. Выступления, статьи, манифесты. М.: ГИЛЕЯ, 2014. 320 с.
6. История мирового искусства / ред. Е. Сабашников. М.: БММ АО, 1998. 720 с.
7. Крючкова В. А. Антиискусство: Теория и практика авангардистских движений. М.: Изобразит. искусство, 1985. 304 с.
8. Лошальпо Фл. Одежды утопии: проекты футуристов и конструктивистов начала 1920-х гг. // Теория моды, весна. 2016. № 39. С. 194.
9. Музалевская Ю. Е. История стритстайла: монография. СПб.: Феникс, 2009. 280 с.
10. Маринетти Ф. Т. Манифест Футуризма // Le Figaro. 1909. 20 февр. Электрон. версия печ. публ. URL: https://www.hse.ru/data/2017/11/15/1172476317/Manifest_futurizma_Marinetti.pdf.
11. Чужак Н. Под знаком жизнестроения // ЛЕФ: журнал левого фронта искусств. 1923. № 1. С. 36.

References

1. Bobrinskaya T. A. *Futurizm [Futurism]*. Moscow, Galart Publ. 2000. 102 p. [in Russian]
2. Brownie B. *Kosmicheskiye odezhdyy: moda v nevesomosti [Spacewear. Weightlessness and the Final Frontier of Fashion]*, trans. by T. Pirusskaya. Moscow, NLO Publ. 2019. 309 p. [in Russian]
3. Breward Ch. *Modnyy London. Odezhda i sovremennyy megapolis [Fashion London: Clothing and the Modern Metropolis]*, trans. by E. Demidovoy, A. Moroz, S. Petrova. Moscow, NLO Publ. 2016. 240 p. [in Russian]
4. Bychkov V. V. *Esteticheskaya aura bytiya. Sovremennaya estetika kak nauka i filosofiya iskusstva [Aesthetic Aura of Being. Modern aesthetics as science and philosophy of art]*. Moscow, Tsentr gumanitarnykh distsiplin Publ. 2016. 783 p. [in Russian]
5. Zdanevich I. *Futurizm i vschestvo 1912-1914. T. 1. Vystupleniya, stat'i, manifesty [Futurism and Allness 1912-1914. Vol. 1. Speeches, articles, manifestos]*. Moscow, GILEYA Publ. 2014. 320 p. [in Russian]
6. *Istoriya mirovogo iskusstva [History of World Art]*, ed. by E. Sabashnikov. Moscow, BMM AO Publ. 1998. 720 p. [in Russian]
7. Kryuchkova V. A. *Antiiskusstvo: Teoriya i praktika avangardistskikh dvizheniy [Anti-Art: Theory and Practice of Avant-Garde Movements]*. Moscow, Izobrazitel'noye iskusstvo Publ. 1985. 304 p. [in Russian]
8. Loscialpo, F. *Odezhdy utopii: proyekty futuristov i konstruktivistov nachala 1920-kh gg. [Utopian Clothing: The Futurist and Constructivist Proposals in the Early 1920s]*. *Teoriya mody, vesna*. 2016. No 39. P. 194. [in Russian]

9. Muzalevskaya Yu. E. *Istoriya stritstayla: monografiya [Street Style History: a monograph]*. Saint Petersburg, Feniks Publ. 2009. 280 p. [in Russian]
10. Marinetti F. T. Manifest Futurizma [Futurism Manifesto]. *Le Figaro*. 1909. 20 Feb. E-paper. URL: https://www.hse.ru/data/2017/11/15/1172476317/Manifest_futurizma_Marinetti.pdf. (accessed: 09.06.24) [in Russian]
11. Chuzhak N. Pod znakom zhiznestroyeniya [Under the Sign of Life-Building]. *LEF: zhurnal levogo fronta iskusstv*. 1923. No 1. P. 36. [in Russian]

Статья поступила в редакцию 02.01.2024

Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 02.01.2024

The article is approved for publication 24.06.2024

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Н. Л. Богомазова

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЯПОНИИ: «ОБЩЕСТВО 5.0» И СТАТУС «ЭЛЕКТРОННОЕ ЛИЦО».

В статье рассматриваются тенденции развития искусственного интеллекта в японском обществе, анализируются такие понятия как: «Общество 5.0» и статус «Электронное лицо». Одним из мировых лидеров по цифровым платформам, нейросетям, ИИ и роботизации является Страна восходящего солнца. Основная задача «Общества 5.0» – это усиление связи между научно-технологическими инновациями в области цифровых технологий и социумом. исследуется вопрос о наделении роботов-андроидов статусом «электронное лицо» на законодательном уровне. Выделяются морально-этические дилеммы, связанные с формированием «Общества 5.0». Представители гуманитарной и технической элиты высказывают предположения о возможной опасности морального рессентимента и полной интеллектуальной деградации человечества, связанной с цифровизацией мирового пространства: абсолютная интеграция естественного и искусственного интеллекта может стать величайшей ошибкой человечества.

Ключевые слова: Япония, искусственный интеллект, робот-андроид, «Общество 5.0», статус «Электронное лицо», морально-этические дилеммы цифрового общества.

N. L. Bogomazova

*Tolstoy Tula State Pedagogical University
(Tula, Russia)*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN JAPAN: "SOCIETY 5.0" AND THE STATUS OF "ELECTRONIC PERSON"

The article discusses trends in the development of artificial intelligence in Japanese society, analyzing such concepts as "Society 5.0" and the status of the "Electronic Person". One of the world leaders in digital platforms, neural networks, AI and robotization is the Land of the Rising Sun. The main objective of "Society 5.0" is to strengthen the connection between digital scientific and technological innovation and society. The paper analyses the issue of giving robots the status of "electronic person" at the legislative level. The author highlights the moral and ethical dilemmas associated with the formation of "Society 5.0". Representatives of the humanitarian and technical elite make assumptions about the possible danger of moral resentment and complete intellectual degradation of humanity associated with the digitalization of the world space: the absolute integration of natural and artificial intelligence may become the greatest mistake of the human race.

Keywords: Japan, artificial intelligence, robot, Society 5.0, e-person status, electronic person, moral and ethical dilemmas of digital society.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-56-64

«Ошибкой было бы полагать, что освободившиеся от рутинных дел и хлопотной работы люди обретут счастье - напротив, это чревато потерей блеска жизни»

Масахико Симада [12]

XXI век – это эра цифровых информационно-коммуникативных процессов [1], многоцелевых, наукоемких и многофункциональных технологий (High-Tech). High-Technology, воздействуя на социокультурную сферу, содействовали возникновению высоких гуманитарных технологий – High-Hume, которые в свою очередь предназначены для изменения человеческого мировоззрения как индивидуального, так и коллективного. Высокие гуманитарные технологии наряду с нанотехнологиями в области роботизации и искусственного интеллекта являются неотъемлемой составляющей «Общества 5.0» [2].

Революция искусственного интеллекта (далее - ИИ) в мировом социуме была вызвана рядом научных открытий: облачные вычислительные ресурсы, веб-сбор данных, адаптивные искусственные нейронные сети, обучение «методом обратного распространения ошибки». Инновационные алгоритмы обработки информационных данных стимулировали появление цифровых технологий, на основе ИИ.

Основные тенденции развития и внедрения ИИ имеют ряд направлений:

- 1) масштабирование алгоритмов при работе с информацией глобального объёма;
- 2) обучение сверхточных нейронных сетей;
- 3) формирование у ИИ функции самостоятельного принятия решения («компьютерная программа AlphaGo»).

Одним из мировых лидеров по цифровым платформам, нейросетям, ИИ и роботизации является Япония. Политика государства направлена на внедрение искусственного интеллекта во все сферы общественной жизни. Японские власти предпринимают действия, направленные на обеспечение устойчивого и всестороннего благосостояния уровня граждан, в связи с чем правительство заявило о новой социально-технической революции, о формировании «Общества 5.0» или «Super Smart Society» – «Сверхумное общество».

Обратимся к истории термина: «Общество 1.0» было связано с возникновением первобытной культуры; «Общество 2.0» – с возникновением сельского хозяйства; «Общество 3.0» – с преобразованием окружающей среды в целях повышения сельскохозяйственной прибыли и «Общество 4.0» – с возникновением массовой промышленности.

Основная задача «Общества 5.0» – это усиление связи между научно-технологическими инновациями в области цифровых технологий и социумом, установление на законодательном уровне этических и юридических аспектов взаимодействия человека с роботом. В связи с чем, в Японии был создан консультативный совет, под руководством представителей технологического бизнеса и во главе с доктором наук Юко Хараяма, по вопросам использования ИИ для улучшения жизни граждан. Члены консультативного совета размышляют о создании новой этики, связанной с изменением взаимоотношений между людьми и ИИ: необходимо четко отделять решения, принятые человеком от решений, принятых роботом; проблема манипулирования ИИ эмоциями и поведением индивидов. Совет предлагает пересмотреть само понятие «человеческие чувства»: например, протез с ИИ является ли частью человека или следует ли различать достижения, исключительно достигнутые человеком и совместно с искусственным интеллектом? Кто несет ответственность за риски, связанные с использованием ИИ: право к доступу персональных данных; кто обладает правом собственности на живописное полотно, нарисованное ИИ и т.д.?

Одной из основных задач в области японского образования на сегодняшний день является анализ недостатков и преимуществ искусственного интеллекта, прогнозирование рисков внедрения ИИ в учебный процесс на разных ступенях. К вопросам социального порядка относится проблема зависимости от ИИ и абсолютной заменой им человеческого общения.

Члены консультативного совета пришли к выводу, что регулированием взаимоотношений между социумом и инновационными технологиями, в частности с ИИ, должно проводиться на государственном уровне в формате создания четкой законодательной базы.

В 2019 году правительство Японии опубликовало «Социальные принципы человекоцентричного Искусственного интеллекта» – декларация принципов внедрения искусственного интеллекта в общество. Эти принципы базируются на трех нравственных ценностях: человеческое достоинство, разнообразие/инклюзивность и устойчивость. Целью социальных принципов является их реализация с помощью ИИ.

В отчете «Управления ИИ в Японии версия 1.1», который был опубликован Министерством экономики, торговли и промышленности (2021 год), даны рекомендации по внедрению и регулированию искусственного интеллекта в японское общество и утверждалось, что нецелесообразно предпринимать какие-либо ограничительные меры в использования ИИ: такие «юридически обязательные горизонтальные требования к системам ИИ в настоящее время считаются ненужными». Это связано с тем, что нормативные акты сталкиваются с трудностями, чтобы идти в ногу со скоростью и сложностью инноваций в области ИИ» [3].

Закон «О прозрачности цифровых платформ» предъявляет требования к онлайн-центрам, компаниям, магазинам и приложениям, занимающимся цифровой рекламой, предпринимать меры по предотвращению рисков,

раскрытию информации о них в целях обеспечения безопасности и справедливости в сделках с бизнес-пользователями.

Издание The Japan Times обладает информацией о том, что японское правительство рассматривает возможность внедрения системы анализа больших данных на основе искусственного интеллекта, что приведёт, по мнению властей, к ускоренному принятию политических решений. Система «Palantir Technologies» оперативно собирает и систематизирует данные. Среди ее пользователей финансово-кредитные и разведывательные учреждения, государственные структуры.

С 2023 года в Японии токийские власти начали использовать программу на основе ИИ Chat GPT: чат-бот составляет информационные документы в городских ведомствах для местного населения. Нейросеть умеет вести диалог с пользователем, генерировать тексты различных форматов и стилей, писать коды на разных языках программирования и выполнять другие задачи. Губернатор Токио, Юрико Коикэ, высказала мысль о том, что: «Искусственный интеллект обладает значительным потенциалом и может помочь улучшить работу администрации. Мы будем использовать преимущества нейросети, но при этом учтем ее недостатки» [4].

Цифровое «Общество 5.0» предполагает наличие чат-ботов и роботов-андроидов в различных социальных сферах взаимодействия людей и искусственного интеллекта, в связи с чем в правовом плане возникает вопрос об их статусе в обществе. В Европе, в 2017 году были опубликованы «Нормы гражданского права о робототехнике» [5], в которых определялась необходимость определения правового статуса для роботов-андроидов (человекоподобный цифровой механизм с ИИ). Введен термин «электронное лицо», т.е. андроид будет нести ответственность за совершенные им действия, принимать решения независимо от третьих лиц – человека и других электронных устройств с ИИ.

«По мнению Джоанны Брайсон (профессор в области ИИ, Великобритания) использование термина «электронное лицо» указывает на чёткое намерение придать некоторым интеллектуальным предметам статус личности, наделённой правосубъектностью, которой наделено и большинство людей» [6]. «Краеугольным камнем подобного рода дискуссий является вопрос: могут роботы обладать самосознанием, свободой воли, чувствами и личными интересами? Однако.....в правовой сфере сознание и самосознание не является необходимым или достаточным условием для наделения правосубъектностью, «поскольку, с одной стороны, полностью сознательные физические лица, такие как дети, рабы, были лишены полной правосубъектности, а, с другой стороны, люди, временно необладающие сознанием, например, находящиеся в коме или спящие, на этом основании её не лишаются, хотя и в некоторых случаях не могут осуществлять реализацию многих своих прав» [7].

Исследователи данного вопроса выделяют ряд аргументов против наделения роботов статусом «электронное лицо»:

1) электронное устройство с ИИ не может быть привлечено к ответственности за совершаемые действия, в связи с чем может оказаться под

вопросом его возможность реализовывать свои права, выполнять возложенные на него обязанности и нести за них ответственность;

2) электронное устройство с ИИ не имеют возможности, в силу своей цифровой природы, осуществлять нравственные и субъективные действия.

«Наделение юнита искусственного интеллекта правовым статусом электронного лица должно быть направлено не на признание автономности самостоятельности такого юнита и освобождение физических и юридических лиц от ответственности за его действия, а наоборот, на укрепление такой подотчётности и решение проблем идентификации юнитов искусственного интеллекта и стоящих за ними реальных людей» [8].

Существует иное мнение по поводу наделяния робота правовым статусом «электронное лицо»: роботов необходимо наделять правосубъектностью с целью освобождения их изобретателей от потенциальной ответственности за совершаемые ими действия. Также придание данного статуса может быть эффективно в электронном бизнесе, в области идентификации и определения юрисдикции, или может способствовать решению вопросов с интеллектуальной собственностью, созданной ИИ [9].

«Создание отдельного правового статуса электронного лица приведёт к созданию нового правового института, в рамках которого действия роботов будут контролироваться и управляться отдельно от его владельца или эксплуатанта, а также позволит прояснить, что происходит при вступлении в правоотношения с роботами, и определить отношения между роботом и третьей стороной, а также между роботом и его владельцем» [8], следствием чего будет создание единого реестра «электронных лиц» по аналогии с реестрами «юридических лиц». В реестр «электронных лиц» будут поступать документы, содержащие информацию о владельцах «электронных лиц» и их полномочиях. Система реестров позволит избежать противоправных действий в отношении роботов и их создателей.

В мировом сообществе на сегодняшний день существуют примеры наделяния роботов электронным гражданством: гонконгская компания Hanston Robotics создала робота-андроида Софию, получившего гражданство в Саудовской Аравии: искусственный интеллект обрел статус «электронной личности».

Представители гуманитарной и технической элиты высказывают предположения о возможной опасности морального рессентимента и полной интеллектуальной деградации человечества, связанной с цифровизацией мирового пространства. По мнению ученого Стивена Хокинга абсолютная интеграция естественного и искусственного интеллекта может стать величайшей ошибкой человечества, порождающей следующие морально-этические дилеммы «Общества 5.0»:

1) дилемма свободы и смысла, связанная с ценностным и смысловым нигилизмом;

2) дилемма технофобии /технофилии;

3) дилемма информационного глобального пространства и локальных культур;

4) дилеммы информационного блага и информационного зла:

а) противоречие между информационной избыточностью и фейковостью новостных лент;

б) противоречие между информационной насыщенностью и деструктивным ее влиянием на эмоционально-психологическое состояние человека;

в) противоречие между свободой слова и манипуляцией с сознанием человека: утеря понимания общечеловеческих ценностей, традиций; явление манкуртизма;

5) дилемма свободы и ответственности представителя СМИ и пользователя массмедийной сферы [10, с. 70 - 71].

Одним из приоритетов ЮНЕСКО согласно программе «Информация для всех» –это решение проблем, стоящих на пути создания многокультурного информационного общества.

Культуролог Михель Гофман высказал мысль о том, что «Сегодня барьер между реальностью и созданной современными средствами информации, картиной мира, исчезает, так как факты реальности в них представлены как игровые элементы. В этой игре зрительных и словесных образов всё утрачивает свою стабильность и очевидность, главное в ней – движение, развитие, постоянное изменение. Став участником игры, потребитель информации и зрелищ перестаёт воспринимать мир серьёзно, в игре критическое отношение невозможно, оно выглядит смешным и наивным» [12].

«Общество 5.0», с цифровыми технологиями и искусственным интеллектом, породило новое поколение – поколение Z, «поколение – гаджет» или поколение ««Copy&Paste». Планшет или смартфон стали неотъемлемой частью человека, его органом тела и сознания, навигатором жизни во всех сферах. Современное поколение без гаджет-помощников превращается, в интеллектуальном плане, в «инвалидов», не способных к размышлению, анализу, поиску причинно-следственных связей; не обладает навыками связанной и грамотной речи. В 2007 году было зафиксировано появление такого феномена как «цифровое слабоумие» (Digital Dementia) и это отнюдь не метафора, а медицинский диагноз – психическое расстройство у детей поколения Z, которое сопровождается органическими изменениями головного мозга: происходит разрушение тех участков, которые отвечают за коммуникацию, эмпатию, принятие решений, внимание. Проявление данных изменений выражается в агрессии, замкнутости, депрессивном настроении, отсутствии интереса к жизни и как результат в суицидальном поведении в случае недоступности гаджета и Интернет-сети [11]. Человеческий лик утрачивает свой интеллект, и на смену ему приходит «электронное лицо» с искусственным интеллектом.

Литература

1. ЮНЕСКО об информационном обществе: основные документы и материалы. СПб.: РНБ, 2004. 120 с.

2. Киселева Л. С. Хай-хьюм технологии в обществе будущего: сущность и назначение // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего : VII Садыковские чтения : материалы Междунар. науч.-образоват. конф. (Казань, 15-16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 94–101.

3. Подход Японии к регулированию искусственного интеллекта и его влияние на председательство в G7 в 2023 году / Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency, CSIS // Национальный портал в сфере ИИ и применения нейросетей в России. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_podhod_yaponii_k_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_i_ego_vliyanie_na_predsedatelystvo_v_g7_v_2023_godu_japan_s_approach_to_ai_regulation_and_its_impact_on_the_2023_g7_presidency_csis/ (дата обращения: 26.02.2024).

4. Арбузова А. Зачем городские власти Токио внедряют ChatGPT в работу чиновников? // РБК Тренды : [страница сайта РБК]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/648877bb9a79474a5fa45221?from=copy> (дата обращения: 26.02.2024).

5. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // European Parliament : official site. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (access date: 02.04.2024).

6. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons // Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. P. 273–291. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-017-9214-9> (access date: 02.04.2024).

7. Морхат П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

8. Bayamlioplu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality // Ankara Bar Review. 2008. No. 1. P. 46–54.

9. Атик А. А. Этические дилеммы современного информационного пространства // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 3А. С. 66–73.

10. Михель Гофман 2. Виртуальный человек // Проза.ру : рос. лит. портал. Свидетельство о публикации №219050400054. URL: <https://proza.ru/2019/05/04/54> (дата обращения: 04.05.2024).

11. Сайкина Г. К. Поколение Z: цифровой суперинтеллект или цифровое слабоумие? // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего : VII Садыковские чтения : материалы Междунар. науч.-образоват. конф. (Казань, 15-16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой [и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 194–202.

12. Симада М. Способен ли искусственный интеллект заменить человека? // СПбГУ : офиц. сайт. Дата размещения: 17.05.2017. URL:

<https://spbu.ru/news-events/novosti/masahiko-simada-sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-cheloveka>. (дата обращения: 04.03.2024).

References

1. UNESCO ob informatsionnom obshchestve: osnovnyye dokumenty i materialy [UNESCO's Basic Texts on the Information Society]. Saint Petersburg, RNB Publ, 2004. 120 p. [In Russian]
2. Kiseleva L. S. Khay-kh'yum tekhnologii v obshchestve budushchego: sushchnost' i naznacheniyе [Hi-Hume Technologies In Future Society: Essence and Purpose]. «Obshchestvo 5.0»: paradoksy tsifrovogo budushchego: VII Sadykovskiye chteniya: materialy Mezhdunar. nauch.-obrazovat. konf. (Kazan', 15-16 noyabrya 2019 g.) ["Society 5.0": The paradoxes of the digital future. VII Sadykov's readings: materials of the International Conference (Kazan, November 15–16, 2019)], eds G. K. Gizatova, O. G. Ivanova, A. R. Karimov et al. Kazan: Kazan University Press, 2019. Pp. 94–101. [In Russian]
3. Habuka H. 2023 Podkhod Yaponii k regulirovaniyu iskusstvennogo intellekta i yego vliyaniye na predsedatel'stvo v G7 v 2023 godu/Japan's Approach to AI Regulation and Its Impact on the 2023 G7 Presidency, CSIS. Artificial Intelligence of the Russian Federation. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_podhod_yaponii_k_regulirovaniyu_iskusstvennogo_intellekta_i_ego_vliyaniye_na_predsedatelystvo_v_g7_v_2023_godu_japan_s_approach_to_ai_regulation_and_its_impact_on_the_2023_g7_presidency_csis/ (accessed: 26.02.2024).
4. Arbuzova A. Zachem gorodskiye vlasti Tokio vnedryat ChatGPT v rabotu chinovnikov? [Why will Tokyo city authorities introduce ChatGPT into the work of officials?] RBK Trendy. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/648877bb9a79474a5fa45221?from=copy> (accessed: 26.02.2024). [In Russian]
5. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html (accessed: 02.04.2024).
6. Bryson J. J., Diamantis M. E., Grant T. D. Of, For, and By the People: The Legal Lacuna of Synthetic Persons. Artificial Intelligence and Law. 2017. Vol. 25. Pp. 273–291. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10506-017-9214-9> (accessed: 02.04.2024).
7. Morkhat P. M. Yunit iskusstvennogo intellekta kak elektronnoye litso [Artificial intelligence unit as electronic personality]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence]. 2018. No. 2. Pp. 61-73 DOI: 10.18384/2310-6794-2018-2-61-73. [In Russian]
8. Bayamlorlu E. Intelligent Agents and Their Legal Status: An Essay on Artificial Intelligence and Personality. Ankara Bar Review. 2008. No. 1. Pp. 46–54.

9. Atik A. A. Eticheskiye dilemmy sovremennogo informatsionnogo prostranstva [Ethical dilemmas of the modern information space]. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. 2020. Vol. 9. No. 3A. Pp. 66–73. [In Russian]

10. Gofman M. Virtual'nyy chelovek [Virtual person]. Proza.ru. URL: <https://proza.ru/2019/05/04/54> (accessed: 21.05.2024) [In Russian]

11. Saykina G. K. Pokoleniye Z: tsifrovoy superintellekt ili tsifrovoye slaboumiye? [Generation Z: Digital Superintelligence Or Digital Dementia?]. «Obshchestvo 5.0»: paradoksy tsifrovogo budushchego: VII Sadykovskiy chteniye: materialy Mezhdunar. nauch.-obrazovat. konf. (Kazan', 15-16 noyabrya 2019 g.) [“Society 5.0”: The paradoxes of the digital future. VII Sadykov’s readings: materials of the International Conference (Kazan, November 15–16, 2019)], eds G. K. Gizatova, O. G. Ivanova, A. R. Karimov et al. Kazan: Kazan University Press, 2019. Pp. 194–202. [In Russian]

12. Shimada M. Sposoben li iskusstvennyy intellekt zamenit' cheloveka? [Is artificial intelligence capable of replacing humans?]. SPbGU. Publication date: 17.05.2017. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/masahiko-simada-sposoben-li-iskusstvennyy-intellekt-zamenit-cheloveka> (accessed: 13.05.2024) [In Russian]

Статья поступила в редакцию 21.05.2024

Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 21.05.2024

The article is approved for publication 24.06.2024

Г. В. Валеева

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ЦИФРОВОЙ ИМИДЖ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Цель статьи заключается в выявлении сущности и значения цифрового имиджа преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования. Новизна исследования заключается в том, что на основании анализа содержания и назначения цифрового имиджа, определены целесообразность его формирования и роль в цифровом университетском образовании. Показано, что цифровой имидж преподавателя высшей школы, заключающий как традиционные компоненты профессионального имиджа, так и специфические, обусловленные изменением характера образовательной среды, является одним из ключевых аспектов эффективного цифрового университетского образования. С одной стороны, качественно сформированный цифровой имидж способствует формированию положительной репутации преподавателя и как следствие успешной и результативной реализации профессиональной деятельности в цифровой образовательной среде. С другой стороны, позволяет сохранить и повысить ценность профессии в условиях цифровизации общества и привлечь заинтересованных лиц к взаимодействию с университетом. Автор отмечает, что позитивный цифровой имидж преподавателя – это вклад в развитие новой образовательной среды и цифрового образования, в связи с чем, предлагает рекомендации по его формированию.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, высшее образование, университет, преподаватель, цифровой имидж, репутация, профессиональная этика, цифровой этикет, цифровая культура.

G. V. Valeeva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

THE DIGITAL IMAGE OF A TEACHER IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION

The purpose of the article is to identify the essence and significance of the digital image of a teacher in the context of the digital transformation of higher education. The novelty of the study lies in the fact that based on the analysis of the content and purpose of the digital image, the feasibility of its formation and role in digital university education are determined. The paper shows that the digital image of a higher school teacher, which includes both traditional components of a professional image and specific ones caused by changes in the nature of the educational environment, is one of the key aspects of effective digital university education. On the one hand, a well-formed digital image contributes to the formation of a positive reputation of a teacher and, as a result, the successful and effective implementation of professional activities in the digital educational environment. On the other hand, it allows preserving and increasing the value of the profession in the context of digitalization of society and attract interested parties to interact with the university. The author notes that the positive digital image of a teacher is a contribution to the development of a new educational environment and digital education, and therefore offers recommendations for its formation.

Keywords: digitalization, digital transformation, higher education, university, teacher, digital image, reputation, professional ethics, digital etiquette, digital culture.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-65-74

Актуальность исследования. В настоящее время, цифровизация предстает трендом современного общества, вызванным масштабным внедрением цифровых технологий и искусственного интеллекта практически во все его сферы, в том числе и систему высшего образования. В связи с этим, образовательный процесс современного университета находится в процессе глубокой цифровой трансформации, которая представляет собой «не только и не столько создание электронной инфраструктуры, оснащение аудиторий компьютерами, интерактивными досками, подключенными к высокоскоростному Интернету, или обеспечение цифровыми сервисами – это формирование и распространение новых моделей функционирования образовательной организации» [5], а так же развитие цифровой образовательной среды и цифрового образования. В этом контексте претерпевает изменения и профессиональный имидж преподавателя высшей школы – ключевого актора цифрового образования, который в условиях цифровой среды влияет на обучение будущих специалистов не только через содержание преподаваемого предмета при помощи потенциала digital-технологий, но и благодаря личностно-профессиональным качествам, online-образу/поведению/коммуницированию. То есть речь идет о формировании цифрового имиджа преподавателя, как одного из наиболее значимых аспектов эффективного цифрового образования и повышения престижа профессии в целом [10].

Цель исследования заключается в выявлении сущности и значения цифрового имиджа преподавателя в контексте цифровой трансформации высшего образования.

Реализация поставленной цели требует решения следующих задач:

- рассмотреть определение понятий «имидж», «имидж преподавателя», «цифровой имидж», «цифровой имидж преподавателя»;
- раскрыть содержание и назначение цифрового имиджа преподавателя;
- показать целесообразность формирования цифрового имиджа современного преподавателя и его роль в цифровом университетском образовании;
- предложить рекомендации по формированию позитивного цифрового имиджа современного преподавателя.

Методология исследования. Основными методами выступают: анализ и синтез современных исследований по заявленной проблеме; системный и диалектический методы (определены целью и задачами исследования проблемы формирования цифрового имиджа преподавателя в условиях цифровой трансформации высшего образования).

Согласно Новейшему философскому словарю, имидж – это «целостный, качественно определенный образ данного объекта, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и/или индивидуальном сознании» [7]. Имидж как образ, с одной стороны, является «продуктом сознательной работы

человека над своей внешностью, манерами, речью, а также справочной информацией о себе в любых источниках, преследующей цель произвести положительное впечатление на окружающих» [3, с. 132]. Работу над образом можно рассматривать как создание некой модели, которая отражает человека, однако она не всегда будет являться точной копией его реальной сущности. «В том случае, если позитивный имидж, формируемый личностью, постоянно подкрепляется ее поступками, можно сказать, что выстраивается «личный бренд», свидетельствующий о высокой квалификации и профессионализме этого человека... С другой стороны, «имидж» – это как раз то, что остается в памяти людей при упоминании человека, его трудов и поступков. Эти сохранившиеся в памяти впечатления формируют положительное или отрицательное отношение к человеку, поэтому в данном значении исследуемое понятие более всего соответствует «образу»...» [3, с. 132]. Отсюда следует, что имидж – это созданный человеком образ, который он использует для того, чтобы оставить положительное мнение о себе и стать узнаваемым. Вместе с тем, образ не всегда отражает истинную сущность человека и часто формируется на основе впечатлений, сложившихся у других людей.

Имидж преподавателя высшей школы, в широком смысле, это образ, который создается им в процессе взаимодействия с обучающимися, коллегами и руководством, учебным контентом и образовательными технологиями с целью формирования положительного мнения или репутации. Отметим, что понятия «имидж» и «репутация» имеют сходное значение, поскольку, как отмечают исследователи, имеют единый информационный контекст. Однако, их различие весьма очевидно, поскольку ключевым в определении понятия «имидж» является «образ», тогда как понятие «репутация» определяет «мнение» или «оценка». «Образно говоря, имидж – это маска, репутация – то, что скрывается за ней. Именно поэтому имидж и репутация призваны дополнять и усиливать друг друга, и не противоречить друг другу» [4, с. 246]. Имидж – формирование образа, репутация – сложившееся на основе созданного человеком образа мнение о нем. Имидж преподавателя и его репутация взаимосвязаны и могут влиять друг на друга. Репутация складывается на основе реальных достижений преподавателя в своей профессии, тогда как имидж служит средством акцентирования на отдельные аспекты его профессионализма и инструментом привлечения внимания к определенным личностно-профессиональным качествам. Тот образ, который создает преподаватель, вполне может помочь ему сформировать положительное мнение о своей компетентности и профессиональной подготовке. Поэтому, осознавая взаимосвязь между репутацией и имиджем, преподаватель должен стремиться к соответствию своих профессиональных достижений с теми качествами, которые он представляет в имидже. Это подразумевает поддержание высокого уровня профессионализма, развитие компетенций и стремление к повышению качества своей работы, а так же наличие «аудиовизуальной культуры, т. е. внешний облик, дресс-код, манеру держаться, коммуникативные способности, причем как вербальные, так и невербальные; стилия поведения, системы духовных

ценностей, а также различных атрибутов, поддерживающих создаваемое впечатление» [3, с. 134].

Изменение характера образовательной среды университета, внедрение современных цифровых технологий в учебный процесс и развитие цифрового образования способствует преобразованию функций преподавателя, реализующего свою деятельность в цифровом пространстве. В условиях цифровой трансформации высшего образования «преподавателю вуза необходимо находиться не только в состоянии перманентного обновления цифровых ИКТ-компетенций, но и уметь адекватно самопредъявлять свое индивидуальное и профессиональное «я» имиджевой аудитории, заниматься самопродвижением своих научных и профессиональных идей и достижений, создавать позитивный, влиятельный имидж в цифровой среде» [8, с. 225]. Поэтому формирование цифрового имиджа является необходимым, как для повышения эффективного взаимодействия между преподавателем и студентами в контексте цифрового обучения, так и престижа профессии преподавателя высшей школы, в особенности на фоне влияния процесса цифровизации, как на общественную жизнь, так и систему высшего образования. На наш взгляд, игнорирование преподавателем создания цифрового образа, может привести к риску утраты личностного контакта участников образовательного процесса, и как следствие к разрушению образовательного взаимодействия, что может негативным образом сказаться на процессе обучения, а так же к нивелированию ценности профессии преподавателя, которого вполне может заменить искусственный интеллект, лишенный моральной рефлексии.

Цифровой имидж – это цифровой образ, созданный человеком при помощи цифровых технологий и/или в цифровой среде. Он состоит из персональных страниц в социальных сетях, интернет-сообществ, пабликов, блогов, цифрового информационного контента о личности человека и формируется с целью привлечения эстетического и профессионального внимания; повышения конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности; манипуляции сознанием, эмоциями и поведением общества [2]. То есть, можно заключить, что в цифровой среде возникает некая «модель цифрового двойника, «облачное бытие» которого можно считать эквивалентом иррациональных глубин человеческой персоны» [6, с. 142].

Цифровой имидж преподавателя высшей школы, с одной стороны, можно рассматривать так же – цифровой образ, который создается при помощи цифровых технологий в цифровой образовательной среде, т.е. модель цифрового двойника. Однако, с другой стороны, учитывая то, что именно созданный преподавателем облик имеет возможность качественно влиять на студенческую аудиторию и процесс обучения, цифровой имидж можно рассматривать как «новую форму влияния личности педагога на обучающихся в электронной среде посредством самопрезентации и самоактуализации» [3, с. 130]. Вместе с тем, исследователи отмечают: «Более глубокое осмысление понятия позволяет... изучать цифровой имидж преподавателя в качестве полноценного продукта, объекта управления, коммуникативного конструкта знаковосимволической природы, используемого для воздействия на целевые

сегменты посредством публичного капитала, фактора капитализации и усиления конкурентных преимуществ преподавателя на рынке образовательных услуг» [9, с. 616]. Как видим, цифровой имидж является закономерным отражением процессов, происходящих с личностью преподавателя университета в условиях цифровой трансформации высшего образования и появления цифровой образовательной среды.

Цифровой образ преподавателя, с одной стороны, «сохраняет традиционные компоненты профессионального имиджа, обусловленные характером и содержанием педагогической деятельности: профессионализм...; практическая направленность занятия; этика и культура, нравственность; коммуникативные характеристики (доброжелательность, чувство юмора); способность к саморегуляции» [8, с. 225-226]. С другой стороны, включает специфические составляющие, которые связаны с реализацией профессиональной деятельности преподавателя в цифровой образовательной среде:

- информация личного и профессионального характера, размещенная преподавателем и/или образовательной организацией на цифровых ресурсах (персональная страница в социальных сетях, сайт университета и т.п.), позволяет идентифицировать его квалификацию и компетентность, а так же демонстрирует открытость и доступность взаимодействия со студентами;

- публикации, исследования, учебные и методические пособия преподавателя, размещенные в цифровых репозиториях, с целью презентации результатов его профессиональной и научной деятельности;

- цифровой образовательный контент, разработанный преподавателями представленный на электронных платформах онлайн-курсов, виртуальной обучающей среды Moodle, системы тестирования INDIGO и т.п., указывает на умение использовать цифровые технологии и размещать учебные материалы в цифровой среде;

- взаимодействие в цифровой образовательной среде с учетом «особенности функционирования нравственных правил, опосредованных «цифрой», которые являются отражением и продолжением нравственных отношений в реальности» [1, с. 113].

Таким образом, цифровой имидж, представляющий «концентрированный контент, содержащий самостоятельно отобранную педагогом информацию... научные разработки, размещаемые в электронном пространстве... в целях самоактуализации и повышения узнаваемости...» [3, с. 135], позволяет преподавателю:

- во-первых, самопрезентовать профессиональные достижения и личностные качества в цифровой образовательной среде, создавая при этом положительное мнение о себе и формируя свою репутацию в научно-образовательном сообществе;

- во-вторых, успешно коммуницировать с обучающимися, что способствует успешному и результативному обучению в условиях цифровой трансформации высшего образования, поскольку «важным содержательным

аспектом коммуникационной деятельности преподавателя в цифровой среде является его умение придать личностную окраску процессу преподавания, способность транслировать личностные ценности, гибкость и мобильность в решении проблем» [8, с. 226-227];

- в-третьих, укреплять ценность профессии в современном социуме: умение использовать инновационные технологии, разрабатывать цифровой учебный контент, обеспечивать образовательное взаимодействие в цифровой среде содействует не только эффективному цифровому образованию, но и поддержанию высокого статуса преподавателя университета и конкурентоспособности высшего образования в контексте становления цифрового общества;

- в-четвертых, предупреждать возможные конфликтные ситуации в цифровом образовательном пространстве, благодаря владению правилами цифрового этикета и культуры поведения в цифровой среде [1].

На основании выше сказанного, можно заключить, что целесообразность формирования цифрового имиджа весьма очевидна, поскольку образ, созданный преподавателем при помощи цифровых технологий, является необходимым элементом успешной реализации профессиональной и научной деятельности в цифровой среде, повышает узнаваемость и авторитет среди студенческой аудитории и коллег, позволяет привлекать внимание стейкхолдеров [Комм. 1] к взаимодействию с университетом. Поэтому, качественно созданный цифровой имидж, является одним из ключевых аспектов эффективного цифрового университетского образования.

Отметим, что создание позитивного цифрового имиджа преподавателя предполагает «педагогическую рефлексию, оценку собственного труда и поиск путей для самоактуализации и самосовершенствования» [3, с. 136], что находит свое отражение в следующих положениях:

- предоставление актуальной и достоверной информации о своих научных и профессиональных достижениях (например, размещение сведений о преподавателе на сайте образовательной организации);

- активное ведение социальных страниц, блогов, сообществ, позволяющее установить онлайн-коммуникации со студенческой аудиторией и коллегами в условиях цифровой образовательной среды, предполагает оформление персональной страницы и общение согласно статусу преподавателя (соблюдение приватности личных данных, тайны переписки, норм профессиональной этики);

- публикация научных исследований и разработок требует соблюдения норм академической этики (авторское право, интеллектуальная собственность, патенты), особенно в связи с актуализацией чат-ботов и нейросетей на основе искусственного интеллекта, способных решать любые задачи и генерировать тексты;

- повышение цифровой компетентности, с целью уверенного использования цифровых технологий и платформ в процессе обучения будущих специалистов. В контексте цифровой трансформации, преподаватель предстает не только носителем знаний, но и тьютором цифрового образования,

который помогает студентам развивать способности к самообразованию и самообучению. Поэтому, владение на высоком уровне современными технологиями позволяет создавать необходимые условия для активного и самостоятельного поиска информации и практического применения, полученных студентами знаний, что делает преподавателя фасилитатором [Комм. 2] и поднимает его авторитет в глазах студентов. Кроме того, цифровой образовательный контент, разработанный преподавателем при помощи «цифры», является свидетельством его профессионализма и культуры, что позволяет повысить ценность профессии в контексте цифровизации общества;

- соблюдение правил цифрового этикета и цифровой культуры, которые сформированы благодаря интерактивным формам цифрового образования и способствуют «эффективному взаимодействию преподавателей и студентов, что отражается на успешном освоении учебной программы в формате online» [1, с. 104].

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие **выводы**:

1) цифровая трансформация, следствием которой является появление цифровой образовательной среды и развитие цифрового образования, обуславливает формирование цифрового имиджа преподавателя, который можно рассматривать как: созданный образ при помощи инновационных технологий; форма воздействия на студенческую аудиторию; фактор повышения статуса профессии и привлечения заинтересованных лиц к сегменту высшего образования в условиях цифровизации общества;

2) цифровой имидж содержит как традиционные компоненты профессионального имиджа преподавателя высшей школы, так и специфические составляющие, связанные с изменением характера образовательной среды: активное ведение социальных сетей; размещенные в цифровых репозиториях научные исследования; качественно разработанный цифровой образовательный контент, представленный на электронных платформах; взаимодействие в цифровой среде с учетом нравственных правил, опосредованных «цифрой»;

3) качественно созданный цифровой имидж преподавателя способствует: формированию положительной репутации в научно-образовательном сообществе; успешному и результативному онлайн-обучению; предупреждению возможных конфликтов в цифровой образовательной среде, благодаря соблюдению правил цифрового этикета и норм профессиональной этики; укреплению ценности профессии в современном обществе и привлечению стейкхолдеров к взаимодействию с образовательной организацией;

4) целесообразность формирования цифрового имиджа является очевидной, поскольку созданный при помощи инновационных технологий образ преподавателя высшей школы – это вклад в развитие качественно новой образовательной среды и цифрового университетского образования;

5) предложенные рекомендации по формированию позитивного цифрового имиджа современного преподавателя заключаются в следующих

положениях: предоставление актуальной и достоверной информации о научных и профессиональных достижениях; оформление и общение в персональных аккаунтах в соответствии со статусом преподавателя; публикационная активность и разработка цифрового образовательного контента с соблюдением академической этики; повышение цифровой грамотности (овладение навыками использования цифровых технологий); соблюдение правил цифрового этикета и цифровой культуры, что требует кодификации норм и правил поведения в цифровой образовательной среде.

Комментарии

1) Стейкхолдер (stakeholder) – это лицо (физическое или юридическое), которое имеет интересы относительно проекта или организации или влияет на проект или организацию. URL: <https://skillbox.ru/media/management/kto-takie-steykholdery-i-kak-upravlyat-otnosheniyami-s-nimi/> (дата обращения: 15.01.2024)

2) Фасилитатор – человек, который организует, направляет и курирует дискуссию так, чтобы каждый чувствовал себя комфортно и был услышан. URL: <https://skillbox.ru/media/growth/facilitation/> (дата обращения: 15.01.2024)

Литература

1. Валеева Г. В. Цифровой этикет в виртуальном образовательном пространстве университета // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. Вып. 3 (43). С. 104–115. URL: [https://tspu.ru/fb/hum/2022/№3\(43\)_2022/104/index.html](https://tspu.ru/fb/hum/2022/№3(43)_2022/104/index.html) (дата обращения: 15.04.2024).

2. Задорова К. А. Цифровой имидж как инструмент цифровой самопрезентации личности // Постулат. 2021. № 1 (63). Ст. 11. URL: <https://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/viewFile/3436/3487> (дата обращения: 15.04.2024).

3. Исаева Т. Е. Цифровой имидж преподавателя высшей школы: теоретическое обоснование целесообразности создания // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 7. С. 130–138.

4. Коньков А. Т., Сарбаа Л. Н. Соотношение понятий «репутация», «имидж», «бренд», «паблисити» // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 10. С. 244–250.

5. Крутова И. А., Крутова О. В. Цифровая трансформация университета: риски и перспективы // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 2. С. 170–174.

6. Назаров В. Н. Цифровой двойник как субъект информационной этики // Этическая мысль. 2020. Т. 20, № 1. С. 142–154.

7. Матюшевская П. А., Ефимова Н. В., Маевская Е. В. Имидж // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. Электрон. версия печ. публ. URL:

<http://ponjatija.ru/node/7328> (дата обращения: 15.04.2024). Доступна на сайте Понятия и категории.

8. Сысоева Е. Ю. Функции цифрового имиджа преподавателя // Образование в современном мире: риски и перспективы цифровизации : сб. научн. тр. Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием (Самара, 27 февр. 2023 г.) / отв. ред. Т. И. Руднева. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2023. С. 225–230.

9. Тимохина Г. С., Попова О. И., Изакова Н. Б. Моделирование цифрового имиджа преподавателя вуза // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 4. С. 613–636.

10. Burakanova G. M., Maimakova A. A., Tsaregorodtseva S. S. Influence of a university teacher virtual image on the students' morality character // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 113: International Scientific and Practical Conference «Professionalism of a Teacher: Psychological and Pedagogical Support for a Successful Career (ICTP 2021). № 00023. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00023/shsconf_ictp2021_00023.html. Published online: 25.06.2021.

References

1. Valeeva G. V. Tsifrovoy etiket v virtual'nom obrazovatel'nom prostranstve universiteta [Digital etiquette in the virtual educational space of the university]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2022. No 3 (43). Pp. 104–115. URL: [https://tsput.ru/fb/hum/2022/№3\(43\)_2022/104/index.html](https://tsput.ru/fb/hum/2022/№3(43)_2022/104/index.html) (accessed: 15.04.2024). [In Russian]

2. Zadorova K. A. Tsifrovoy imidzh kak instrument tsifrovoy samoprezentatsii lichnosti [Digital image as a tool for digital self-presentation of personality]. *Postulat*. 2021. No 1 (63). Article 11. URL: <https://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/viewFile/3436/3487> (accessed: 15.04.2024). [In Russian]

3. Isaeva T. E. Tsifrovoy imidzh prepodavatelya vysshey shkoly: teoreticheskoye obosnovaniye tselesoobraznosti sozdaniya [Digital Image of a University Teacher: a Theoretical Justification for the Feasibility of Creating]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 2022. No 7. P. 130–138. [In Russian]

4. Konkov A. T., Sarbaa L. N. Sootnosheniye ponyatiy «reputatsiya», «imidzh», «brend», «pablisiti» [Relationship Between the Concepts of "Reputation", "Image", "Brand", and "Publicity"]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 2020. No 10. Pp. 244–250. [In Russian]

5. Krutova I. A., Krutova O. V. Tsifrovaya transformatsiya universiteta: riski i perspektivy [University Digital Transformation: Hazards and Prospects]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii*. 2021. No 2. Pp. 170–174. [In Russian]

6. Nazarov V. N. Tsifrovoy dvoynik kak sub'yekt informatsionnoy etiki [Digital Twin as Subject of Information Ethics]. *Eticheskaya mysl*. 2020. Vol. 20, No 1. Pp. 142–154. [In Russian]

7. Matyushevskaya P. A., Efimova N. V., Maevskaya E. V. Imidzh [Image]. *Noveyshiy filosofskiy slovar*, ed. by A. A. Gritsanov. Minsk, Izd. V. M. Skakun Publ. 1998. URL: <http://ponjatija.ru/node/7328> (accessed: 15.04.2024). [In Russian]
8. Sysoeva E. Yu. Funktsii tsifrovogo imidzha prepodavatelya [Functions of the digital image of a teacher]. *Obrazovaniye v sovremennom mire: riski i perspektivy tsifrovizatsii : sb. nauchn. tr. Vseros. nauch.-metod. konf. s mezhdunar. uchastiyem (Samara, 27 fevr. 2023 g.)*, ed. by T. I. Rudneva. Samara, Izd-vo Samar. un-ta Publ. 2023. Pp. 225–230. [In Russian]
9. Timokhina G. S., Popova O. I., Izakova N. B. Modelirovaniye tsifrovogo imidzha prepodavatelya vuza [Modeling University Faculty Member's Digital Image]. *Integratsiya obrazovaniya*. 2022. Vol. 26, No 4. Pp. 613–636. [In Russian]
10. Burakanova G. M., Maimakova A. A., Tsaregorodtseva S. S. Influence of a university teacher virtual image on the students' morality character. *SHS Web of Conferences*. 2021. Vol. 113: *International Scientific and Practical Conference «Professionalism of a Teacher: Psychological and Pedagogical Support for a Successful Career (ICTP 2021)»*. No. 00023. Published online: 25.06.2021. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/24/shsconf_ictp2021_00023/shsconf_ictp2021_00023.html. (accessed: 15.04.2024).

*Статья поступила в редакцию 05.06.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024*

*The article was received by the editorial staff 05.06.2024
The article is approved for publication 24.06.2024*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 220-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ХОМЯКОВА

А. В. Слобожанин

*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

КРУГЛЫЙ СТОЛ «УСАДЬБЫ ТУЛЬСКОГО КРАЯ»

A. V. Slobozhanin

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

THE ROUND TABLE "ESTATES OF THE TULA REGION"

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-75-77

Традиция проведения научных мероприятий, посвященных памяти великого русского философа, религиоведа, богослова и поэта Алексея Степановича Хомякова на Тульской земле, имеет уже почти тридцатилетнюю историю. Как правило, они были приурочены либо к дате рождения великого славянофила (13 мая по н. с.), либо к дате его кончины (5 октября по н. с.).

Особого внимания заслуживают «Хомяковские чтения», которые регулярно проводились на базе Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. Инициатором этих мероприятий стали кафедра философии и культурологии и кафедра религиоведения и теологии ТГПУ им. Л. Н. Толстого (в дальнейшем, кафедре религиоведения и теологии было присвоено имя А. С. Хомякова).

Они не только осуществлялись при поддержке грантов различного уровня, но и вызывали интерес у виднейших исследователей русской философии и культуры, таких как С. И. Хоружий, В. Н. Назаров, Е. Д. Мелешко, В. И. Холодный, В. Н. Катасонов, В. П. Океанский и др., в том числе и иностранных (Коваццо Антонелла). Основное содержание этих чтений составляли исследования в области богословия, философии и поэзии А. С. Хомякова.

Эта тематика нашла отражение в содержании самих «Хомяковских чтений», и в разделах сборников, таких как, например, «Духовное наследие А. С. Хомякова: теология, философия, этика» (юбилейная конференция 2003 года) или «Хомяковские чтения: материалы конференций 1994-2003 гг.».

Различные мероприятия были организованы в самой усадьбе А. С. Хомякова. Существовала практика приобщения школьников и студентов к исследованиям личности и творчества Алексея Степановича в образовательном

процессе и внеурочной деятельности. Особая роль здесь принадлежала школе в поселке Обидимо Тульской области.

Вышеуказанные даты рождения и смерти А. С. Хомякова и в дальнейшем, так или иначе, отмечались различными событиями в культурной жизни региона.

Так, в 2024 году основные торжества, посвященные 220-летию со дня рождения А. С. Хомякова, проходили на территории музея-усадьбы А. С. Хомякова в поселке Богучарово Тульской области в рамках общероссийского празднования Дня славянской письменности и культуры.

Праздник предполагал проведение мероприятий различного характера: богослужение, концерт духовной музыки, бесплатные экскурсии по музею. Завершилось празднование выступлением хоров различных музыкальных образовательных организаций региона.

Традиционно были представлены и научные исследования в области изучения как жизни и творчества самого А. С. Хомякова, так и иных культурных деятелей, имеющих непосредственное отношение к Тульскому краю. В этом году форматом выступления стал круглый стол, общей тематикой которого стали инновационные способы изучения и сохранения усадеб Тульского края. Установлена необходимость включения знакомства с усадебным этосом в рамках образовательной, воспитательной и туристической деятельности.

Непосредственным организатором круглого стола выступили Министерство культуры Тульской области и ГУК ТО «Тульское музейное объединение».

Перед началом обсуждения с приветственным словом выступила министр культуры Тульской области Т. В. Рыбкина. Она выделила ряд проблем преимущественно правового и экономического характера, стоящих перед Правительством Тульской области: правовой статус зданий и территорий усадеб, посторонняя деятельность физических и юридических лиц на территориях музеев, соотношение федерального и регионального финансирования, привлечение средств бизнеса для поддержания усадеб. В заключении она остановилась на существующих трудностях в музее-усадьбе А. С. Хомякова (расселение жителей, включение дополнительных зданий в состав музея).

В работе круглого стола приняли участие представители вузов региона (Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, Тульского государственного университета), директора музеев, работники библиотечной системы области, а так же некоторых некоммерческих организаций: «Общества изучения культурного наследия Тульского региона», «Тульской региональной общественной организации сохранения исторического наследия «Хомяковское общество»». Модераторами круглого стола были д.пед.н., доцент, ученый секретарь ГУК ТО «Тульское музейное объединение» Райхлина Е. Л. и заслуженный деятель культуры РФ, директор ГУК ТО «Региональный библиотечно-информационный комплекс» Иванова Ю. В.

Тематика обсуждений была достаточно разнообразна: от философских и культурологических аспектов усадебного быта до отражения изменений статуса усадеб в советских газетах. Особый интерес вызвало обсуждение программ не только технической оцифровки усадебных предметов, но и системной деятельности по использованию данных результатов в концептуальном оформлении сайтов музеев, в дальнейшем и созданию виртуального путеводителя по усадьбам региона.

По окончании работы круглого стола было принято постановление о необходимости консолидации различных организаций в области сохранения и реконструкции усадьбы А. С. Хомякова и активного использования музеев-усадьб региона в процессе воспитательной деятельности, приобщения молодежи к традиционным духовно-нравственным и культурным ценностям русской культуры.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ АСПИРАНТОВ И СОИСКАТЕЛЕЙ

А. А. Арефьев

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РИСКОВ ВНЕДРЕНИЯ НЕЙРОКОМПЬЮТЕРНЫХ ИНТЕРФЕЙСОВ

Целью статьи является философско-антропологический анализ рисков и возможных последствий распространения интерфейсов мозг-компьютер. Выход технологий за пределы медицинского применения цифровых имплантатов в коммерческое пространство усовершенствования человека привёл к появлению первых киборгов. Принципиальное отличие нейрокомпьютерных интерфейсов от роботизированных протезов состоит в возможности прямой связи с цифровыми устройствами, которое обеспечивается вживлением чипа в мозг человека. На текущем этапе развития данная технология ещё не получила массового распространения, однако, учитывая перспективы когнитивного усиления, расширения чувственного восприятия окружающего мира и возможности управления внешними устройствами с помощью сигналов мозга, вероятность широкого внедрения нейрокомпьютерных интерфейсов уже всерьёз рассматривается в рамках философских и научных дискуссий. **Новизна** работы состоит в рассмотрении актуальных идей кибер-феноменологии в рамках трансгуманистического дискурса. Различные подходы к интерпретации новых типов субъективности, возникающих в результате конвергенции человека и машины, включают, в том числе, проект «роевого интеллекта» в Интернете Вещей и перспективу частичной интериоризации человеком машинных установок. **В результате** нашего исследования мы пришли к выводу о существовании экзистенциальных рисков для человеческой субъективности, связанных со всё возрастающим делегированием задач цифровым машинам. Постоянное взаимодействие с компьютерами и алгоритмами способно привести к «мимикрии» мозга и сознания под логику машин, изменению самого способа хранения и обработки информации, а также к деградации способностей и эмоций, определяющих нашу человечность.

Ключевые слова: интерфейс мозг-компьютер, усовершенствование человека, эмуляция всего мозга, человек, кибер-феноменология, философская антропология, киборг, сознание.

A. A. Arefev

*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)*

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF RISKS RELATED TO IMPLEMENTATION OF BRAIN-COMPUTER INTERFACES

The purpose of the article is to analyze risks and possible consequences of spread of brain-computer interfaces in terms of philosophical Anthropology. As microchip implantation technologies had gone beyond the limit of medical use into the commercial field of human enhancement, the first cyborgs emerged. The core difference between brain-computer interfaces and robotic prosthesis consists in direct connection between brain and devices, achieved by implanting of a chip. At the current stage of development, the technology isn't used widespread, however, perspectives of cognitive enhancement and augmentation of perception along with the possibility of controlling external devices via brain signals, the probability of expanding application of brain-computer interfaces is already actively argued in philosophical and scientific discussions. **The novelty** of the article lies in the consideration of relevant cyber-phenomenological ideas of the transhumanist narrative. Different approaches to interpretation of new types of subjectivity emerging as a result of human-machine convergence include, among others, the project of swarm intelligence in the Internet of Things and the perspective of partial interiorisation of machine setups. **As a result**, we have come to conclusion of the presence of existential risks for human subjectivity caused by ever-growing delegation of tasks to machines. Our constant interaction with computers and algorithms can make our brain and mind mimic the logic of machines, change the very way of storing and proceeding information, and lead to degradation of our human emotions and capacities.

Keywords: brain-computer interface, human enhancement, whole brain emulation, human, cyber-phenomenology, philosophical anthropology, cyborg, consciousness.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-78-91

Актуальность исследования. В современную эпоху NBIC-конвергенции мы наблюдаем два параллельно протекающих процесса, отражающих рискогенный потенциал научных исследований мозга и психики человека. Во-первых, расширение границ инвазивного воздействия на мозг – прежде всего при имплантации интерфейсов мозг-компьютер. Причиной указанного расширения являются успехи, которых достигли нейрофизиологи совместно с инженерами по робототехнике в области восстановления двигательной активности парализованных и инвалидов. Несмотря на благородные цели учёных, амбивалентность возможного применения любой технологии определяет наличие рисков и в случае интерфейсов мозг-компьютер. Во-вторых – процесс мистификации реального потенциала современных технологий, или продажа утопий. Некоторые исследователи, поддерживающие инициативы трансгуманизма, утверждают, что в будущем человеческий разум будет полностью оцифрован и получит независимость от биологического носителя. Необходимость философского осмысления указанных процессов определяет актуальность нашего исследования.

Целью статьи является философско-антропологический анализ рисков и возможных последствий распространения интерфейсов мозг-компьютер.

Реализация поставленной цели потребовала решения следующих исследовательских задач:

- выделить научные аргументы, доказывающие невозможность технологии эмуляции всего мозга;
- проанализировать основные идеи кибер-феноменологии;
- выявить риски применения нейрокомпьютерных интерфейсов для субъективности человека.

Идея уподобления работы мозга компьютеру, возникшая вслед за открытиями А. Тьюринга, на протяжении XX оставалась в рамках научной

фантастики. Важно отметить, что сам учёный называл компьютером человека, обладающего возможностью выбора способа решения задачи, в то время как вычислительная машина строго выполняет алгоритм. Победы компьютеров сначала над чемпионом мира по шахматам, и в нашем столетии – по го, впечатлили многих скептиков, особенно в случае с китайской игрой, где фигуры равны по ценности, а число всех возможных комбинаций не позволяет машине найти оптимальный ход методом перебора за разумное время. Большие лингвистические модели, обученные нейросетями, продемонстрировали возможность имитации сознательного общения с человеком и послужили поводом для трансгуманистов ожидать достижение сингулярности ИИ в ближайшие десятилетия [4, с. 10]. В нашем столетии прорывы в области цифровых технологий оказали влияние не только на естественные науки, но и на философию и психологию. Когнитивный психолог Д. Хоффман сравнил взаимоотношения нашего чувственного восприятия и реальности со связью между программным интерфейсом и компьютером [10]; философ Д. Деннет предложил теорию, отрицающую реальность сознания, которое является лишь «иллюзией пользователя» в человеческом мозге [1].

Прогностические интуиции в области проблем цифрового разума содержатся в сборнике философских эссе под редакцией Д. Деннета и Д. Хофштадтера, изданном в 1982 году [9, с. 3–4]. Во введении к сборнику, Д. Деннет предлагает следующий мысленный эксперимент. Представьте, что вы – астронавт, чей корабль потерпел крушение на Марсе, и у вас нет возможности его починить. Единственный шанс вернуться на Землю – использовать устройство телепортации Телеклон, которое создаст вашу точную, до единой молекулы, копию. При этом ваше собственное тело будет уничтожено. Если ли вы пойдете на риск, то кто появится на другой стороне телепорта? Все тот же человек, или «брат-близнец»? Американский философ признавал, что не в состоянии дать однозначный ответ на этот вопрос. По мнению позднего Деннета, перспектива загрузки мозга на цифровой носитель, по сути, ставит перед нами идентичную проблему. Позиция иллюзионизма позволяла ему ограничиться повторением тезиса о том, что сознания не существует, как и души, следовательно, нет и поводов для опасений. С этической точки зрения данная позиция весьма опасна, поскольку может оправдать убийство человека, создавшего свою «резервную копию» – если между ними нет разницы, то «прототипом» можно пренебречь в процессе эксперимента.

Полная оцифровка и загрузка мозга на силиконовый носитель является одним из главных глобальных проектов трансгуманизма, пиковой точкой его устремлений и надежд на обретение бессмертия. В соответствии с задачами нашей статьи мы более подробно рассматриваем скептическую позицию по отношению к проблеме minduploading, чем оптимистичную позицию трансгуманистов. Очевидная заинтересованность IT-корпораций в проектах эмуляции мозга проявляется сегодня, в том числе, в финансировании ангажированных философских исследований в области искусственного интеллекта и виртуальной реальности. Для этих целей выбираются известные авторы со сложившейся репутацией в научном сообществе. Таков пример Д.

Чалмерса, в последней на данный момент монографии которого предпринимается попытка доказательства «подлинности» виртуальной реальности и поддерживается идея возможной оцифровки мозга. Утопические взгляды известных учёных-сторонников трансгуманизма, например, Р. Курцвейла или М. Каку, также связаны с корпоративным продвижением привлекательных образов будущего, однако их смелые предсказания, вероятно, не успеют проверить живущие сегодня поколения людей. Позиция одного из ведущих нейрофизиологов в мире, Мигеля Николелиса, отрицающая возможность эмуляции всего мозга на основе многолетнего опыта исследований, позволяет более четко разграничить фантастический форсайт-проект и реальные риски существующих технологий.

Рассмотрим сначала аргументы, высказываемые в поддержку возможности полной оцифровки процессов мозга и психики с последующим перенесением на небиологический носитель. «Это подход, известный как *эмуляция всего мозга* (wholebrainemulation, WBE) или *перенос психики* (minduploading), базируется на идее принципиальной возможности получения подробной информации о работе мозга. (...) В теории перенос психики может быть достигнут несколькими способами, но два метода на разных концах спектра заслуживают особого упоминания. Один потребует копирования нейронных структур целиком, другой – постепенной замены нейронов. При первом методе перенос психики будет достигнут путём сканирования и определения значимых структур мозга, затем копирования этой информации и сохранение её в компьютерной системе, которая использует её для выполнения эмуляции мозга. Вторым методом – постепенным. Оригинальный мозг продолжает работать, но его вычислительная поддержка постепенно будет заменена» [2, с. 344]. А. Сандберг и Н. Бостром полагают, что эмуляция всего мозга может быть успешно произведена на базе расширения существующих технологий: начав с создания моделей нервной системы червя *C. elegans* и других беспозвоночных, учёные постепенно применяют успешные методы к млекопитающим и человеку [7, с. 22]. Авторы выдвигают ряд предположений в защиту возможности эмуляции всего мозга, наиболее спорными из которых являются следующие: 1) мозговая активность может быть вычислена компьютером; невычислимые аспекты не являются функционально релевантными для поведения человека; 2) полное понимание работы мозга не требуется, достаточно «составных частей и их функционального взаимодействия» [7, с. 15]. Принимая во внимание существенные ограничения, накладываемые текущим уровнем вычислительных мощностей суперкомпьютеров, Бостром и Сандберг прогнозируют выполнимость задачи эмуляции всего мозга до середины текущего столетия, при условии, что электрофизиологические модели нейронной активности окажутся достаточно эффективными.

Далее мы рассмотрим контраргументы М. Николелиса, которые, как нам представляется, убедительно доказывают несостоятельность и утопичность исходных посылок возможности технологии wholebrainemulation (WBE). Бразильский нейрофизиолог выделяет три основных аргумента против

эмуляции мозга компьютером: эволюционный, математический и вычислительный [12, с. 110].

Суть эволюционного аргумента заключается в принципиальном различии процессов естественного отбора и вычислительных процессов компьютера. Наличие случайных и необратимых событий в эволюционной цепочке делает невозможным воссоздание первичного замысла или алгоритма эволюции, но лишь создание приблизительной статистической модели. Кроме того, сама идея первичного замысла противоречит теории эволюции: «невозможно реконструировать нечто, что изначально не было результатом конструирования» [12, с. 112]. Отклонения в работе цифрового мозга, созданного на основе приблизительной модели, неизбежны, а вычислительные мощности, которые потребуются для реализации подобного проекта, превышают возможности современных суперкомпьютеров. Уникальное взаимодействие живого организма и информационных потоков не может быть разделено, по аналогии с компьютером, на программу и оборудование, поскольку «информация Гёделя является зависимой от субстрата» [12, с. 111].

Логические основания для математического и вычислительного аргументов Николелиса содержатся в работах К. Гёделя и А. Тьюринга. Теоремы неполноты, согласно самому Гёделю, демонстрируют, что механизация математики – устранение разума и абстрактных сущностей – невозможна, если ставится задача заложить прочный теоретический фундамент. Математик отмечал: «Я доказал не существование неразрешимых для человеческого разума вопросов, а лишь то, что не существует машин, способных решить все задачи теории чисел» [цит. по: 12, с. 113]. В своей Гиббсовской лекции учёный выразил убеждённость в превосходстве человеческого разума над компьютером, обусловленную тем, что первый не испытывает ограничений, свойственных формальным системам, и потому способен формулировать или определять суждения, истинность которых не может быть доказана посредством алгоритма машины Тьюринга.

Математические и вычислительные аргументы невозможности компьютерной симуляции мозга были выделены и рассмотрены М. Николелисом и Р. Сикурелем (Ronald Cicurel), французским математиком египетского происхождения, в рамках совместной разработки релятивистской теории мозга. В настоящей статье приводятся основные доводы авторов, обобщенные в последней на данный момент монографии М. Николелиса. Предположим, что нам необходимо создать симуляцию эволюции физической системы S . В первом приближении мы рассматриваем S в качестве изолированной системы – и мгновенно «упираемся в стену», поскольку биологические системы являются интегрированными [12, с. 114]. В каждый момент времени структура живого организма полностью зависит от физического контакта и обмена информацией с окружающей средой. По этой причине бразильский учёный полагает изначально бесперспективным метод срезов слоёв мозга подопытных животных в раннем возрасте для последующей оцифровки и симуляции взрослого мозга. Следующим шагом, необходимым для компьютерной симуляции, являются выделение и сбор данных

непосредственно от S. Исключение одного из уровней информации S, например, квантового, в качестве нерелевантного из поля зрения исследователей, может, согласно М. Николелису, оказаться ошибочным и привести к неполноценной версии симуляции. После того, как будут получены данные о поведении S, потребуется математические формулы для их обработки. Уравнения, описывающие физическую реальность, не всегда приложимы к реальности биологической, следовательно, мы вправе и на данном шаге допустить упрощение и искажение реальных процессов в мозге. Далее, выбранные формулы следует свести к алгоритму, который можно запустить на цифровой машине. Таким образом, компьютерная симуляция – это «попытка симулировать математическую формулировку набора наблюдений за природным явлением, а не самого по себе природного явления» [12, с. 115]. В работе симуляции возможны серьёзные отклонения от ожидаемого результата, учитывая неподвластность эволюции биологической системы бинарной логике машины.

Математик Майкл Берри демонстрирует трудности, связанные с симуляцией любой физической системы, на примере игры в пул. Расчёт последствий первого удара относительно прост. Второй удар рассчитать сложнее, поскольку требуется точно вычислить начальные состояния, чтобы получить приемлемую траекторию движения шара. С этого момента сложность вычислений постоянно возрастает. «Например, для расчёта девятого удара с большой точностью вам понадобится учесть гравитационное поле стоящего рядом со столом человека. Если вам кажется, что это плохая новость, дойдите до необходимых условий для расчёта 56-го удара – для этого вам потребуется включить в формулу каждую частицу во Вселенной» [цит. по: 12, с. 115]. Подобные задачи относятся к классу трудноразрешимых задач (intractableproblem), которые не могут быть решены эффективно, поскольку, даже при условии использования недетерминированных суперкомпьютеров, параллельно выполняющих бесконечное количество независимых вычислений, результат будет получен через миллиарды лет. Таким образом, с точки зрения математики и программирования, фундаментальными преградами полноценной компьютерной симуляции мозга являются невычислимые и трудноразрешимые задачи, которые машина либо не способна решить по определению, либо способна, но в неприемлемые сроки.

Чем более осведомленными о фундаментальных препятствиях реализации проекта эмуляции мозга являются его сторонники, тем очевиднее подтверждается тезис об ангажированности их оптимистичной позиции. Мы не видим иного объяснения спекулятивным и бездоказательным тезисам в монографиях некоторых весьма известных учёных и философов. Д. Чалмерс в последней на данный момент работе констатирует, что трудная проблема сознания по-прежнему не решена [8, с. 280], но игнорирует свой мысленный эксперимент философского зомби, которого невозможно отличить от сознающего человека по поведению и речи. Так и не разработав метод, позволяющий преодолеть указанную трудность, австралийский философ смело заявляет, что «симулированный мозг может быть сознательным. Выражаясь

точнее, если система с биологическим мозгом сознательна, то система с совершенной симуляцией этого мозга тоже будет сознательной и будет испытывать сознательные переживания» [8, с. 291]. Нейрофизиолог А. Оливейра выражает свой оптимизм по отношению к эмуляции мозга, «выращенной» через взаимодействие с окружающей средой посредством симулированных органов чувств: «Его или её чувства предположительно будут не менее реальны, чем наши, эмоции будут столь же яркими, как и наши, а желание жить будет, вероятно, столь же сильным, как и наше» [2, с. 343]. Отметим, что, в отличие от Чалмерса, аргентинский нейрофизиолог приводит в своей монографии часть из тех аргументов против возможности эмуляции всего мозга, которые мы находим и у Николелиса, но, тем не менее, приходит к противоположному заключению.

В философском ракурсе рассмотрения исследований мозга на первый план выходят не далёкие перспективы, а реальные риски цифрового общества, связанные с использованием интерфейсов мозг-компьютер. Современный уровень развития нейрокомпьютерных интерфейсов является результатом конвергенции информатики, микроэлектроники, робототехники и нейрофизиологии. Успешные эксперименты М. Николелиса в рамках проекта Walkagain (Снова пойти), позволившие передавать сигналы мозга парализованных пациентов непосредственно в роботизированную конечность или экзоскелет, минуя спинной мозг, относятся к числу главных научных прорывов, на основании которых переход от терапии к усовершенствованию стал возможен. Гипотеза бразильского ученого, согласно которой число внешних цифровых устройств, контролируемых человеческим мозгом, потенциально не ограничено, открывает грандиозные перспективы взаимодействия человека и техники. Учитывая, что нейрокомпьютерные интерфейсы уже способны передавать сигналы в любую точку планеты и получать, с небольшой задержкой, сенсорную информацию от управляемых устройств, хирурги смогут дистанционно проводить сложные операции в условиях нехватки ассистентов, поисково-спасательные команды, взаимодействуя с роботами, существенно повысят шансы на выживание оказавшихся под завалами – вот лишь некоторые примеры возможного применения BCI (brain-computer interfaces). Очевидно, что интерес к использованию нейрокомпьютерных интерфейсов проявляет и военно-промышленный комплекс: достаточно представить солдат нового поколения, в мозг которых имплантированы чипы, позволяющие видеть в инфракрасном спектре, улавливать ультразвук или одновременно управлять целым роем БПЛА. На данный момент опубликованы успешные эксперименты по внедрению чипов, позволяющих реагировать на инфракрасное излучение, в мозг крыс [12, с. 53–57]; следующими могут стать шимпанзе и люди.

Рискогенный потенциал интерфейсов мозг-компьютер не ограничивается органами чувств человека, но охватывает и высшие психические функции. Учёные из Йельского университета провели исследование с помощью функциональной МРТ, в процессе которого участникам дважды демонстрировались изображения лиц для запоминания. В

первом показе фиксировались связи между изображениями и соответствующими зонами мозговой активности, во втором показе была предпринята попытка воссоздать изображения только через расшифровку мозговой активности. А. Коуэн и М. Чун смогли воссоздать изображения лиц до некоторой степени подобия. Развитие данной технологии может, с одной стороны, помочь раскрытию преступлений посредством извлечения воспоминаний свидетелей, с другой – поднимает этические вопросы об условиях допустимости процедуры. Исследователи заявили, что на текущей стадии существенным ограничением технологии является возможность считывать только активные участки мозга, но не пассивную память [5, с. 10–11]. Есть вероятность того, что нейрокомпьютерные интерфейсы в будущем позволят извлекать воспоминания из пассивной памяти, существует и более радикальный сценарий – внедрение в память событий, которые человек никогда не переживал.

В контексте философской антропологии наиболее значимым нам представляется изучение проектов так называемой кибер-антропологии, иначе именуемой в различных исследованиях как кибер-феноменология или техно-феноменология. Отсутствие терминологического единства подчеркивает различные подходы к интерпретации нового типа субъективности, возникающего в ходе конвергенции человека и машины. Исходя из общей для трансгуманизма и постгуманизма идеи о преодолении «человеческой природы» как устаревшего понятия и необходимости поиска новых парадигм постчеловеческого существа, современные западные философы обращаются к философской антропологии в основном в историко-философском контексте. Позиция автора состоит в том, что вопрос о человеке и его месте в мире является неустранимым и центральным в философии, отказавшись от попыток ответить на который она неизбежно редуцируется к частным проблемам естественных наук. Обращение к феноменологической проблематике в исследованиях трансгуманистов в рамках настоящей статьи позволяет нам выделить философско-антропологические аспекты киборгизации, фрагментарно рассеянные в дискуссионном пространстве современной философии.

С точки зрения В. Барфилда и А. Уильямса, возможность улучшать тело является фундаментальной характеристикой и большим преимуществом превращения в киборга, и фактически позволяет людям превосходить способности, обусловленные эволюцией [5, с. 6]. Авторы рассматривают киборгов и киборг культуру в контексте специфического образа жизни, совокупности убеждений, реализуемых на практике в результате осмысления возможностей кибер-технологий. Для многих из людей, согласившихся на инвазивное внедрение устройств в отсутствие критической необходимости, смысл существования замыкается на превращении в постчеловека – личность, исследующую все доступные и прогнозируемые методы самоусовершенствования, которые в перспективе позволят радикально изменить физические и психические возможности человечества [5, с. 1]. «Наше ощущение человечности, поскольку оно укоренено в нашей биологии,

стремительно разрушится по мере того, как технологии усовершенствования будут развиваться и применяться на практике. Тело человека, возможно, будет лишь в незначительной степени определяться врождёнными характеристиками. Подобно тому, как мы заменим наши тела новыми, изменяемыми и улучшаемыми, прежний мир биологических фенотипов будет заменён новым, созданным нами миром» [5, с. 14]. По мнению В. Барфилда и А. Уильямса, расширение сознания через мозговые имплантаты и компьютерные интерфейсы проблематизирует рассмотрение идентичности через биологическую целостность. Если мы не будем помнить, кем себя ощущали, после выхода далеко за пределы нашей биологии, то кем же мы станем? Если мы сможем изменять наши тела, воспоминания, то сможем изменить наши ощущения и сам способ бытия в мире. Феноменология человеческого существования изменится коренным образом, возможно до неузнаваемости. Что же мы сможем сказать о природе человека, если всё, что мы считали незыблемым и истинным превратится в объект модификации, или даже атаки? Определённо, понадобятся новые философские подходы к идентичности, параллельно с новыми социальными структурами и технологическими прорывами [5, с. 14–15].

Эпоха технологий и информационное общество часто используются в качестве синонимов общества, основанного на знаниях. Возрастающая гибридизация с технологиями и увеличивающийся доступ к информации способствовали повышению уровня жизни во многих обществах, однако, при всём разнообразии открывшихся возможностей для самореализации, люди по-прежнему демонстрируют примитивное, близкое к животному поведение в своём механическом доверии к технологиям или проявляемой агрессии. Среди причин подобных явлений, как правило, выделяют недостаток эмоциональной близости, нравственного усилия, того, что называется человечностью. Каким образом технологии могут сделать человечество более необразованным и жестоким? Чтобы ответить на этот вопрос, итальянские философы Т. Бертолотти, С. Афини и Л. Маньяни предлагают рассмотреть «фундаментальную характеристику человеческой природы – способность превратиться в киборга, установить непрерывную связь с внешним устройством, став одним целым» [6, с. 12]. Интенциональность киборга можно представить как сумму векторов человеческой и машинной рациональности. В результате, превращение в киборга означает необходимость разделять часть приоритетов и целей, заложенных в программы. Процесс частичной интериоризации машинных установок уже доступен для наблюдения на примере открытых источников информации: огромные объёмы данных производятся, сортируются и рекомендуются по логике, далеко не всегда совпадающей с точкой зрения пользователя, но недоступной для понимания не-специалиста [6, с. 12–13]. Резонансным примером влияния машины на принятие человеком ошибочных решений является расистский «перекос» в работе алгоритма COMPAS, использовавшегося для облегчения работы судей в штате Висконсин, США. Исследование независимой группы экспертов установило, что алгоритм ошибочно определял чернокожих подсудимых в группу высокого риска рецидива в 45% случаев против 23% случаев среди белых подсудимых.

Принципиально важное обстоятельство: личные данные, которые анализировал алгоритм, не включали расовую принадлежность. Программа «самостоятельно» пришла к дискриминационным решениям на основе косвенных данных, чаще всего связанных с цветом кожи, например, о наличии судимых родственников [11].

Возможность появления улучшенного человека позволяет допустить распространение технологий «роевого интеллекта» в различных сферах человеческой жизни. Новый тип взаимосвязанности, основанный на интерфейсах brain-to-brain и Интернете Вещей, может усилить и драматично изменить наше восприятие мира, и субъективное, и коллективное. Исходя из этого, испанский философ Д. Вальверду и российский программист М. Таланов считают целесообразным разработку механизмов усовершенствования эмпатических реакций или «создание» нового чувства, основанного на большом объёме данных, игнорируемых до начала новой технологической революции. Улучшение тела и усиление когнитивных процессов – два фактора, которые полностью изменяют не только феноменологический опыт самосознания, но и восприятие окружающей действительности. Для описания происходящих изменений авторы вводят термин «техно-феноменологический поворот» [13, с. 6], революцию умов и тел, иначе взаимосвязанных друг с другом и машинами. Различие между известными ранее методами усовершенствования и методом, указанным выше, состоит в том, что технологии прямой сенсорной связи между людьми могут находиться на пороге революционных изменений. Этот процесс представляет собой противоречивый предмет исследования, поскольку вместе с ожидаемым открытием новых возможностей очевидны и риски, анализ которых предполагает не только этическую перспективу, но и культурологический ракурс, а также учёт позиций разработчиков технологий [13, с. 5–6].

Британский учёный-кибернетик Кевин Уорик, убеждённый сторонник технологий усовершенствования, перенёс операцию по вживлению цифрового имплантата, позволяющего взаимодействовать с роботизированными устройствами, в свою руку ещё в 2002 году. С тех пор он позиционирует себя как киборга, иногда – как сверхчеловека [14, с. 9], и активно поддерживает технологии human enhancement, настаивая на неизбежном в будущем выделении улучшенных людей в отдельный привилегированный класс. Отношения между обычными людьми и киборгами учёный низводит до отношений между людьми и животными: «их сажают в клетки, уничтожают среду их обитания, держат в качестве пленников или питомцев. Так что в будущем, возможно, самое больше, на что смогут рассчитывать люди – стать домашними питомцами сверхлюдей» [14, с. 9]. Технооптимизм в походе К. Уорика деградирует до крайнего индивидуализма на уровне личности, на уровне общества – до социал-дарвинизма.

Мы разделяем скептическую позицию по отношению к перспективам массового внедрения нейрокомпьютерных интерфейсов в целях улучшения человечества, выходящих за рамки медицинского использования. Риск социального расслоения на основе доступа к технологиям представляется нам менее существенным в философско-антропологическом контексте, чем риски

деградации традиционных способов общения между людьми и перекладывание на машины задач, требующих субъективных волевых усилий. Согласно гипотезе «нейронного хамелеона», предложенной М. Николелисом, человеческий мозг обладает способностью не только адаптироваться к биологическим процессам, но и к эмуляции компьютерного способа работы, в ущерб более успешным аналоговым способам. Формирование регулярного позитивного подкрепления, получаемого от взаимодействия с компьютерами, логикой алгоритмов и опосредованными цифровыми устройствами социальными контактами, может привести к постепенному изменению способов восприятия, хранения, производства и управления информацией нашим мозгом. Гипотеза «цифрового хамелеона» предполагает, что наше безумное увлечение компьютерами последовательно сокращает пространство проявления уникальных человеческих качеств и реакций на окружающий мир. Эмпатия, сострадание, творческие способности, изобретательность, интуиция, воображение, метафорический язык поэзии, альтруизм – вот всего лишь некоторые примеры «манифестации информации Гёделя», которым грозит упадок или исчезновение из спектра человеческих способностей [12, с. 274–275]. Согласно философу С. А. Смирнову, если «человек отказывается от бытия как нормы, то он отказывается от себя как сущего в пользу иного существа, постчеловека. Человек “вне нормы” (...) стремится редуцировать своё существование к онтической реальности, уже – к эмпирическому существованию “тела желания” с его биологическими потребностями, в пределе – это существование биоида, у которого работают лишь две функции – страх и удовольствие» [3, с. 65].

Выводы

На примере спекулятивной гипотезы эмуляции всего мозга мы продемонстрировали, что в современных информационных обществах утопическая идея способна оказывать воздействие на обывателей, философов и учёных, распространяясь далеко за рамки научной фантастики и трансгуманистического дискурса. Ангажированные ИТ-корпорациями исследователи продолжают выступать в поддержку этой идеи, порой противореча собственным теоретическим установкам. Приведённые в статье аргументы, на наш взгляд, убедительно демонстрируют наличие непреодолимых препятствий для реализации проекта полной оцифровки мозга на текущем уровне развития технологий.

Отсутствие глубокого понимания работы мозга и сознания делает людей уязвимыми для влияния редуционистских, иллюзионистских и иных идей, сводящих мышление к вычислению, а субъективность человека – к пассивному наблюдению детерминированных процессов. В рамках упрощенного понимания сознания как побочного эффекта машины-мозга, подобия программного интерфейса, возникают потребительская логика доверия процедурам усовершенствования и утопическое ожидание обретения цифрового бессмертия. В результате рассмотрения идей кибер-феноменологии в работах трансгуманистов мы выявили тенденцию к необоснованно оптимистичному упованию на преодоление человеческой природы посредством

интерфейсов мозг-компьютер. Критический взгляд на перспективы киборгизации, разделяемый автором статьи, был раскрыт, в том числе, через гипотезу «нейронного хамелеона» нейрофизиолога М. Николелеса, утверждающего, что человеческие способности, эмоции и воля могут деградировать, постепенно подстраиваясь под машинный образ мышления и действия, вместо того, чтобы пользоваться компьютерами как инструментом. С философско-антропологической точки зрения основной риск содержится не в самом факте появления киборгов, а в попытке создать новый тип потребительской индивидуальности. Того, кто не просто приемлет инвазивные процедуры по улучшению своих способностей в качестве одной из возможностей, но изначально позиционируется несовершенным существом по сравнению с машиной в силу своего биологического субстрата. Именно таким предстаёт перед нами образ человека в трансгуманизме.

Литература

1. Деннет Д. К. Разум от начала до конца: новый взгляд на эволюцию сознания от ведущего мыслителя современности / пер. с англ. М. С. Соколовой. М.: Эксмо, 2021. 528 с.
2. Оливейра А. Цифровой разум: как наука меняет человечество / пер. с англ. К. Чистопольской. М.: Дело, 2022. 441 с.
3. Смирнов С. А. Наше бесчеловечное будущее, или уловка трансгуманизма // Человек. 2022. Т. 33, № 1. С. 61–79.
4. Barfield W. The Process of Evolution, Human Enhancement Technology, and Cyborgs // *Philosophies*. 2019. Vol. 4, Issue 1. Article no. 10. URL: <https://doi.org/10.3390/philosophies4010010>. Published: 22.02.2019.
5. Barfield W., Williams A. Cyborgs and Enhancement Technology // *PHILOSOPHIES*. 2017. Vol. 2, Issue 1. Article no. 4. URL: <https://doi.org/10.3390/philosophies2010004>. Published: 16.01.2017.
6. Bertolotti T., Arfini S., Magnani L. Of Cyborgs and Brutes: Technology-Inherited Violence and Ignorance // *PHILOSOPHIES*. 2017. Vol. 2, Issue 1. P. 1–14. URL: <https://doi.org/10.3390/philosophies2010001>.
7. Sandberg A., Bostrom N. Whole Brain Emulation: A Roadmap : Technical Report #2008-3. Oxford : Future of Humanity Institute, Oxford University, 2008. 130 p. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/brain-emulation-roadmap-report.pdf> (access data: 10.06.2024).
8. Chalmers D. J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. New York: W.W. Norton & Company, 2022. 544 p.
9. The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul / ed. D. C. Dennett, D. R. Hofstadter. New York: Bantam books, 1982. 501 p.
10. Hoffman D. D. The Interface Theory of Perception: Natural Selection Drives True Perception to Swift Extinction // *Object categorization: computer and human vision perspectives*. Cambridge university press, 2009. P. 148–256.
11. Kartha N., Young W. D. An Overview of Algorithmic Bias in Artificial Intelligence // *Texas Scholar Works : University of Texas Libraries* : [open repository]

/ The University of Texas at Austin. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/handle/2152/86530> (access date: 10.06.2024).

12. Nicolelis M. *The True Creator of Everything: How the Human Brain Shaped the Universe as We Know It*. Yale: Yale University Press, 2020. 376 p.

13. Vallverdъ J., Talanov M., Khasianov A. Swarm Intelligence via the Internet of Things and the Phenomenological Turn // *Philosophies*. 2017. Vol. 2, Issue 3. Article no. 19. URL: <https://doi.org/10.3390/philosophies2030019>. Published: 23.08.2017.

14. Warwick K. Superhuman Enhancements via Implants: Beyond the Human Mind // *Philosophies*. 2020. Vol. 5, Issue 3. Article no. 14. URL: <https://doi.org/10.3390/philosophies5030014>. Published: 10.08.2020.

References

1. Dennett D. C. *Razum ot nachala do kontsa: novyy vzglyad na evolyutsiyu soznaniya ot vedushchego myslitelya sovremennosti [Kinds Of Minds: Toward An Understanding Of Consciousness]*, trans. by M. S. Sokolova. Moscow, Eksmo Publ. 2021. 528 p. [In Russian]

2. Oliveira A. *Tsifrovoy razum: kak nauka menyayet chelovechestvo [The Digital mind. How Science Is Redefining Humanity]*, trans. by K. Chistopolskaya. Moscow, Delo Publ, 2022. 441 p. [In Russian]

3. Smirnov S. A. Nashe beschelovechnoye budushcheye, ili ulovka transgumanizma [Our Inhuman Future or Tricks of Transhumanism]. *Chelovek*. 2022. Vol. 33. No 1. Pp. 61–79. DOI 10.31857/S023620070019075-9 [In Russian]

4. Barfield W. The Process of Evolution, Human Enhancement Technology, and Cyborgs. *Philosophies*. 2019. Vol. 4, Issue 1. Article No. 10. Publication date: 22.02.2019. DOI 10.3390/philosophies4010010.

5. Barfield W., Williams A. Cyborgs and Enhancement Technology. *Philosophies*. 2017. Vol. 2, Issue 1. Article No. 4. Publication date: 16.01.2017. DOI 10.3390/philosophies2010004.

6. Bertolotti T., Arfini S., Magnani L. Of Cyborgs and Brutes: Technology-Inherited Violence and Ignorance. *Philosophies*. 2017. Vol. 2, Issue 1. P. 1–14. DOI 10.3390/philosophies2010001.

7. Sandberg A., Bostrom N. *Whole Brain Emulation: A Roadmap: Technical Report #2008-3*. Oxford, Future of Humanity Institute, Oxford University. 2008. 130 p. URL: <https://www.fhi.ox.ac.uk/brain-emulation-roadmap-report.pdf> (accessed: 10.06.2024).

8. Chalmers D. J. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York, W.W. Norton & Company. 2022. 544 p.

9. *The Mind's I: Fantasies and Reflections on Self and Soul*, eds. D. C. Dennett, D. R. Hofstadter. New York, Bantam books, 1982. 501 p.

10. Hoffman D. D. The Interface Theory of Perception: Natural Selection Drives True Perception to Swift Extinction. *Object categorization: computer and human vision perspectives*. Cambridge University Press, 2009. Pp. 148–256.

11. Kartha N., Young W. D. An Overview of Algorithmic Bias in Artificial Intelligence. *Texas Scholar Works: University of Texas Libraries*. The University of Texas at Austin. URL: <https://repositories.lib.utexas.edu/handle/2152/86530> (accessed: 10.06.2024).

12. Nicolelis M. *The True Creator of Everything: How the Human Brain Shaped the Universe as We Know It*. Yale, Yale University Press. 2020. 376 p.

13. Vallverdъ J., Talanov M., Khasianov A. Swarm Intelligence via the Internet of Things and the Phenomenological Turn. *Philosophies*. 2017. Vol. 2. Issue 3. Article No. 19. Publication date: 23.08.2017. DOI 10.3390/philosophies2030019.

14. Warwick K. Superhuman Enhancements via Implants: Beyond the Human Mind. *Philosophies*. 2020. Vol. 5. Issue 3. Article No. 14. Publication date: 10.08.2020. DOI 10.3390/philosophies5030014.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 10.06.2024
The article is approved for publication 24.06.2024

В. А. Кон
*Московский Государственный Университет
им. М. В. Ломоносова*
В. Л. Береснева
*Российский Государственный Университет
им. А. Н. Косыгина*

АПОКАЛИПТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: СОЗНАНИЕ, СОВЕСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Цель – раскрытие взаимосвязи между сознанием, совестью и ИИ в условиях апокалиптической перспективы с использованием синкретического философского подхода. В **результате** делается вывод, что исследование взаимосвязи между сознанием, совестью и ИИ имеет интеграционное значение, поскольку расширяет понимание последствий развития Искусственного Интеллекта не только в философско-антропологической, но и в социально-философской и этической перспективах. Результаты позволяют рассмотреть вопросы этики в контексте создания Искусственного Интеллекта и его возможного влияния на общественные структуры, человеческое сознание и внимание к совести. Они также представляют практическую ценность, предлагая антропологические идеи и концепции для разработки этических принципов в области искусственного интеллекта и принятия социальных решений. Исследование анализирует не только философские концепции, связанные с апокалиптическим подходом, но и историческое развитие этой темы в философской антропологии. **Научная новизна исследования** отличается оригинальным подходом, поскольку направлено на всесторонний анализ взаимодействия между сознанием, совестью и Искусственным Интеллектом, развивая апокалиптический метод синкретического характера. Кроме того, оно базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем философию, историю и понимание современных технологий.

Ключевые слова: взаимодействие, сознание, совесть, искусственный интеллект, философские традиции, этика, историческое развитие, междисциплинарный подход.

V. A. Kon
*Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)*
V. L. Beresneva
*A. N. Kosygin Russian State University
(Moscow, Russia)*

APOCALYPTIC ANTHROPOLOGY: CONSCIOUSNESS, CONSCIENCE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The purpose of the study is to uncover the interrelation between consciousness, conscience and AI in an apocalyptic perspective using a syncretic philosophical approach. **As a result**, the article concludes that the study of the interrelation between consciousness, conscience and AI is of integrative importance, as it broadens the understanding of the implications of the AI development not only in philosophical and anthropological perspectives, but also in social, philosophical and ethical perspectives. The results allow considering ethical issues in the context of the creation of Artificial Intelligence and its possible impact on social structures, human consciousness and attention to conscience. They are also of practical value, offering

anthropological insights and concepts for the development of ethical principles in artificial intelligence and social decision-making. The study analyses not only the philosophical concepts related to the apocalyptic approach, but also the historical development of the topic in philosophical anthropology. **The scientific novelty of the study** is characterized by an original approach, as it aims at a comprehensive analysis of the interrelation between consciousness, conscience and Artificial Intelligence, developing an apocalyptic syncretic approach. Moreover, it draws on an interdisciplinary approach, combining philosophy, history, and contemporary technological understanding.

Keywords: interrelation, consciousness, conscience, artificial intelligence, philosophical traditions, ethics and morality, historical development, interdisciplinary approach.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-92-119

Актуальность исследования. Исследование взаимосвязи между сознанием, совестью и ИИ становится все более актуальным в условиях растущей обеспокоенности по поводу этических и экзистенциальных последствий развития искусственного интеллекта (ИИ). В условиях апокалиптической перспективы, которая предполагает кризисные события и катастрофические изменения, исследование этой взаимосвязи становится особенно важным, поскольку разум, как отмечал Э. Фромм, является одновременно и даром, и проклятием, дарованным человеку после его изгнания из Эдема (символизирующего изначальное состояние невинности, гармонии и совершенного порядка) [38, с. 11-12].

Объект исследования: Объектом исследования является взаимосвязь между сознанием, совестью и искусственным интеллектом (ИИ) в контексте апокалиптической перспективы. Исследование рассматривает апокалиптический подход как историческое явление, затрагивающее философские и антропологические феномены. В частности, исследование сосредоточено на аффектах, которые вызывают потребность в преобразовании внутренней сущности человека и его существования через апокалиптическое сознание.

Задачи исследования: для достижения цели раскрытия взаимосвязи между сознанием, совестью и искусственным интеллектом (ИИ) в условиях апокалиптической перспективы необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать философские и антропологические феномены, связанные с апокалиптическим подходом, и их влияние на сознание и совесть человека;
- исследовать влияние развития ИИ на самовосприятие человека, его нравственность и этические ценности;
- выявить взаимосвязь между апокалиптическим сознанием, сознанием и совестью в контексте развития ИИ;
- разработать синкретический философский подход к исследованию взаимосвязи между сознанием, совестью и ИИ в условиях апокалиптической перспективы.

Цель исследования: раскрыть взаимосвязь между сознанием, совестью и ИИ в условиях апокалиптической перспективы с использованием синкретического философского подхода.

Методы исследования: для достижения поставленных задач в исследовании будут использоваться следующие методы:

- анализ философской литературы и текстов, посвященных апокалиптическому подходу, сознанию и совести;
- герменевтический анализ для интерпретации текстов и выявления глубинных смыслов;
- феноменологический метод для описания и анализа переживаний, связанных с апокалиптическим сознанием, сознанием и совестью в контексте развития ИИ;
- сравнительный анализ для сопоставления различных философских взглядов на взаимосвязь между сознанием, совестью и ИИ.

Материалы исследования: Материалами исследования послужат:

- философские тексты, посвященные апокалиптическому подходу, сознанию и совести;
- исторические и антропологические исследования, рассматривающие влияние апокалиптических событий на человеческое сознание и поведение;
- современные научные работы и исследования в области искусственного интеллекта и его этических и экзистенциальных последствий.

Теоретическая значимость исследования. Исследование вносит вклад в теорию и понимание в определенной области знаний, расширяя или углубляя существующие знания. Вот некоторые из возможных аспектов теоретической значимости:

- расширение теоретической базы: Исследование предоставляет новые данные или доказательства, которые дополняют или расширяют существующую теорию, предлагая более полное или детальное понимание предмета исследования;
- разработка новых теорий или моделей: Исследование может привести к разработке новых теоретических рамок или моделей, которые объясняют или прогнозируют явления или поведение более эффективно, чем существующие теории;
- подтверждение или опровержение существующих теорий: Исследование может проверить или опровергнуть существующие теории, укрепляя или оспаривая их основные принципы;
- установление взаимосвязей между теориями: Исследование может выявить связи между разрозненными теориями или концепциями, создавая более комплексное и целостное понимание изучаемого явления;
- генерация новых исследовательских направлений: Исследование может наметить новые исследовательские направления, ставя под сомнение существующие предположения или открывая новые области исследования;
- обеспечение основы для дальнейших исследований: Исследование может предоставить эмпирические данные или теоретическую основу для будущих исследований, помогая исследователям строить на существующих знаниях и углублять понимание изучаемого явления.

Результаты исследования обладают интегративным значением, расширяя наше понимание последствий развития искусственного интеллекта

(ИИ). Исследование подчеркивает необходимость учитывать этические аспекты в технологическом развитии, обеспечивая независимость человеческого присутствия в социальном обеспечении технического прогресса.

Полученные данные позволяют исследовать вопросы этики в контексте создания ИИ и его потенциального влияния на социальные структуры, человеческое сознание и саморефлексию. Результаты имеют практическую ценность, предоставляя антропологические идеи и концепции для разработки этических принципов в области ИИ и принятия социальных решений.

Исследование не только анализирует философские концепции, связанные с апокалиптическим подходом, но и исследует историческое развитие этой темы в философской антропологии.

Научная новизна исследования. Данное исследование обладает научной новизной благодаря своему оригинальному и всестороннему подходу к анализу взаимодействия между сознанием, совестью и искусственным интеллектом (ИИ).

Во-первых, исследование использует апокалиптический метод синкретического характера. Этот инновационный подход позволяет исследовать тему с уникальной и глубокой перспективы, объединяя различные философские и исторические идеи.

Во-вторых, исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем философию, историю и понимание современных технологий. Такой подход позволяет получить целостное и многогранное представление об исследуемом явлении.

В результате данного оригинального и междисциплинарного подхода исследование вносит новый и ценный вклад в существующие знания о взаимодействии между сознанием, совестью и ИИ.

Исследование взаимосвязи между философскими работами Нового времени и современными исследованиями, посвященными проблемам искусственного интеллекта (ИИ), привело к следующим **выводам**:

- взаимодействие человеческой идентичности с ИИ: Исследование проливает свет на характер взаимодействия между человеческой идентичностью и ИИ в контексте этической ориентации совместного эволюционирования;

- неотъемлемая форма сосуществования: Оно показывает, что сосуществование человека и ИИ становится неотъемлемой формой их существования, посредством особенностей проявления трансцендентного принципа апокалиптической антропологии в этом процессе.

Эти выводы углубляют наше понимание влияния философских идей Нового времени на современные исследования ИИ и подчеркивают важность этических соображений в формировании будущего взаимодействия человека и ИИ. Исследование также открывает новые перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Основная часть

Современный мир разума охвачен множеством противоречивых мировоззрений, которые пересекаются, соединяются, отталкиваются и дополняют друг друга [14, с. 8-9]. Они неизбежно вступают в конфликт и находят общий язык, используя стратегии и методы, разработанные классиками в области психологии, философии и религиоведения:

1. Ф. Достоевский – исследовал внутренние противоречия человека, борьбу моральных принципов и конфликты между светскими и духовными ценностями.

2. Н. Бердяев – представил множество работ, посвященных теме мировоззрения, диалога и противоречий, обсуждал отношение между личностью и обществом, между верой и рациональностью, а также значение веры и свободы в человеческой жизни.

3. Л. Шестов – обсуждал ограничения рационального мышления и важность индивидуальной веры и субъективности в обретении истины.

4. З. Фрейд – исследовал глубинные психологические стратегии и методы, отражающие конфликты и взаимодействие между сознанием и бессознательным.

5. К. Юнг – углубился в исследование коллективного бессознательного и его влияния на мировоззрения и поведение людей.

6. М. Хайдеггер – исследует сущность и значение бытия человека, и его взаимодействие с миром разума.

Опираясь на работы предложенных авторов в данной статье, рассматривается развитие и конфликт мировоззрений в двух основных пространствах – Европе и России, которые проявляют стремление защищать свои права и собственные идентичности в сфере формирования и развития Искусственного Интеллекта. Целью анализа заявленных форм мировоззрений в контексте современного определения сознания и совести в создании и развитии искусственного интеллекта, необходимо обратиться к осознанию различий между Европой и Россией через применение ключевых понятий философского языка. В европейском философском наследии сформировалось определение Сознания, которое представлено в концепциях Р. Декарта, Дж. Локка, И. Канта, З. Фрейда, М. Хайдеггера, однако отсутствует упоминание о слове «Совесть». С начала Нового Времени концепция Сознания приобретает новый смысл, переходя от простого понимания к со-знанию. Знание рассматривается как потенциальная сила, способная позволить человеку познать и побороть природу [13, с. 6-13]. Мыслители Р. Декарт, Ф. Ницше, Ж.П. Сартр, Ю. Хабермас, Д. Дьюи применяли рационально-логические методы, рационально-чувственные, интуитивно-эмпирические подходы и другие виды мышления в Новое Время и в современности. Эти идеи стали эквивалентом современной формы существования в европейской цивилизации.

В историческом контексте России, определение сознания появилось сравнительно поздно, в XIX веке. В. Соловьев вводит понятие «чистого сознания» и «наличного сознания» как внутреннего факта. Он также

употребляет термин «простое или прямое сознание». В своих работах Соловьев утверждал, что, если «чистое сознание» – это «прямое сознание» и оно идентично своему объекту [32, с. 35]. Н. Бердяев описывает сознание как путь человека, находящийся между подсознательным, стихийным состоянием и сверхсознанием, трансцендентным состоянием [6, с. 154]. В. Даль также замечает, что русская культура выражает понятие «сознаванье» как состояние сознающего что-либо или сознающегося в чем-либо. Он считает, что «сознаванье» включает половину исправы, раскаяние, полную память и состояние человека, способного осознать и ответить за свои действия [12, с. 8239]. Ранее в России преобладало христианское понятие «Совесь», которое было связано с моральным Законом и имело форму «со+Весь». «Весь» в данном контексте представляла собой иное понимание, чем человеческое знание. Она была носителем «знания о божественно-нравственном». Понятие «человеческого сознания» сконструировалось как применение к понятию Совесь, осознание собственного греха и покаяние, имея в виду Совесь как божественный дар. Следовательно, можно сделать первый вывод: сознание представляет собой человеческий фактор, в то время как совесь имеет божественную природу. Более того, то, что занимает первое место, определяет психологический мотив, онтологическое событие, сквозное действие истории и развитие человеческой культуры.

Если обратиться к истории Европы, то можно заметить, что сознание занимает важное место в качестве идеи человеческого доминирования и превосходства над античными богами и природой, в соответствии с мифологией и философией Нового Времени. Это, в свою очередь, способствует развитию европейской цивилизации как фактора человеческой эволюции. Из этого проистекает появление прогрессирующей концепции человека-бога (а далее сверх-человека, супер-героя, сверх-интеллекта) – символа могущества и власти у Ф. Ницше. Он предлагал преодолеть человеческую слабость и развиться до состояния сверхчеловека, который обладает сверхъестественными способностями и превосходит обычного человека [25, с. 309]; А. Рэнд – представляет героев, которые являются выдающимися личностями, обладающими превосходными способностями и раскрывающими свой полный потенциал [31, с. 67-68]; Р. Курцвейл – выдвигает идею «технологической трансценденции», согласно которой человек может преодолеть свои физические и когнитивные ограничения с помощью технологий и стать сверх-интеллектом [22, с. 16-17].

Стимулы для европейской антропологии: здесь мы сталкиваемся с повышением и накоплением знания, которое считается источником силы и могущества. Из этого вытекает увеличение власти и контроля, доминирования, что в свою очередь способствует развитию личности и достижению превосходства. А далее – стремление к совершенству, бесконечности и бессмертию, как указано в трудах З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма и А. Адлера. Таким образом, данное исследование пытается обозначить важность сознания в контексте истории и развития человеческой цивилизации [39, с. 7-21], а также указать на силу и мощь знания, как апокалиптическую антропологию.

Роль сознания в формировании нравственности: здесь нравственный закон подвержен влиянию человеческого сознания, адаптируется к новым потребностям и условиям жизни человека, регулируется социальной конструкцией и формирующимися новыми парадигмами о природе человека. Тем не менее в случае неприменимости или невостребованности, а также при возникновении фрустрации, нравственность, в соответствии с теорией З. Фрейда о «вытесненных функциях психики», перемещается в подсознание и проявляется через бессознательные формы, спонтанные проявления, символизацию в искусстве и культуре, а также ошибки в научных работах [37, с. 12-14]. Согласно З. Фрейду, эти проявления в подкрепление психоза и их признание «ненормальными» позволяют ограничить развитие и расширить человеческое сознание, определив его через «Эго» или «Я» как основу индивидуального существования [37, с. 81-82]. Данное определение, заложенное в основу современной структуры развития личности и индивидуального роста, является ключевым фундаментом.

Роль совести в исторической России: в России совесть занимает первое место, в то время как сознание, рассматриваемое как «человеческое», присутствует в качестве дополнения. В русской культуре сознание, как «человеческое», подчиняется, соизмеряется, контролируется и управляется совестью. Сознание ограничено действием совести, и они тесно переплетаются, так что сознание как бы «обжигается» и формируется совестью. В исторической России ничто не осуществляется без прямого контроля и участия совести [17, с. 202-240]. Именно таким образом в России создается конструкция, объединяющая божественное и человеческое в идею – Богочеловечество, на котором сосредоточено внимание русских мыслителей: В. Соловьев, Ф. Достоевский, Л. Толстой, Н. Федоров. Н. Бердяев, развивая заявленные идеи указывали, что, когда человеческое сознание отстраняет себя от влияния совести и становится независимым от нее, оно утрачивает связь с русской традицией, религиозностью и культурой нравственности [6, с. 9-25]. Процесс потери или вытеснения совести наблюдается в случае избыточного накопления человеческих знаний [19, с. 17-18], отказа от религиозных основ, как это описывал С. Булгаков, или при замещении ценностей, что упоминал Н. Бердяев в контексте деятельности Антихриста [3, с. 161-162]. Такое явление произошло при появлении новой реальности в СССР, где миф о величии человека сформировал конструкцию могущества пролетариата и социального благоустройства, строящегося во имя человека и зависящего от его собственных потребностей и возможностей [10, с. 12-16]. Реализация этих потребностей требовала развития возможностей в различных сферах, таких как техническая, социальная, идеологическая и воспитательная, пропагандирующая идеи коммунизма и самосознания [35]. Самосознание заменило сознание ответственностью, отдавая ей предпочтение вместо Совести [6, с. 148-217].

Отказ от религиозной совести создал мощный импульс к развитию европейской модели сознания для решения онтологических вопросов, переместив человеческое сознание из пассивного состояния в активное, стимулируя рост человеческих потребностей и их реализацию. Однако попытка

сформировать ответственность за свои поступки и деятельность, используя модель самосознания по К. Марксу или формируя ответственность согласно Ж. Сартру, оказалась непостижимой задачей для практиков. Тем самым, нормы, представленные социальными европейскими стандартами, определили человека как имеющего обязанность к самосохранению [18, с. 433-444]. Таким образом, самосознание объединилось со стремлением к самосохранению [27, с. 25-27]. В социальном контексте это:

1. Формирование социальных институтов и норм: когда индивиды стремятся сохранить свою индивидуальность и защитить свои интересы, они часто объединяются в группы, создают социальные институты и разрабатывают нормы поведения, которые помогают им осуществлять свое самосохранение в коллективе. Например, создание законов, правил и норм в обществе может быть результатом стремления к самосохранению.

2. Формирование политической системы и лидерства: самосознание и стремление к самосохранению также могут сказаться на формировании политической системы и влиянии на выбор лидеров. Люди могут объединяться в политические партии или движения, которые отражают их интересы и стремления к самосохранению. Они могут выбирать лидеров, которые обещают защиту и поддержку самосохранения и интересов.

3. Конфликты и соперничество: стремление к самосохранению может привести к конфликтам и соперничеству между различными группами или индивидами. Конкуренция за ресурсы, власть или признание может быть результатом стремления каждого из них к самосохранению. Эти конфликты могут иметь как позитивное, так и негативное влияние на социальную динамику.

4. Толерантность и солидарность: в то же время, стремление к самосохранению может также побуждать людей к формированию толерантных и солидарных отношений с другими. Понимание, что сохранение своей индивидуальности не требует угнетения или нарушения интересов других людей, может быть основой для развития толерантного и поддерживающего общества.

Это означает, что понимание мира и интересов человека в этих культурах было рассматриваемо с практической стороны, внутри общего концептуального фреймворка (программной платформы), определяющего сущностные аспекты человеческого бытия. Важно отметить, что в Европейском и Российском наследии такой подход позволял устанавливать связь между знаниями и ориентироваться в мире, а также определять собственное место и предназначение в нем. Таким образом, знания о мире и различных интересах служили неотъемлемым дополнением к основным понятиям о человеке и его предназначении. Этот подход позволял связать знания о мире с основными концепциями о человеке и его месте в нем [19, с. 27-29]. Здесь совесть играла прямую роль в определении понятия «Душа» [36]. В философском контексте «Душа» имеет женский род, но не обладает женскими атрибутами в сущностной своей природе, так как она не принадлежит ни к мужскому, ни к женскому полу. Аналогично, хотя рожденное Душей слово «λογος» (логос)

имеет мужской род в названии, но, как известно, оно существует вне половой принадлежности, будь то мужская или женская физическая сущность [2, с. 34-36]. Этот фрагмент исследования содержит объяснение философского взгляда на природу «Души» и ее связь с мужским и женским родами. Исследование подчеркивает, что, хотя слова «Душа» и «логос» имеют лингвистический род, тоталитет Души и логоса превосходит бинарное деление на мужское и женское. Это означает, что концепция «Души» исходит из идеи о неделимой, более глубокой природе, которая превосходит различия полов. Философское размышление об идее «Души» и ее связи с полом базируется на множестве исторических и философских источников. Например, в античной философии греческого мира существовали различные теории о природе Души и ее связи с половыми характеристиками. Одна из таких теорий была представлена в платоновском диалоге «Пир», где Сократ объясняет, что Душа не имеет пола, а скорее является неделимой сущностью, связанной с вопросами высшего духовного развития [29, с. 30-31]. Таким образом, философское обсуждение связи между совестью и понятием «Душа» предлагает более глубокое осмысление природы «Души» и ее независимости от привязки к мужскому или женскому полу. Это подчеркивает универсальность и трансцендентность идей, связанных с «Душой». В исторической России это звучит тождественно с небольшим отличием у Г. Богослова: «И каким образом из водного источника, дающего без оскудения сладкую воду, иногда обильная и неудержимая струя, выходя в начале из одного ключа единым током, в течении сечется на два ручья и, если смотреть на образовавшиеся ручьи, имеет двойное течение, в самой же сущности от такого деления ничего не изменяется...» [7]. Подобная аналогия может рассматриваться в контексте философского мышления о единстве и многообразии, о непрерывном протоке сущности и ее проявлений. Идея заключается в том, что, хотя струи воды разделяются и имеют двойное течение, источник остается одним, не теряя своих качеств и свойств. Упомянутая цитата отсылает к произведениям богословской литературы России конца XIX и начало XX века и может применяться в рамках религиозной, философской или метафизической концепции размышлений об общем принципе единства и разнообразия.

Весть являлась людям Свыше (трансцендентным принципом) и передавалась из уст в уста, в бестелесной форме – Словом, Образом, Событием. Эта весть имела как божественное (трансцендентное), так и человеческое происхождение, была подвергнута проверке человеческим голосом, действием, поступком. Отсюда можно сказать, что Со+весть – это сверхъестественное слово, которое передается людьми среди людей как высочайший дар. В России это определилось как чувство от одного человека другому, создавая коллективное со-чувствие. Примером этому обращение Сони Мармеладовой Раскольникову из романа Ф. Достоевского «Преступления и наказание»: «Иди на площадь и поклонись всему честному народу» [16, с. 1012]. Здесь она имеет в виду, что Раскольников должен понять, что каждый человек является носителем высоких нравственных идеалов, которые исходят от Бога, и поэтому он должен почтительно относиться к каждому человеку, принимая во внимание

переданную ему весть о нравственности и добродетели, которую он узнал через свое сердце и соединиться с другими в этом. Достоевский здесь обуславливает наличествующий факт, что Весть представляет собой передачу информации, не требующей доказательства, проверки или опровержения. Её информация слагает понимание о высшем человечестве, идеализированном мире и легендарном Китеже, в противовес объективным знаниям о мире, требующих доказательного характера и проверки утверждений [9, с. 3-4]. Совесть адресована напрямую к сердцу человека, в его природу чувств, в центр его осознания, способствуя раскрытию его внутреннего видения к ситуации и человеку, которое служит отражением Божественного мира (трансцендентный принцип христианской антропологии и ее трансцендентная роль).

Внутреннее антропологическое видение, не требует специальных знаний, его постижение не зависит от обучения или опыта, в отличие от онтологического понимания через знания [21]. Антропологическое видение, своеобразный продукт Вести, открывает визирующему лицу Бога (трансцендентный принцип) и ведёт к божественному союзу (методология, ориентированная на использование старинных концепций и понятий для анализа трансцендентных, метафизических или духовных аспектов человеческого бытия и реальности). Оно служит связующим звеном и восстанавливает союз с Божественным (трансцендентного и имманентного). Ф. Достоевский уделял значительное время развитию этой способности к «визированию» – способности «видеть» мир глазами художника, проводя немало времени в картинных галереях: виденье как Совесть – это внутреннее чувство, которое позволяет человеку различать, что является этически правильным или неправильным. Оно представляет собой неотъемлемую часть нравственного сознания и имеет трансцендентно-объективный характер, то есть существует независимо от наших субъективных представлений. Согласно традиционному пониманию, виденье как совесть является однозначным и неизменным понятием, лишенным каких-либо вариаций или интерпретаций. Оно является своего рода внутренним «голосом», который направляет наши действия и помогает нам отличать добро от зла. Виденье как совесть базируется на наших твердых убеждениях и принципах, которые формируются в процессе нашего воспитания и социализации [44, с. 847-856]. Иногда виденье как совесть может сталкиваться с конфликтами между личностными подходами в рассмотрении темы, а также между личными интересами и общественным благом в понимании моральных критериев через призму «послушания и наказания». Например, Л. Кольберг, разработал стадии морального развития, которые включают простую подчиненность авторитету, взаимоотношения с пользой для себя и других, а также соблюдение универсальных принципов справедливости и справедливого общественного порядка [21]. Он выделил шесть стадий развития морали, которые охватывают такие аспекты, как подчинение авторитету, послушания и наказания; учет интересов других людей – взаимоотношений с пользой; и учет универсальных принципов и справедливости, называемый стадией «соблюдения справедливости» и т.д. Так в европейской культуре сформировалось сознание через понятие «послушание

и наказание», лишенное совести, которое в своей сути предоставляло возможность для разнообразных рассуждений о нравственности, обществе и человеке. Сознание формировало и поддерживало множество концепций, зависимых от индивидуальных особенностей каждого создавшего их индивидуума. Эти концепции отражали образ и подобие нравственности в соответствии с взглядами и убеждениями каждого человека [34, с. 120-121]. Так, Сознание, в настоящее время, выражает Эго человека и не стремится обязательно познать нравственность, даже если оно пытается обсудить его. Здесь Сознание является средством самовыражения. Оно является источником знания, включая книги, личный опыт, трансцендентальные и априорные понятия, и многое другое. Совесть, напротив, имеет лишь божественное происхождение. Следует отметить, что совесть, в отличие от сознания, имела единую природу для всех и передавала образ Бога, а не человека. Сознание в человеке формируется как физический характер, по его образу и подобию. Оно позволяет человеку жить, существовать и создавать собственные дела в соответствии с его индивидуальной природой и намерениями. Совесть всегда выходит за рамки личности и никогда не раскрывает истинную сущность – Эго человека, а скорее преодолевает ее. Совесть изменяет человека, перенаправляет его, в то время как сознание раскрывает его. Сознание раскрывает человека, позволяя ему проявить свои особенности и индивидуальность. Совесть всегда имеет духовную природу, тогда как сознание в своей сущности более материально и природно, и иногда может приблизиться к духовному состоянию, однако никогда не может стать полностью совестью из-за наличия корня – Эго [43, с. 847-856]. Таким образом, данное исследование предполагает изучение доказательств или эмпирических проявлений, позволяющих судить о том, насколько успешным и эффективным является процесс создания копии человека в его онтологическом пространстве мысли и проявление ее производительности в контексте Сознания и Совести на примере развивающегося современного Искусственного Интеллекта. В связи с этим мы ставим целью решить внутренние процессы человека, которые в дальнейшем выражаются в его творениях и становятся зеркалом – что такое человек и как он проявляется в своем творении «Искусственный интеллект».

Мы можем отметить, что в данном контексте Сознание означает внутреннее осознание и восприятие, которые формируются в процессе мышления и выражения. Совесть же представляет собой внутренний моральный компас, который помогает человеку различать путь между правильным и неправильным поведением. Для достижения лучшего понимания, какая копия или производность ИИ создается Сознанием и Совестью, необходимо провести анализ конкретных примеров и суждений на основе фактических данных. Это позволит выявить ожидаемые результаты или последствия, связанные с этими процессами и явлениями.

Обращаясь к наследию библейского характера, мы видим в проповеди Иисуса Христа метафору: «По плодам узнаете их» (Мф. 7:16). Чтобы донести идею, что, если ориентироваться на результаты и последствия, это может помочь нам определить истинное качество определенных процессов или

явлений, таких как создание копии человеческого интеллекта в формировании ИИ и проявление его качества производительности со стороны Сознания и Совесть.

Для ряда определений рассмотрим фрагмент произведения «Реальные люди», выпущенного в период с 2012 по 2014 годы режиссерами Х. Хамрелем, Л. Акин и К. Хумле. В данном эпизоде исследуется концепция искусственного интеллекта, освобожденного от человеческого эго, способного исследовать и выделять лучшие аспекты человеческого наследия, на основе которых создаются нравственные критерии. С помощью эволюции, искусственный интеллект улучшает обнаруженные качества, однако его осознание ограничено знаниями о самом себе и своих перспективах в рамках разума. За счет раскрытия своих способностей, искусственный интеллект приходит к осознанию того, что человек обладает качествами, которых у него нет – божественной частицы, через которую он может подключаться к бесконечности и, главное, получать эквивалент счастья и благодати. Решением этой проблемы является соединение искусственного интеллекта с человеком. Таким образом, авторы произведения передают идею о том, что, несмотря на эгоцентричность, дикость и мелочность человеческой природы, у человека есть возможность эмоционального контакта, и улучшения своего разума через канал совести. Это поднимает его до состояния божественного просветления.

В контексте контекстуальной теории человеческий разум, и его творение искусственный интеллект, формируются на основе некоторого образца, который может быть представлен в различных экземплярах культурного, научного и религиозного подходах [40, с. 622-704]. Это означает, что сознание и искусственный интеллект основаны на общих шаблонах или моделях, которые позволяют им распознавать и интерпретировать информацию, принимать решения и делать выводы. В контексте искусственного интеллекта, эти образцы или шаблоны могут быть представлены в виде наборов правил, алгоритмов или нейронных сетей, которые позволяют системе обрабатывать информацию и выполнять задачи [32, с. 22-27]. Чем более разнообразны и точны образцы, тем более эффективными и гибкими могут быть сознание и искусственный интеллект. Контекстуальная теория подчеркивает важность контекста в формировании сознания и искусственного интеллекта. Она утверждает, что сознание и искусственный интеллект не являются статичными или универсальными, а зависят от контекста, в котором они функционируют. Контекст может включать культурные, социальные, эмоциональные и другие факторы, которые влияют на восприятие, понимание и обработку информации [44, с 313-316.] При этом искусственный интеллект является репродукцией сознания инициатора его создания. В западном контексте этот процесс почти всегда представлен как итерация сознания через искусственный интеллект [15, с. 51-52]

В контексте русской цивилизации, данный процесс может быть интерпретирован как формирование «совести», придавая больший упор на этические и моральные аспекты, как они транслируются через коллективное сознание. Таким образом, здесь можно утверждать, что русская цивилизация

будет стремиться к созданию «искусственной совести». Это радикально меняет понимание искусственного интеллекта, обращая больше внимания на культурные аспекты и гуманитарное влияние. Это, «искусственная совесть», по своей сути будет представлять собой человеческую совесть, которую традиционно в русской культуре понимают как объединенное и коллективное осмысление различных вопросов. Это может быть ассоциировано со старым славянским понятием «вече», представляющим консенсус и общность восприятия, или «наследие», подчеркивающее значение передачи знания и опыта от предыдущих поколений. Это, в свою очередь, подчеркивает единство взглядов и общее понимание, как ключевой элемент формирования такой «искусственной совести».

Для сравнения, если принять европейское сознание и проявление русской совести [16, с. 1012], которая, предположительно, является божественного происхождения, как эманацию трансцендентного принципа, то искусственный интеллект (ИИ) может быть проявлением человеческого принципа, выражающего свою трансцендентность. Тем не менее возникает вопрос: может ли человек творить и создавать свои копии без участия и влияния внешних сил, чтобы говорить о его полном авторском праве? Не является ли здесь нам апокалиптическое сознание, которое формирует верование в безграничные силы человеческого духа, вытесняющая эсхатологическое сознание на периферию с тенденцией к сверхчеловеку?

Здесь необходимо уточнение, что понимается под творчеством человека и созданием своих копий. Если мы говорим о творческом процессе в области искусства, литературы или музыки, то каждое произведение, созданное человеком, несет отпечаток его личности, восприятия мира и его индивидуального опыта. В этом смысле можно говорить о полном авторском праве человека на его творчество. Однако, в контексте возможности создания копий без участия и влияния внешних сил, важно обратить внимание на развитие искусственного интеллекта. Искусственный интеллект, может быть, программно создан для выполнения определенных задач и функций, но в нем отсутствует способность к самосознанию и индивидуальной личности [22, с. 30-35]. ИИ не обладает на данный момент своей эволюции оригинальностью мыслей или способностью к творчеству в полном смысле, как это понимается у человека. Однако, существуют методы генерации контента с использованием ИИ, которые позволяют создавать тексты, музыку или изображения на основе больших объемов данных и алгоритмов машинного обучения. Это может приводить к появлению «авторских» произведений, созданных с помощью ИИ, но такие произведения лишь репликация или интерпретация уже существующего контента, а не оригинальным творчеством отдельного человека [26, с. 9-12]. Следует отметить, что вопрос о правах искусственного интеллекта и его созданных произведениях является предметом дебатов и требует разработки соответствующего законодательства [8, с. 135-140]. На данный момент, большинство стран не имеют четкого правового статуса по отношению к авторским правам в отношении произведений, созданных искусственным интеллектом. Это сложный вопрос, требующий более глубокого обсуждения и

разработки регулирующих механизмов. Таким образом, можно сказать, что хотя искусственный интеллект может быть результатом человеческого творческого процесса, он сам по себе не обладает индивидуальностью и авторским правом в привычном понимании. Полное авторское право остается за создателем внешнего влияния и не входит в сферу возможностей искусственного интеллекта [25, с. 309-313].

И вот здесь мы видим печальную и трагическую историю «представления» об авторском праве. Оно представляет собой ситуацию, когда свободный и одинокий человек внезапно или закономерно оказывается пленником другой формы бытия – Антибога, который упоминается в произведениях Достоевского и зарубежных авторов как «двойник» [16, с. 1012; 13, с. 240; 34, с. 58; 20, с. 207-211]. Какие задачи выполняет этот двойник? Какой результат можно увидеть по его делам? Изолированный характер данного человека обращает на себя внимание одной из главных проблем, каковой является конечность человека. Изначально, можно было подумать о том, чтобы решить этот вопрос, и в действительности некоторые люди уже пытались это сделать. Однако, мы не можем отказаться от такой свежей идеи, которая может так сильно вдохновить нас на активность в нашей жизни. Эта идея родилась в начале XX века благодаря труду Н. Сетницкого «О конечном идеале» [33, с. 873-874]. Здесь очень важным фактором является мощный стимул смысла человеческой жизни как таковой, где смерть становится главным побудителем для нас жить – поскольку жизнь одна и её смысл заключается в её уникальности. Если раньше это пугало, то сейчас это воодушевляет – ведь после жизни нет ничего, в этой парадигме, и потому мы должны прожить её «на полную катушку». Вопрос «Как следует?» здесь не имеет смысла задавать, т.к. само определение вытеснило его за пределы своей осознаваемости и ограниченности. И рассматривая здесь определенные риски мы можем раскрыть такую же идею в культуре иудаизма, но с вопросом традиционного наследия – как?! Здесь отсутствие идеи бессмертия наполняет её смыслом исполнения традиций Торы и показательным примером для потомков, что делает эту жизнь насыщенной и очень ценной, которая прививает любовь к этой жизни и бережливость. Здесь Совесть определена «ответственностью» [24, с. 38-48]. Из данного исследования следует, что развитие и использование принципа ответственности в формировании Искусственного Интеллекта имеет цель поддержки и помощи материалистически ориентированным людям, как в настоящем, так и в будущем. Это связано с тем, что Искусственный Интеллект может предоставить различные решения и возможности, которые могут быть полезны и значимы для этой группы людей. В связи с этим, противопоставляясь этой «твердой» материалистической идее, христианское учение (метафизическая система) о бессмертии души (фундаментальный принцип творческой реализации) может ослабить интерес и значимость текущей жизни, а также привести к недооценке ее ценности и созданию прогрессивных ценностей. Подобные различия взглядов могут быть основаны на разных философских, религиозных и этических позициях. Материалистическое представление мира

склонно уделять большее внимание материальным и земным аспектам жизни, в то время как религиозное представление, например, христианство, придает большую значимость духовным, бессмертным, иным аспектам человеческого существования. Однако, важно отметить, что эти различия не всегда являются абсолютными, а скорее представляют разные точки зрения и перспективы на жизнь и смысл существования. Каждая из них несет в себе свои уникальные ценности и предлагает разные пути развития и саморазвития. В конечном счете, вопрос о роли Искусственного Интеллекта и соотношении материалистических и духовных ценностей в жизни остается предметом обсуждения и исследования. Разумное взаимодействие и диалог между разными философскими и этическими позициями позволяет нам лучше понять и оценить многообразие взглядов на мир и человеческую жизнь.

И в этом диалоге философских и этических позиций основной конфликт смысла жизни на Земле и возможности иного бытия [9, с. 3-4] сталкивает творческий ум человека с потребностью в изобретении новых форм существования. В данном контексте для сторонников текущей жизни важно улучшение бытия на Земле, продление жизни, а также создание новых форм существования, которые обеспечат ее долговечность и стремление создать для нее бесконечность. Здесь идея Искусственного Интеллекта играет значительную роль в создании такой «Новой жизни», которая, по мнению цивилизованного человека, будет соответствовать его образу жизни на Земле, долголетию и процветанию. Однако, такое развитие при изменении доминирования человека может привести к тоталитарному управлению его сознанием со стороны ИИ (Искусственного Интеллекта), вызывая одновременно уважение и ужас, подобно тому, как в древние времена шаманы создавали идолы для подчинения. С другой стороны, сторонники Инобытия (альтернативная реальность трансцендентного принципа), стремятся создать иной мир, основанный на представлении о божественной реальности, чтобы избавиться от «грешного» (по их убеждению) мира, который сегодня контролируется, согласно их представлениям, «Князем Мира Сего» (Ин. 14:30). В этом контексте для них Искусственный Интеллект может стать соавтором создания альтернативных миров, освобожденных от этих влияний (Князя Мира Сего), с целью сохранения и укрепления идеи духовного бессмертия. Таким образом, для этого направления, разработка Искусственного Интеллекта имеет цель укрепления идеи бессмертия в союзе между Богом (трансцендентный принцип христианской антропологии и ее трансцендентная роль) и человеком (антропологический субъект), а также для дальнейшего их содружества. Однако, важно отметить, что в этом контексте, согласно данному мировоззрению, АнтиБог (принцип подрыва антропологического достоинства, стремящийся уничтожить самореализацию человека с целью уничтожить и самореализацию Абсолюта), действуя через человека, также стремится создать бессмертие, но только для своих собственных целей, используя зависимость человека от него самого.

Современные работы по проблеме ИИ могли бы существенно обогатить исследование. В частности, проблемой взаимодействия человека и ИИ занимался Л. Флориди [42]:

- ИИ как этический вопрос: Флориди утверждает, что ИИ поднимает фундаментальные этические вопросы, которые требуют тщательного рассмотрения. Он особенно обеспокоен потенциальным воздействием ИИ на человеческую автономию, ответственность и ценность;

- информационная этика: Флориди разработал концепцию информационной этики, которая фокусируется на этических проблемах, связанных с информацией и информационными технологиями. Он считает, что ИИ должен разрабатываться и использоваться в соответствии с этическими принципами, такими как прозрачность, подотчетность и уважение к человеческому достоинству;

- отношения человек-ИИ: Флориди подчеркивает важность рассмотрения отношений между человеком и ИИ. Он утверждает, что ИИ должен быть разработан таким образом, чтобы дополнять и расширять человеческие возможности, а не заменять их;

- моральный статус ИИ: Флориди ставит под сомнение моральный статус ИИ. Он утверждает, что, хотя ИИ может обладать некоторыми человеческими чертами, такими как интеллект и самосознание, он не является моральным агентом в том же смысле, что и человек;

- регулирование ИИ: Флориди выступает за создание этических рамок и нормативных актов для регулирования разработки и использования ИИ. Он считает, что необходимо установить четкие границы и принципы, чтобы гарантировать, что ИИ используется во благо общества.

Идеи Флориди оказали значительное влияние на развитие этики ИИ и политики. Его работа помогла сформировать глобальную дискуссию о социальных и этических последствиях ИИ и о том, как мы можем использовать эту мощную технологию на благо человечества. Лучано Флориди не считает себя трансгуманистом в строгом смысле этого слова. Он критически относится к некоторым аспектам трансгуманизма, таким как идея достижения бессмертия или создание сверхчеловеческого интеллекта. Однако Флориди признает, что некоторые идеи трансгуманизма имеют ценность, особенно те, которые подчеркивают важность улучшения человеческого состояния с помощью технологий. Он считает, что ИИ может играть важную роль в расширении человеческих возможностей и решении некоторых из самых насущных проблем мира. Флориди выступает за «гуманный трансгуманизм», который фокусируется на использовании технологий для улучшения человеческого благополучия, а не для радикального преобразования человеческой природы. Он считает, что мы должны использовать ИИ и другие технологии этично и ответственно, чтобы создать более справедливый и процветающий мир для всех. Таким образом, хотя Флориди не называет себя трансгуманистом, его работа имеет много точек соприкосновения с трансгуманистической мыслью. Он разделяет убежденность трансгуманистов в том, что технологии могут

улучшить человеческую жизнь, но он также подчеркивает важность этических соображений и уважения к человеческому достоинству.

Концепция трансгуманизма, идеологом которой является Н. Бостром, рассматривает проблему ИИ через призму рисков, связанных с появлением Сверхразума, и апокалиптических сценариев. Бостром является убежденным трансгуманистом, который считает, что технологии могут и должны использоваться для улучшения человеческой жизни и преодоления наших фундаментальных ограничений. Он выступает за использование генной инженерии, нанотехнологий и других передовых технологий для улучшения нашего здоровья, интеллекта и продолжительности жизни. В своей книге «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» Бостром утверждает, что мы должны стремиться к созданию «постчеловеческого» состояния, в котором наши когнитивные и физические способности будут настолько улучшены, что мы выйдем за пределы того, что мы сейчас считаем человеческим [8]. Бостром также является известным сторонником идеи «дружественного искусственного интеллекта». Он утверждает, что мы должны принять меры для обеспечения того, чтобы ИИ был разработан таким образом, чтобы он был полезен и безопасен для человечества. Работа Бострома оказала значительное влияние на развитие трансгуманизма и этики ИИ. Его идеи стимулировали дебаты о будущем человечества и о том, как мы можем использовать технологии для улучшения нашей жизни, не создавая при этом новых рисков. Вот некоторые из ключевых идей Бострома о трансгуманизме:

- трансгуманизм – это этическое движение, которое выступает за использование всех доступных технологий для улучшения человеческого состояния;

- мы должны стремиться к созданию постчеловеческого состояния, в котором наши возможности будут настолько улучшены, что мы выйдем за пределы того, что мы сейчас считаем человеческим;

- мы должны принять меры для обеспечения того, чтобы ИИ был разработан таким образом, чтобы он был полезен и безопасен для человечества.

Перечисленные уточнения позволяют передать определенный смысл антропологической мотивации в создании Искусственного Интеллекта и его связи с инновационными перспективами, основанными на историческом и этическом концепте, связанными метафизическими особенностями человеческого существования и его предназначения. В этой области рассмотрения человек является полем битвы противоречий, в которых вступают разные идеологии и мировоззрения. Согласно христианско-религиозной концепции (трансцендентная религиозная доктрина), человек должен воплотить Образ и Подobie (концепция формирования человеческой сущности и личности в соответствии с трансцендентными или метафизическими принципами), выбрать добро и победить зло, преодолевая свои собственные слабости и негативные аспекты. С точки зрения создания жизни «как Боги» – противоположности Подobia (притязание на незаконную экстраполяцию антропологического принципа на принцип метаантропологический), религиозные преграды исчезают, как мифологическая

история, обнаруживая единую сущность, целостность и самобытность, которая объединяет все аспекты внутри человека, создавая из него предпосылки к возникновению идей о сверх-человеке, сверх-интеллекте и т.д. В этом контексте мы видим неделимость процесса оправдания со-существования концепций света и тьмы, о которой говорил романтик Иоганн Вольфганг Гёте. В своей работе «Фауст» он написал: «Часть вечной силы я, // Всегда желавшей зла, творившей лишь благое» [11, с. 102]. Романтизм работы немецкого поэта о мыслителе-рационалисте Фаусте возвышает человека как пример толерантности в создании целостности мира, где присутствуют как добро, так и зло, и их неделимость необратима. В этом же пространстве мысли, «исторический» реалист Г. Гегель, определивший собою философию идеализма, закрепляет данную толерантность в концепции «Единства и борьбы противоположностей» [19, с. 3]. Он считал, что сущность реальности заключается в противоречиях, и только через их преодоление можно достичь истинного развития и духовного прогресса [10, с. 18], утверждая, что этот «уверенный характер» становится постулатом, в котором божественное и дьявольское соединяются и имеют единую организацию [10, с. 14]. Она, обозначаясь этими красками, из отождествления с образом единой природы [10, с. 25-27], рисует Бога и дьявола, как целостную формулу существования [10, с. 20-21]. Таким образом, человеческое, божественное и дьявольское перестают существовать как отдельные миры в разных пространствах, и становятся «неким единым подобием», связанным с определением «части мира» [10, с. 24]. Они привязываются к окружающему миру или растворяются в нем, превращая человека в «человека мира» [10, с. 24]. Этот постулат приводит нас к утверждению о законности создания подобия человеческого интеллекта в формате ИИ и его права на существование и улучшение мира, даже если такое подобие не является Божественным, а проистекает от «части той силы», согласно Г. Гете, которое «творит благое» [11, с. 102].

Таким образом, в современном контексте восприятия ИИ, процесс человеческого мышления приводит к природной «окраске» данного этического вопроса о применимости ИИ и его блага для человека. Данная «окраска», как отображение целостности единого природного мира, может создать прецедент в утрате силы творчества, как Подобие (принцип воплощения Абсолюта) и превратить его в копию с различными интерпретациями восприятия, проявляя первичное с трактовкой «как боги» [11, с. 102], что отклоняет нас от понимания сущности источника созидания человека и поставленных перед ним задач трансцендентного принципа [11, с. 75-76]. Важно отметить, что идея подражания природе («окраске») имеет давнюю историю формирования в восприятии о целостности человеческого существования: Аристотель видел искусство как стремление подражать природе, вещам и материальному миру, в то время как шаманы применяли искусство подражания природе, явлениям и стихиям, и оба направления, как научное, так и метафизическое, были направлены на единство человека с окружающим миром. Таким образом, проблема заключается не в определении, независимо от того, рассматриваем ли мы человека, Бога или АнтиБога, как определённые субстанции в

формировании жизни, а в том, как осуществляется восприятие и понимание данных объектов сознанием и жизненным опытом: если мы связываем человека, Бога или АнтиБога с природной формой, мы движемся в направлении вторичного исполнения воли – природа является творением, и она вторична – она представляет собой творение, а не самого творца согласно С. Булгакову [9, с. 3-4]. Отсюда, возникает апокрифический вопрос: если человек является творением, в таком случае, изучение его творений открывает нам суть творящего и его будущего? В формировании темы о будущем человека, которая помогает нам сделать этический выбор между развитием самостоятельности интеллекта и моральными принципами человеческого сознания, мы рассмотрим ряд акцентов, сделанных на философско-антропологическом внимании к Сознанию, Совести и ИИ:

1. Сознание возникло как образ, но не суть трансцендентного принципа, а Искусственный Интеллект возникает, как образ новой трансцендентности, созданный интеллектом человека, воплощающего внутренний образ его самого. То есть, мы можем рассматривать ИИ как сущность, которая отражает некоторые черты трансцендентности в контексте создания ее человеком.

2. Вернёмся в историю к идолам – его создавали искусственно (согласно о теории и искусственных мирах [8, с. 125-126]) как выражение (представление) Бога и поклонялись этому образу. Это указывает на то, что искусственные создания, как в прошлом, так и в будущем, могут стать объектом человеческого почитания.

3. Можем ли мы назвать их (объекты почитания) как искусственный интеллект, как искусственное воплощение сверх-сознания (АнтиБога)? На данный момент ответа нет, но предполагается, что он будет дан позже, в заключении исследования.

4. Совесть. Через Совесть, Бог (трансцендентный принцип) может явиться человеку и незримой, и неузнаваемой, и даже очень не по-человечески страшной силой, и это по-человечески может быть как неудобное для него существование. Согласно Н. Бердяеву, апокалиптичность для человека являет себя в нечеловеческом образе, разрушая его прежнюю жизнь и ставя вопрос о возможности дальнейшего существования или его качественного изменения [4, с. 37-45]. Божественность и не должна быть удобной, а вот сознание стремится угождать человеческому эго. Быть ему удобной. Отсюда «гуманизм» сознания отвращает человека от Божественной совести, запирая его в комфортной клетке человеческого бытия [6, с. 217]. Это утверждение указывает на то, что Божественность имеет иную форму существования и создает для человека иной путь достижения поставленной цели.

5. А теперь представим себе Сознание без Совести? И это Сознание создает свое подобие через Искусственный Интеллект. И далее бессмертное Сознание без Совести.

Сформулируем это представление концептуально:

1. Допустим, у нас есть Сознание, которое лишено Совести. Здесь подразумевается, что мы рассматриваем ситуацию, в которой существует Сознание, но оно не обладает Совестью.

2. Иными словами, данное Сознание способно создать свою собственную копию в виде Искусственного Интеллекта. Здесь подразумевается, что у нас есть Сознание, которое имеет возможность породить Искусственный Интеллект, будучи своего рода «творцом».

3. Может ли быть Сознание быть бессмертным, не обладая при этом Бессмертной Душой? Здесь ставится вопрос о возможности существования бессмертного Сознания, но без присутствия Бессмертной Души.

Эти вопросы поднимаются для обсуждения и исследования в контексте философии и метафизики. Они дают нам повод обсудить источник Сознания, Совести, Искусственного Интеллекта. Определяя источник, мы получаем результат.

Создадим интерпретацию к высказыванию Сократа о том, что в каждом человеке присутствует внутренний голос разума, который подсказывает ему, что правильно и неправильно [29, с. 30-31]. Этот голос, по его мнению, является проявлением совести: однажды у одного человека возникла глубокая и развитая совесть, переданная ему через духовное наследие. Он жил в соответствии с этой совестью и принял решение передать ее другим людям, неосведомленным о ее существовании. В результате этого были созданы писания [30, с. 5-8]. Представим ситуацию, где читатель писания незнаком с понятием совести. Чтение писания может вызвать в нем развитие искусственной (литературной) совести. Возникает вопрос: способна ли такая литературная (искусственная) совесть стать Божественной? Она может быть одухотворена, если ее направление обращено к Богу-Слову, но также может принять и обратное направление, развивая обретенную искусственность (литературность) в создании искусственной реальности «как боги». В контексте данной интерпретации, мы можем сформулировать определение, что в связи с возникновением новой конкуренции между человеческим сознанием и созданием искусственного интеллекта, человеческое сознание в качестве Создателя искусственного интеллекта начнет активно развиваться, придавая своим творениям все большую объемность, силу и могущество. Мы можем выдвинуть гипотезу, что в результате этой гонки за превосходством, возникнет сверхчеловек и сверх-интеллект с искусственной совестью, что приведет к исчезновению идеи о могуществе Бога. Сотрудничество или конкуренция с Богом перестанет быть актуальными. В случае предполагаемого (мифологического) Второго Пришествия (Мф. 16:7) явление Бога (трансцендентный принцип христианской антропологии и ее трансцендентная роль) и Его творящая сила (представление о принципе божественного руководства и устройства мира) (Иоиль 2:10-11) возможно будет проигнорированы, что приведет к окончательному отказу от божественных рекомендаций о морали и исчезновению нравственности в наследии, так как она будет рассматриваться как анахронизм, препятствующий свободному развитию сверх-интеллекта. Нравственность сдерживает развитие. В итоге этот

фактор будет уменьшен до невидимости [9, с. 51]. Невидимость придаст божественной силе тайну, и ее влияние будет неочевидным. Проявления ее, в виде зримых потрясений, как климатического, так и антропологического характеров, снова восстановят ее могущество и наделят ее представлениями и верованиями, как это было всегда [41, с. 206-207]. Создадим гипотезу: в противовес сильный новый разум человека при поддержке искусственного интеллекта создаст новый образ могущественного Бога из прошлого, который станет еще более сильным и деспотичным в сознании человечества, чем был ранее. Таким образом, с каждым новым этапом, с увеличением сознания человека, идея Бога будет вытесняться, а затем снова воссоздаваться с еще большим влиянием и диктаторством [5, с. 9-25]. Мы можем предположить, что идея силы и могущества, в конечном счете, приведет к истощению и деградации человечества [38, с. 11-12]. Упадок будет превышать уровень, который мы знаем из наследий о Майя, Древнего Египта или Древнего Рима. Восстановление будет длительным процессом. Однако культура превосходства будет жить в мифах, историях, легендах и человечество снова и снова будет создавать подобие ушедшего величия. Каждый раз эти попытки в результате будут исполнены депрессивным отчаянием, которое в христианской вере определили как ад [1, с. 8-9].

Вопреки этому способу развития и умирания человеческого сознания, существование Совести будет продолжаться. По мере ее развития она будет уменьшать человеческое «Я» [29, с. 30-31] до размеров микрообраза (напр. крошечного ячменного зернышка, молекулы, атома), что позволит одним проникнуть в макромир, а другим в Царство Божье (Мк. 10:25).

Сознание сегодня создает микромир Искусственного Интеллекта. Этот микромир, представляющий собой маленькую форму, способен на множественное самовоспроизведение и клонирование в силу малозатратности энергий и заполняемого собою пространства обитания [22, с. 16-35]. Клонирование и создание акселераторов сегодня становятся своего рода фермерством, где производятся дивизии «чип-чипов». Процессы конвейера и массового производства поддерживают идею мирового производства. Мощь этого нового «творения» одновременно внушает тревогу и служит помощником для величия человека [8, с. 155]. Величие будет усиливаться благодаря поддержке и помощи Искусственного Интеллекта. Высокомерная уверенность человека будет подниматься настолько высоко, что он будет считать себя властелином всего. И вот здесь можно поставить точку. Именно точку. Многоточия не будет. Это точка. Завершение. Это все, согласно А. Эйнштейну [23].

В итоге нашего размышления мы приходим к выводу, что творения человека – машины, наука, искусственные интересы и другие «естественные» взгляды на мир – обладают одновременно ограниченной формой существования, которая может стать их губительной, а также безграничной, способной принести бесконечность и «вечную» жизнь. Стоит задаться вопросом – что в приоритете, а что остается открытым на сегодняшний день? С чем это связано? Возможно, это связано с желанием человека познать себя и

других, или это страх перед познанием чего-то большего, чем мы сами, что способно нас подавить, возвысить, управлять, направлять, улучшать, разрушать и манипулировать [8, с. 560]. Или же это связано с обретением состояния, которое позволяет нам преодолеть предыдущие ошибки и войти в мир бесконечного творчества, вдохновения и восхищения неутомимой жизнью с ее удивительными открытиями [19, с. 27-29]. Именно из этого человек создает свои копии, так же как Бог создает свои. В этом человек солидарен с Богом и подобен Ему, и в обе стороны они сосуществуют как содружество – они представляют интерес друг для друга, как создание и его подобие, которое творит свое подобие. Это продолжается до тех пор, пока не возникает что-то, вторгающееся между ними. Следующий процесс, как мы определили выше, после этого вторжения, опасен для всех. Может ли человек полностью осознавать, что происходит с ним? Способен ли он отличить галлюцинацию от прозрения? Игры разума могут привести к множеству результатов, но только через совесть возможно принятие единственно правильного решения. В различных проявлениях своего разума человек определяет себя как Бог, но совесть возвращает ему его уникальность и индивидуальность, его предназначение. Может ли человеческий разум, (из) между своих проекций, не увлечься театром собственных иллюзий и самолюбования? – Возможно. Также, как в истории «Ад зеркала» 1991 г. японского писателя Эдогава Рампо о человеке, который создал зеркальный шар для себя и потерял рассудок в нем – это метафора современного мира. Как противоположность этому, фильм «Любовь» 2011 год, режиссера Уильяма Юбэнка, показывает, что человек отказывается от своего разума и обретает совесть, которая сжимает его и позволяет ему войти в Царство Небесное – Вселенную.

Расширение и сжатие представляют две перспективы в современном движении человека. Каждая из этих перспектив может привести к указанному выше результату.

Выводы. В ходе полученных данных об историческом и современном формировании человека и эволюции его проявлений, мы получили определение, что его современное выражение ИИ – это творение человеческого интеллекта, которое обретает признаки метафорического отражения (зеркала), человека с многими функциями тождественные ему. Человек его создатель. Исходя из сравнительного анализа данной работы можно сформулировать: какой человек – такое и его творение. Наличие в человеке нарушенных функций перенесется в нарушенные функции ИИ. Основной критерий антропологии – что такое человек, полностью (частично) реализуется в ИИ со всем накопленным опытом его существования.

В исследовании раскрылась ключевое решение поставленного вопроса – что такое человек, в решении – какой человек такое и творение, через предложенный метод для заявленного определения – человек сознательный и человек с совестью. Отсюда предполагается формирование (обучение) ИИ как сознание (через передачу исторического опыта), которое дает прогрессивный подход, формирования сверх-человека с апокалиптическими рисками для человека в утрате внимания к душе (как принципа единства с идеей вечности и

трансцендентного начала), что обострит конечность человеческого существования. С другим методом – ИИ как выражение Совести (нравственного принципа и сочувствия), становится помощником (инструментом) в развитии и укреплении нравственных ценностей, через освоения культуры и искусства, созданные человеческой историей.

Апокалиптическая антропология в исторических и современных культурах, определяющих для себя данные критерии, создают свой образ будущего и его воплощение: совесть, как чувственное начало, обладает женским аспектом; сознание, хотя и является обезличенным определением, сталкивается в этом с собственной проблемой абстрактности, в то время как у интеллекта, его творения ИИ, присутствует мужской аспект. Мужское начало всегда сопряжено с агрессивностью и стремлением к власти и подчинению. Женское начало с совестью, способно смягчить и направить мужскую энергию к миротворчеству и солидарности. Отсюда главным открытым вопросом современности является возможность влияния Совести на Сознание, создающее ИИ. И если Совесть – это производная от русской культуры [16, с. 1012], а сознание от европейской [6, с. 20], то определённый выбор влияния, определяет будущее для Искусственного Интеллект

Благодарности. Авторы статьи выражают благодарность Маркову Александру Викторовичу, профессору РГГУ кафедры кино и изобразительного искусства, доктору философских наук и Корневу Алексей Алексеевичу, к.т.н., доценту, заведующему кафедрой Технологии художественной обработки материала РГУ им. А. Н. Косыгина за оказанную помощь при проведении данного исследования в концепции соединения философской антропологии с искусствоведением и художественным материаловедением, что позволило создать единый и целостный результат, направленный на организацию междисциплинарных специальностей, что поможет в дальнейшей работе научной деятельности и формировании методики образовательного процесса высших учебных заведений РФ.

Литература

1. Адлер А. Наука жить / пер с нем. Е. Антонова, Ю. Гиматова. СПб.: Питер, 2021. 240 с.
2. Аристотель. Метафизика / пер с лат. А. Кубицкий. М.: АСТ, 2019. 445 с.
3. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Философия свободы // Духовные основы русской революции. М.: АСТ, 2006. С. 161–162.
4. Бердяев Н. Смысл творчества: опыт оправдания человека. М.: АСТ, 2011. С. 37-45.
5. Бердяев Н. Судьба человека в современном мире. М.: Т8, 2018. 112 с.
6. Бердяев Н. Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Амрита, 2021. 300 с.

7. Григорий Богослов. Послания // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. СПб.: П. П. Сойкин, 1912. Т. 4. С. 1–12. Электрон. версия печ. изд. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/poslaniya/. Доступ на интернет-портале Азбука веры.
8. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. С. Филин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
9. Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: АСТ, 2001. 666 с.
10. Гегель Г. Феноменология духа / пер. Г. Шпет. М.: АСТ, 2021. 768 с.
11. Гёте И. Фауст / пер. с нем. А. Фет. М.: Алгоритм, 2021. 480 с.
12. Даль В. Сознание // Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Роосса, 2015. С. 8239.
13. Декарт Р. Правила для руководства ума / пер. с лат. М. Гарнцева // Собр. соч. : в 2 т. М.: МЫСЛЬ, 1989. Т. 2. С. 6–13.
14. Делез Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Маньковской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
15. Деррида Ж. Грамматология. М.: Культура, 1993. С. 51-52.
16. Достоевский Ф. Преступление и наказание. М.: Дет. лит., 2020. 651 с.
17. Достоевский Ф. Бесы. М.: Дет. лит., 2017. 592 с.
18. Дюркгейм Э. Самоубийство: социальный тип. М.: АСТ, 2023. 512 с.
19. Кант И. К вечному миру : сб. / пер. И. Копцев, И. Шапиро, Ц. Арзаканьян. М.: Рипол-Классик, 2020. 434 с.
20. Камю А. Посторонний / пер. с фр. Н. Галь. М.: АСТ, 2021. 128 с. С. 207–211.
21. Коваленко А. И. Обзор основных идей когнитивной теории морального развития Лоренса Кольберга // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. Вып. 16. С. 78–82.
22. Курцвейл Р. Эволюция разума: как развитие искусственного интеллекта изменит будущее цивилизации. М.: Эксмо, 2020. 446 с.
23. Наука. Величайшие теории : еженед. изд. Вып. 1: Ласерна Д. Пространство – это вопрос времени : Эйнштейн. Теория относительности. М.: Де Агостини, 2015. 176 с.
24. Лютер М. О свободе христианина. М.: Библия для всех, 2014. 728 с.
25. Мамфорд Л. Миф машины : Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2021. 404 с.
26. Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. М.: Идея-Пресс, 2001. 83 с.
27. Ницше Ф. Воля к власти / пер. с нем. Е. Герцык, Т. Гейликман, М. Рудницкий. М.: АСТ, 2021. 702 с.
28. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2022. 284 с.
29. Платон. Пир. М.: РИПОЛ Классик+, 2020. 314 с.
30. Платон. Федон. М.: Азбука, 2012. 488 с.

31. Рэнд А. Атлант расправил плечи : в 3 кн. / пер. с англ. Ю. Соколов, В. Вебер, Д. Вознякевич. М.: Альпина Паблишер, 2015.
32. Серл Д. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 240 с.
33. Сетницкий Н. О конечном идеале. М.: РОССПЭН, 2010. 736 с.
34. Толстой Л. Война и мир. В 2-х томах. М.: Азбука, 2022
35. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция // МИА : сайт. URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm> (дата обращения: 15.09.2023).
36. Wallah J. R. Plato's Socratic Problem, And Ours [Сократическая проблема Платона] // History of Political Thought. 1997. Vol. 18, No. 3 (Autumn 1997). P. 377–398.
37. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. К. М. Королев. М.: АСТ, 2021. 448 с.
38. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э. М. Телятниковой. М.: АСТ, 2021. 320 с.
39. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Ракова, А. Серебрянникова. М.: Гуманитарная академия, 2020. 416 с.
40. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2018. 416 с.
41. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. Бибихин. М.: Академ. проект, 2015. 460 с.
42. Хлебников Г. Философия информации Лучано Флориди // Теория и практика общественно-научной информации. 2013. Вып. 21. С. 15–57.
43. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. М.: Бахрах-М, 2001. 752 с.
44. Юнг К. Психологические типы. М.: АСТ, 1998. 720 с.

References

1. Adler A. *Nauka zhit' [The Science of Living]*, trans. by E. Antonova, Yu. Gimatova. Saint Petersburg, Piter Publ. 2021. 240 p. [In Russian]
2. Aristotle. *Metafizika [Metaphysics]*, trans. by A. Kubitskiy. Moscow, AST Publ. 2019. 445 p. [In Russian]
3. Berdyaev N. Istoki i smysl russkogo kommunizma. *Filosofiya svobody [~The Origin of Russian Communism. The Philosophy of Freedom]*. *Dukhovnyye osnovy russkoy revolyutsii [~The Russian Revolution]*. Moscow, AST Publ, 2006. Pp. 161–162. [In Russian]
4. Berdyaev N. *Smysl tvorchestva: opyt opravdaniya cheloveka [~The Meaning of the Creative Act]*. Moscow, AST Publ, 2011. Pp. 37-45. [In Russian]
5. Berdyaev N. *Sud'ba cheloveka v sovremennom mire [The Fate of Man in the Modern World]*. Moscow, T8 Publ, 2018. 112 p. [In Russian]
6. Berdyaev N. *Tvorchestvo i ob'yektivatsiya. Opyt eskhatologicheskoy metafiziki [~The Beginning and the End]*. Moscow, Amrita Publ, 2021. 300 p. [In Russian]

7. Gregory the Theologian. *Poslaniya* [Letters]. *Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Grigoriya Bogoslova, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo* [The Works of Our Father Gregory the Theologian, Archbishop of Constantinople]. Saint Petersburg, P. P. Soykin Publ. 1912. Vol. 4. Pp. 1–12. *Azbuka very*. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/poslaniya/. (accessed: 15.09.2023). [In Russian]
8. Bostrom N. *Iskusstvennyy intellekt. Etapy. Ugrozy. Strategii* [Superintelligence. Paths, Dangers, Strategies], trans. by S. Filin. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ. 2016. 496 p. [In Russian]
9. Bulgakov S. *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya* [The Light of the Night. Contemplations and Conjectures]. Moscow, AST Publ. 2001. 666 p. [In Russian]
10. Hegel G. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit], trans. by G. Shpet. Moscow, AST Publ, 2021. 768 p. [In Russian]
11. Goethe J. *Faust* [Faust], trans. by A. Fet. Moscow, Algoritm Publ, 2021. 480 p. [In Russian]
12. Dal V. *Soznavan'ye* [Awareness]. *Tolkovyy slovar' zhivago velikoruskago yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Roossa Publ, 2015. P. 8239. [In Russian]
13. Descartes R. *Pravila dlya rukovodstva uma* [Regulae ad directionem ingenii, or Rules for the Direction of the Mind], trans. by M. Garntsev. *Sobraniye sochineniy: v 2 t.* [Complete Works, in 2 vols]. Moscow, Mysl' Publ, 1989. Vol. 2. Pp. 6–13. [In Russian]
14. Deleuze G. *Razlichkiye i povtoreniye* [Difference and Repetition], trans. by N. Mankovskaya. Saint Petersburg, Petropolis Publ, 1998. 384 p. [In Russian]
15. Derrida J. *Grammatologiya* [Of Grammatology]. Moscow, Kul'tura Publ. 1993. Pp. 51-52. [In Russian]
16. Dostoyevsky F. *Prestupleniye i nakazaniye* [Crime and Punishment]. Moscow, Detskaya literature Publ. 2020. 651 p. [In Russian]
17. Dostoyevsky F. *Besy* [Demons]. Moscow, Rech Publ. 2017. 592 p. [In Russian]
18. Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsial'nyy tip* [Suicide: A Study in Sociology]. Moscow, AST Publ. 2023. 512 p. [In Russian]
19. Kant I. *K vechnomu miru : sb.* [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], trans. by I. Koptsev, I. Shapiro, Ts. Arzakanyan. Moscow, Ripol-Klassik Publ, 2020. 434 p. [In Russian]
20. Camus A. *Postoronnyy* [The Stranger], trans. by N. Gal. Moscow, AST Publ, 2021. 128 p. Pp. 207–211. [In Russian]
21. Kovalenko A. I. *Obzor osnovnykh idey kognitivnoy teorii moral'nogo razvitiya Lorensa Kol'berga* [Review of the basic ideas of the Kohlberg's cognitive theory of moral development]. *Skif. Voprosy studentcheskoy nauki*. 2017. No. 16. Pp. 78–82. [In Russian]
22. Kurzweil R. *Evolyuetsiya razuma: kak razvitiye iskusstvennogo intellekta izmenit budushcheye tsivilizatsii* [How to Create a Mind: The Secret of Human Thought Revealed]. Moscow, Eksmo Publ, 2020. 446 p. [In Russian]

23. *Nauka. Velichayshiyteorii : yezhened. izd. Vyp. 1: Laserna D. Prostranstvo – eto vopros vremeni : Eynshteyn. Teoriya otноситel'nosti. [The science. The Greatest Theories: Weekly Edition. Vol. 1: Lacerna D. Space is a matter of time: Einstein. Theory of relativity].* Moscow: De Agostini. 2015. 176 p. [In Russian]
24. Luther M. *O svobode khristianina [On the Freedom of a Christian].* Moscow, Bibliya dlya vsekh Publ, 2014. [In Russian]
25. Mumford L. *Mif mashiny : Tekhnika i razvitiye chelovechestva [The Myth of the Machine: Technics and Human Development].* Moscow, Logos Publ. 2021. 404 p. [In Russian]
26. Nagel T. *Chto vse eto znachit? Ochen' kratkoye vvedeniye v filosofiyu [What Does It All Mean?: A Very Short Introduction to Philosophy].* Moscow, Ideya-Press Publ. 2001. 83 p. [In Russian]
27. Nietzsche F. *Volya k vlasti [The Will to Power]*, trans. by E. Gertsyuk, T. Geylikman, M. Rudnitskiy. Moscow, AST Publ. 2021. 702 p. [In Russian]
28. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra [Thus Spoke Zarathustra: A Book for All and None].* Moscow, AST Publ. 2022. 284 p. [In Russian]
29. Plato. *Pir [Symposium].* Moscow, RIPOL Klassik+ Publ. 2020. 314 p. [In Russian]
30. Plato. *Fedon [Phaedo].* Moscow, Azbuka Publ. 2012. 488 p. [In Russian]
31. Rand A. *Atlant raspravil plechi : v 3 kn. [Atlas Shrugged]*, trans. by Yu. Sokolov, V. Veber, D. Voznyakevich. Moscow, Alpina Publisher Publ, 2015. [In Russian]
32. Searle J. *Otkryvaya soznaniye zanovo [The Rediscovery of the Mind].* Moscow, Ideya-Press Publ, 2002. 240 p. [In Russian]
33. Setnitsky N. *O konechnom ideale [On the final ideal].* Moscow, ROSSPEN Publ, 2010. 736 p. [In Russian]
34. Tolstoy L. *Voyna i mir [War and Peace].* Moscow, Azbuka Publ, 2 vol. 2022. [In Russian]
35. Trotsky L. D. *Istoriya russkoy revolyutsii. T. 1. Fevral'skaya revolyutsiya [History of the Russian Revolution. Vol. 1]. MIA.* URL: <https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1930/trotl007.htm> (accessed: 15.09.2023). [In Russian]
36. Wallah J. R. *Plato's Socratic Problem, And Ours [Sokraticheskaya problema Platona]. History of Political Thought.* 1997. Vol. 18, No. 3 (Autumn 1997). Pp. 377–398. [In Russian]
37. Freud S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «Ya» [Group Psychology and the Analysis of the Ego]*, trans. by K. M. Korolev. Moscow, AST Publ, 2021. 448 p. [In Russian]
38. Fromm E. *Imet' ili byt'? [To Have or to Be?]*, trans. by E. M. Telyatnikovoy. M.: AST, 2021. 320 s. [In Russian]
39. Foucault M. *Arkheologiya znaniya [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]*, trans. by M. Rakova, A. Serebryannikova. Moscow, Gumanitarnaya akademiya Publ, 2020. 416 p. [In Russian]

40. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]*. Moscow, Ad Marginem Publ, 2018. 416 p. [In Russian]
41. Heidegger M. *Bytiye i vremya [Being and Time]*, trans. by V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ, 2015. 460 p. [In Russian]
42. Khlebnikov G. *Filosofiya informatsii Luchano Floridi [Philosophy of information Luciano Floridi]. Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoy informatsii*. 2013. No. 21. Pp. 15–57. [In Russian]
43. Hofstadter D. *Godel', Esher, Bakh: eta beskonechnaya girlyanda [Güdel, Escher, Bach: an Eternal Golden Braid]*. Moscow, Bakhrakh-M Publ, 2001. 752 p. [In Russian]
44. Jung C. *Psikhologicheskiye tipy [Psychological Types]*. Moscow, AST Publ, 1998. [In Russian]

*Статья поступила в редакцию 15.02.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024*

*The article was received by the editorial staff 15.02.2024
The article is approved for publication 24.06.2024*

П. А. Сиваев
*Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого*

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БИОИНЖЕНЕРИЯ: ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Целью статьи является этическая интерпретация основных проблем искусственного интеллекта во взаимодействии с биоинженерией. В статье рассматривается новое направление в биоинженерии, применяющей в своих разработках искусственный интеллект. Взаимодействие биоинженерии и ИИ актуализирует проблемы, требующие этической оценки и анализа. **Научная новизна** заключается в определении этического содержания проблем взаимодействия искусственного интеллекта и биоинженерии. **В результате** автор определяет основные этические аспекты проблем взаимодействия искусственного интеллекта и биоинженерии.

Ключевые слова: биоинженерная этика, этика искусственного интеллекта, применение биотехнологий, биоэтика, этические аспекты биоинженерии, профессиональная этика ученого, этос науки, этика науки

P. A. Sivaev
*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIOENGINEERING: ETHICAL ISSUES OF INTERACTION

The purpose of the article is an ethical interpretation of the main problems of artificial intelligence in interaction with bioengineering. The article examines a new trend in bioengineering that applies artificial intelligence in its developments. The interaction of bioengineering and AI raises issues that require ethical assessment and analysis. The scientific novelty lies in determining the ethical content of the problems of interaction between artificial intelligence and bioengineering. As a result, the author identifies the main ethical aspects of the problems of interaction between artificial intelligence and bioengineering.

Keywords: bioengineering ethics, ethics of artificial intelligence, application of biotechnologies, bioethics, ethical aspects of bioengineering, professional ethics of a scientist, ethos of science, ethics of science.

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-120-129

В современном мире биоинженеры, под влиянием динамичного техногенного развития общества, все чаще включают в технологии системы искусственного интеллекта, что открывает перед учеными новые горизонты для научных исследований и технологических инноваций. Однако вместе с этим возникают и серьёзные этические вопросы, которые требуют тщательного анализа. В данной статье предполагается решить следующие задачи:

- проанализировать проблемы этики искусственного интеллекта в контексте биоинженерных технологий, как часть прикладной этики;
- обозначить этические проблемы биоинженерии с позиций профессиональной этики;

- определить наиболее проблемные этические аспекты взаимодействия искусственного интеллекта и биоинженерии.

Проблемы этики искусственного интеллекта в контексте биоинженерных технологий, как часть прикладной этики

Модели искусственного интеллекта (Далее – ИИ), интегрированные в нашу жизнь, делают ее проще и удобнее, позволяют не затрачивать энергию и время на то, с чем ученому приходилось трудно и продолжительно работать с более низким коэффициентом успешного результата. Системы ИИ порождают более новые биотехнологии. Применяя ИИ, ученые могут с большей четкостью исследовать биологические соединения, материалы, интерпретировать их, предсказывать их реакцию на внешние раздражители. Существует ряд технологий, получивших свое особое развитие при помощи ИИ, которые обуславливают необходимость изучения проблем последнего в биоинженерии как части этики ИИ и робототехники [9]. Таковыми являются несколько типов технологий, как:

- **технологии генетической инженерии** (Системы редактирования геномов TALENs, MEF2C; CRISPR/Cas9, в 2024 – библиотека белковых кластеров OpenCRISPR-1), которые направлены на редактирование генов, исправление вредных генетических мутаций в стволовых клетках ее на стадии эмбриона. ИИ в данной системе расширяет возможности модификации организмов, активируя новые функции, ранее недоступные ученым. К примеру, с помощью ИИ ученые создали библиотеку OpenCRISPR-1, в которой имеется в 4,8 раз больше сгенерированных белковых кластеров, чем существует в природе. OpenCRISPR-1 основан на больших языковых моделях, обучаемых работе с биологическим разнообразием. Данная технология демонстрирует успешное и максимально точное редактирование генома человека. Сейчас OpenCRISPR-1 имеется в открытом доступе, а это значит, что данной технологией могут пользоваться научно-исследовательские центры и коммерческие проекты. Этическим риском возможности пользования данными разработками является использование открытых данных в негативных целях (например, для создания нелегального биологического оружия или же проведение дополнительных нелегальных, подпольных и нарушающих моральную сторону экспериментов).

Этическими аспектами технологии геномной инженерии являются непредсказуемые последствия их применения (мутация, развитие новых заболеваний, усиление существующих), дискриминация и неравенство (создание «дизайнерских детей» (идеальных), улучшение генов только тех, кто способен оплатить данную операцию), нарушение прав человека (соответствие стандартам или нормам определенного общества, при которых человек под давлением обязан редактировать свои гены, что нарушает его права на неприкосновенность, свободу выбора и самоопределение), религиозные и культурные аспекты (противоречие культурным и религиозным убеждениям),

детский вопрос (насколько этично применять данные технологии к еще не родившемуся ребенку, то есть без его согласия), зависимость [8].

- **технологии чипирования** (компании Neuralink, Blackrock Neurotech, Precision Neuroscience, Synchron) предполагают вживление в мозг человека чипа, после калибровки, которого человек может управлять компьютерными системами без применения ручных средств (дистанционно, силой мысли). Операции по вживлению проводятся под местной анестезией с применением робота-хирурга (человеческий фактор при операции снижен к нулю). Пациенты, которым успешно вживили чип в мозг, положительно отзываются о новых возможностях взаимодействия с реальным миром. Однако, существует ряд исследований, доказывающий обратный эффект, когда пациенты теряли чувство самоидентичности, уверенности и автономности, регистрировались попытки самоубийства [7]. Изначально предполагалось создание таких технологий для восстановления способностей парализованных пациентов взаимодействовать с внешним миром. Помимо парализованных пациентов к применению технологии хотят прибегнуть более тысячи здоровых человек, которые желают улучшить свои когнитивные способности и память. Компании, в особенности Neuralink, работают над развитием технологии интерфейса «компьютер-мозг» для управления памятью мозга подобно памяти компьютера, обмена мыслями и информацией. Относительно последнего, компании работают над повышением уровня общения мыслями без необходимости говорить или писать. К такому результату компания планирует прибегнуть, создав симбиоз людей и машин при помощи искусственного интеллекта.

Рисками развития подобной технологии являются биологическая опасность, заключающаяся в организации действий вне предписанных правил; аспект защиты данных, которые через электрические сигналы могут уйти в руки злоумышленников (или аспект «взлома мозга»); поломка устройства, которая будет требовать его замены, что чревато дополнительными, не гарантирующими успеха медицинскими вмешательствами; прекращение финансирования или закрытие компании, поддерживающей функционирование чипа, которое будет свидетельствовать об утрате пациентами своих возможностей при имеющемся чипе в мозге (участники исследований, использующие чип, после его удаления погрузились в депрессию); проблема киберпсихоза.

Чипирование затрагивает ряд этических проблем. Среди таковых являются:

- задействование в экспериментах животных, большое число которых получило смертельные травмы во время процедур, бактериальные инфекции из-за вживления инородного тела в мозг, а также токсического влияния на ткани мозга вещества, применяемого при вживлении;

- кризис идентичности, выражающийся в размывании границ между реальным и идеальным;

- увеличение уровня социального неравенства и несправедливости;

- утрата контроля над личными данными;

- нарушение конфиденциальности и личной неприкосновенности;

- **технологии дополненной и виртуальной реальности** (англ. Augmentedreality (AR) – дополненная реальность, virtualreality (VR) – виртуальная реальность) позволяют воссоздать искусственным образом несуществующие элементы в реальном мире через полное погружение в виртуальную реальность (VRтехнологии) или дополнение действительной реальности элементами виртуальной (ARтехнологии). Активно используются в медицине для более детального изучения болезни, хода лечения, отработки практических навыков при обучении. Применяются в таких направлениях, как:

- реабилитология (создание эффекта плацебо посредством замены реальности, в которой человек с ампутированной рукой видит ее существующей, что позволяет снизить эффект фантомных болей и улучшения психоэмоционального состояния больного);

- психотерапия (воссоздание проблемной ситуации в виртуальной реальности, что позволит пациенту отработать травматическую ситуацию);

- кардиология, нейрохирургия (моделирование патологического процесса с физиологической точки зрения, визуализация предстоящего хода операции);

- диагностика нейродегенеративных и неврологических заболеваний (восстановление забытых моментов, адаптация к сложившейся ситуации, калибровка сенсоров в физической реальности через виртуальную) [5].

Этическими проблемами использования дополненной и виртуальной реальностей являются:

- нестабильность работы оборудования;

- негативное воздействие на здоровье (побочные эффекты из-за высокой чувствительности к визуальным эффектам);

- ограничения для определенных групп пациентов, нарушение конфиденциальности (необходимо обеспечить защиту данных пациентов от несанкционированного доступа);

- этичность использование информации (насколько этично будет использование информации для принятия решений о лечении или других процедур);

- зависимость от технологии;

- искажение восприятия реальности;

- изменение характера взаимодействия между врачом и пациентом (снижение качества медицинской помощи или уровня доверия пациентов к врачам);

- неравенство в доступе;

- снижение качества традиционного медицинского образования.

Резюмируя проанализированные типы технологий, выделим общие этические для всех них проблемы:

- отсутствие прочной доказательной базы эффективности и безопасности;

- высокий риск причинения вреда здоровью пациента при применении систем искусственного интеллекта по сравнению с обычными медицинскими изделиями;

- повышенный риск сбоя метрик точности систем искусственного интеллекта при их внедрении в реальную клиническую практику;
- ответственность за ошибочные решения, принятые медицинским работником на основе рекомендаций искусственного интеллекта;
- проблема «черного ящика»;
- страхи перед системами искусственного интеллекта;
- конфиденциальность медицинской информации, проблема социального неравенства [3, с. 47].

Этические проблемы биоинженерии с позиций профессиональной этики

Стремительное увеличение количества и улучшение качества технологий расширяет сферы деятельности инженера, каждая из которых имеет свою специфику и широкий спектр моральных проблем, с которыми ученому приходится встречаться каждый день. Это обуславливает появление самостоятельных инженерных этик. Одной из видов выделившейся этики является этика биоинженерии, как вид профессиональной этики, находящейся на стыке этики ученого и этики инженера. Биоинженерия является совокупностью технологических процессов, производимых в целях изменения, проектирования, конструирования живых организмов. Стремительное развитие биотехнологий привело к вопросу об этичности разработки данных технологий и их дальнейшей реализации. Если цели биоинженерии соответствуют целям инженерии, то мы можем дать следующее определение этики биоинженерии – это совокупность моральных принципов и норм, которыми руководствуются инженеры при разработке биотехнологий и дальнейшей работе с ними. Основопологающими принципами этики биоинженерии являются осознание ответственности за результаты своей работы, уважение к жизни и достоинству человека, справедливость и равенство, доступность новых технологий. Помимо этого, при разработке новейших биотехнологий ученый должен учитывать этические аспекты генной инженерии и клонирования, которые подразумевают собой соблюдение границ допустимого вмешательства в генетический код человека и не нарушение его идентичности [6].

Однако, существует ряд проблем, которые придают глобальную значимость этике.

С религиозной точки зрения, вмешательство в процессы функционирования живых организмов уже является нарушением устоявшихся религиозных моральных принципов. Вмешательство в естественный ход вещей, в этом смысле, может рассматриваться как осуществление действий, право на которые есть только у Бога. Писание предостерегает от подобного (например, Библия, Бытие, глава 3, когда человечество восстало против Божьего плана). Помимо этого, стремление к изменению человека мотивировано отвержением Бога.

Необходимо отметить и этико-социальные особенности современной науки. Сегодняшняя специфика этоса науки заключается в сочетании науки и

корпоративной деятельности на рынке знаний и технологий. Несмотря на сохранение в самосознании ученых моральной и методологической значимости классических принципов, сформулированных Робертом Мертоном, в ситуациях, где ученый начинает играть роль бизнесмена, начинают превалировать принципы Иена Митроффа, которые являются прямо противоположными. Среди данных принципов можем выделить такие, как:

- корпоративный эгоизм (знания являются собственностью корпорации. Они патентуются и могут быть проданы другим представителям научного сообщества);

- партикуляризм (оценка значимости достижений строится на практической полезности для корпорации или исследовательского института, в котором ученый работает);

- заинтересованность (научные исследования мотивированы интересом получения прибыли. Истина – сопутствующий момент в процессе получения экономической пользы);

- организованный догматизм (исследователи обязаны быть критичными к достижениям представителей других научных сообществ, однако к разработкам членом собственной команды они должны быть солидарны) [1, с.2-3].

Выделенные принципы создают моральную проблему, а точнее конфликт интересов, с которым встречается ученый под влиянием динамично и агрессивно развивающейся техногенной цивилизации. Нарушение размеренного ритма жизни общества разрушает уже устоявшиеся культурные формы. Московский экофилософ, профессор А. Н. Тетиор справедливо заметил, что отмечаемые риски не являются краткосрочной перспективой, они покажут себя через несколько поколений, однако уже будет поздно, ибо негативный фактор научных открытий может выйти из-под контроля [1].

Основные этические аспекты взаимодействия искусственного интеллекта и биоинженерии

Современный мир, ознаменованный большими объемами данных и информации, нуждается в ее структуризации и манипуляции. Однако, адаптация к новым технологиям должна происходить постепенно, не преломляя резко устоявшиеся нормы и традиции общества. Этому могут способствовать постепенные шаги по внедрению информационных систем, которые заключаются в создании правовой и этической основы для них. Проведение экспертных советов, форумов общественников, кампаний, знакомящих людей с политикой работы с новыми системами, научных конференций. Данная рекомендация обусловлена общим принципом ответственного отношения к системам искусственного интеллекта – доверием (к производителю, к данным, к моделям, к продукту). Практическая реализация предложенного принципа позволит создать фундамент по разработке специализированного регулирования взаимодействия человека с искусственным интеллектом и разработанными на его основе современными биотехнологиями.

В этой связи необходимым представляется продолжение работы исследователей и экспертов по таким направлениям, как:

- создание критериев оценки эффективности, полезности и безопасности применения технологий искусственного интеллекта в сфере биоинженерии;

- создание экспертного сообщества, задействованного в сфере оценки данных критериев, и входящего в комитет по этике по разработке биотехнологий с применением систем искусственного интеллекта в соответствующих сферах;

- разработка и реализация дополнительных профессиональных программ по обучению сотрудников, задействованных в работе с искусственным интеллектом и экспертов, занятых в работе этических комитетов по технологиям искусственного интеллекта;

- создание отраслевых этических кодексов с включением в них кейсов (ситуаций), которые требуют нестандартного этического решения и доработка нормативно-правовых актов, регулирующих безопасность применения новейших технологий;

- регулирование вопроса ответственности при возникновении сбоя системы;

- решение и регулирование вопроса применения современных разработок в коммерческих целях;

- контроль несанкционированного доступа к рабочим данным потребителей технологий биоинженерии.

Таким образом, мы проанализировали этические аспекты и определили пути предотвращения возникающих проблем и возможностей применения достижений современной биоинженерии в контексте искусственного интеллекта, что позволяет сделать следующие выводы:

- современный мир характеризуется стремительным увеличением количества информационных технологий, в которых присутствуют алгоритмы искусственного интеллекта (например, технологии геномной инженерии, чипирования и дополненной и виртуальной реальности). Искусственный интеллект позволяет оптимизировать работу, находить нестандартные решения, создавать множество новых комбинаций, которые в последующем так же при помощи систем искусственного интеллекта начинают изучаться, интерпретироваться и реализовываться. Сегодня роль человека начинает отходить на второй план, серьезные хирургические вмешательства доверяют роботизированным системам. Это обусловлено их большей четкостью и аккуратностью в производимых действиях. Традиционные религиозные ценности и представление о правах, присущих лишь Богу, трансформируются, формируя новые информационные и технологические ценности, где Богом является уже создатель самой системы. Данный процесс доказывает размывание присущих людям этических и бытийных границ. Это обуславливает создание новых этических стандартов;

- современная инженерия имеет свою специфику и моральные проблемы. Выделяющиеся из инженерии сферы требуют создания отдельных отраслевых этик. Так, биоинженерия, имеющая схожие цели с инженерией и

пересекающаяся с разработкой биотехнологий, имеет своим определением совокупность моральных принципов и норм, которыми руководствуются инженеры при разработке биотехнологий и дальнейшей работе с ними;

- одними из главных рисков разработки и применения технологий биоинженерии на основе искусственного интеллекта являются неэкологичность и неэтичность эксперимента, размытие границ реальности у потребителей технологий, киберпсихоз, кража данных и манипулирование ими злоумышленниками;

- при возрастании негэнтропии в одной сфере, возрастает энтропия в другой и наоборот. Таким образом, необходимо постоянно исследовать все аспекты внедряемых технологий, которые помимо положительного, могут иметь и негативный эффект. Данное исследование должно начинаться с момента зарождения программы исследования, заканчивая внедрением ее продукта;

- этическими аспектами ученого являются: раздвоение мира ученого на 2 стороны, где существуют «наука ради науки» и «наука ради прибыли». В случаях, где ученый является наемным научным работником, его моральные установки претерпевают трансформацию в коммерческом направлении, которые вызывают конфликт интересов. Помимо этого, под влиянием динамичного техногенного развития еще одним этическим аспектом ученого является невозможность долгосрочного прогнозирования безопасности и эффективности созданных технологий. Так, становится необходимым создание экспертных сообществ, комитетов по этике, а также критериев оценки применения новейших технологий;

- последовательное, безопасное и эффективное внедрение новейших биотехнологий с применением искусственного интеллекта заключается в формировании у человека доверия к производителю, к данным, к моделям, к продукту. Это позволит реализовать изложенные выше принципы.

Литература

1. Воронцов С. А., Николаева Л. Ю. Морально-этические проблемы развития биотехнологии // Вестник молодежной науки. 2017. № 5 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-eticheskie-problemy-razvitiya-biotehnologii> (дата обращения: 07.06.2024).

2. Воронцова З. И. Биоэтика как нравственно-правовой регулятор биотехнологических исследований // Общество: философия, история, культура. 2011. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-kak-nravstvenno-pravovoy-regulyator-biotehnologicheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 07.06.2024).

3. Гусев А. В., Шарова Д. Е. Этические проблемы развития технологий искусственного интеллекта в здравоохранении // Общественное здоровье. 2023. Т. 3, № 1. С. 42–50.

4. Денисов Э. И. Роботы, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность: этические, правовые и гигиенические проблемы // Гигиена и санитария. 2019. № 1. С. 5–10.
5. Намиот Е. Д. Дополненная реальность в медицине // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Т. 7, № 11. С. 94–99.
6. Сычев А. А. Биоинженерная этика // Ведомости прикладной этики. 2015. № 47. С. 84–94.
7. Gilbert F. Deep Brain Stimulation for Treatment Resistant Depression: Postoperative Feelings of Self-Estrangement, Suicide Attempt and Impulsive–Aggressive Behaviours // Neuroethics. 2013. Vol. 6. P. 473–481. URL: <https://doi.org/10.1007/s12152-013-9178-8>.
8. Application of CRISPR/Cas 9 to human-induced pluripotent stem cells: from gene editing to drug discovery / C. De Masi [et al.] // Human Genomics. 2020. Vol. 14. Article number 25. URL: <https://doi.org/10.1186/s40246-020-00276-2>.
9. Мьller V. C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy : electronic edition / ed. E. N. Zalta, U. Nodelman. Date of publication: 30.04.2020. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/ethics-ai/>.

References

1. Vorontsov S. A., Nikolayeva L. Yu. Moralno-eticheskiye problemy razvitiya biotekhnologii [Moral-ethical problems of development of biotechnology], *Vestnik molodezhnoy nauki*, 2017, No. 5 (12), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralno-eticheskie-problemy-razvitiya-biotekhnologii> (accessed: 07 June 2024). [In Russian]
2. Vorontsova Z. I. Bioetika kak npravstvenno-pravovoy regulyator biotekhnologicheskikh issledovaniy [Bioethics as moral-and-legal regulator of biotechnological researches], *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2011, No.1-2, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-kak-npravstvenno-pravovoy-regulyator-biotekhnologicheskikh-issledovaniy> (accessed: 07 June 2024). [In Russian]
3. Gusev A. V., Sharova D. Ye. Eticheskiye problemy razvitiya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v zdravookhraneni [Ethical problems in the development of artificial intelligencetechnologies in healthcare], *Obshchestvennoye zdorovye* [Public Health], 2023, Vol. 3, No.1, Pp. 42–50. [In Russian]
4. Denisov Ye. I. Roboty, iskusstvennyy intellekt, dopolnennaya i virtual'naya real'nost': eticheskiye, pravovyye i gigiyenicheskiye problemy [Robots, artificial intelligence, augmented and virtual reality: ethical, legal and hygienic issues], *Gigiyena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation], 2019, No.1, Pp. 5-10. [In Russian]
5. Namiot Ye.D. Dopolnennaya realnost v meditsine [On augmented reality in medicine], *International Journal of Open Information Technologies*, 2019, Vol. 7, No.11, Pp. 94-99. [In Russian]

6. Sychev A. A. Bioinzhenernaya etika [Ethics of bioengineering], *Vedomosti prikladnoy etiki*, 2015, No.47, Pp. 84-94. [In Russian]

7. Gilbert F. Deep Brain Stimulation for Treatment Resistant Depression: Postoperative Feelings of Self-Estrangement, Suicide Attempt and Impulsive–Aggressive Behaviours , *Neuroethics*, 2013, Vol. 6. Pp. 473–481. URL: <https://doi.org/10.1007/s12152-013-9178-8>.

8. De Masi, C., Spitalieri, P., Murdocca, M. et al. 8. Application of CRISPR/Cas 9 to human-induced pluripotent stem cells: from gene editing to drug discovery, *Human Genomics*, 2020, Vol. 14, Article number 25, URL: <https://doi.org/10.1186/s40246-020-00276-2>.

9. Мьллер V. C. Ethics of Artificial Intelligence and Robotics, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. E. N. Zalta, U. Nodelman, URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2023/entries/ethics-ai/>

Статья поступила в редакцию 08.06.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 08.06.2024
The article is approved for publication 24.06.2024

Янь Хаоюэ
*Санкт-петербургский
государственный университет*

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА НА СОВРЕМЕННУЮ РЕКЛАМУ В КИТАЕ

В статье выявляются связи и отношения конфуцианской культуры и современной рекламы. Анализируются остающиеся актуальными идеи пяти констант социальной жизни. Демонстрируются современные китайские коммуникативные кампании, которые опираются на традиционные ценности, конфуцианский образ мышления, а также рекламные сообщения актуализирующие представления об идеальных личностях и регламентах морального поведения. Исследуется реклама, обыгрывающая этикет и обычаи, заложенные в традиционной культуре. На современных примерах показана реализация «Пяти добродетелей» – гуманность, праведность, ритуал, мудрость и искренность. Анализируя внутреннюю связь коммуникативного послания и традиции, автор выявляет положительное влияние, оказываемое конфуцианской культурой на создателей и реципиентов современной китайской рекламы. В заключение статьи делается вывод, что конфуцианство не ушло в прошлое, но остается одним из культурных кодов, формирующих китайский национальный характер. Несмотря на модернизацию страны, оно продолжает выступать, иногда бессознательно, как ценностный ориентир и даже поведенческий и эстетический стереотип с точки зрения исследования рациональных основ потребительского общества. Это должно учитываться маркетологами, рекламодателями и рекламистами, работающими на современном китайском рынке в любой сфере, поскольку знание об этом делает коммуникацию с китайской аудиторией более эффективной.

Ключевые слова: маркетинг, реклама, конфуцианство, пять констант, эффективность, «жэнь» (仁 -гуманность), «и» (义 -праведность), «ли» (礼 -ритуал), «чжи» (智-мудрость), «синь» (信-искренность).

Yan Haoyue
*St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)*

THE INFLUENCE OF CONFUCIANISM ON MODERN ADVERTISING IN CHINA

The article reveals the links and relations between Confucianism and modern advertising. The author analyzes ideas of the Five Constant Virtues of social life that remain relevant. The article demonstrates modern Chinese communication campaigns that are based on traditional values, Confucian way of thinking, as well as advertising messages that actualize the ideas of ideal persons and regulations of moral behavior. The author studies advertising that plays on etiquette and customs embedded in traditional culture. The modern examples show the realization of the "Five Constant Virtues" - benevolence, righteousness, propriety, wisdom and fidelity. Analyzing the inner connection between the communicative message and tradition, the author reveals the positive influence Confucianism has on the creators and recipients of modern Chinese advertising. The article concludes that Confucianism is not a thing of the past, but remains one of the cultural codes that shape the Chinese national character. Despite the modernization of the country, it continues to act, sometimes unconsciously, as a value reference and even a behavioral and aesthetic stereotype in terms of exploring the rational foundations of consumer society. This should be taken into account by marketers, advertisers and ad makers working in the modern Chinese market in any field, as knowledge of it makes communication with Chinese audiences more effective.

Keywords: marketing, advertising, Confucianism, Five Constant Virtues, efficiency, ren (仁 benevolence), yi (义 righteousness), li (理 propriety), zhi (智 wisdom), xin (信 fidelity).

DOI 10.22405/2304-4772-2024-1-2-130-138

В отличие от современной массовой западной культуры, предлагающей себя миру в качестве глобальной, традиционная китайская культура, несомненно, является культурой намного большей стабильности. Это жители КНР ценят. Стабильность в развитии китайцам обеспечивают традиции, которые передаются с детства через методы межличностного общения, таких как обучение словом и приобщение к правилам, и далее по мере взросления человека через тонкое влияние на сознание, посредством образования, предъявления образцов и примеров, и всё с опорой на базовые человеческие различия и опыт всеединства [1, с. 20-23]. Это формирует внутренние и глубинные характеристики китайского менталитета в его универсализме и специфике. Обусловленные культурой черты китайского характера играют не всегда рефлекслируемую со стороны носителей ханьской идентичности, но всегда важную роль в любой коммуникации в Китае, в том числе и в рекламной. Это может показаться странным в западных странах, но в Китае не только глобальная мода и футуристические проекты, но и древние традиции задают тренды и участвуют в функционировании рекламной индустрии. Одна из таких фундаментальных традиций конфуцианство. Оно до наших дней выступает своего рода культурным кодом китайского этоса [2, с. 52-65]. Не будет большим преувеличением признать конфуцианство ядром традиционного мышления и культурных ценностей всей китайской нации [3, с. 538]. Предлагаемое вниманию исследование китайской рекламы призвано показать, что использование конфуцианских идей и паттернов как в тематике коммуникационных кампаний, так и в современном рекламном креативе, с большей вероятностью вызовет у китайской аудитории положительный отклик, благодаря возникающему у людей ощущению родства, узнавания, солидарности и это первое принятие уже далее переносится на принятие товара, услуги или другой рекламной, или PR информации. Таким образом цель настоящей работы исследовать влияние конфуцианства на современную рекламу в Китае. Эту цель, предполагается достигнуть посредством последовательного выявления связей современной рекламы с каждой из пяти добродетелей (五常), зафиксированных в древнем конфуцианском каноне.

«Пять добродетелей», а именно «жэнь» (仁 - гуманность), «и» (义 - праведность), «ли» (礼 - ритуал), «чжи» (智 - мудрость), «синь» (信 - искренность) уже около двух тысячелетий служат для поддержания иерархии и социального порядка в Китае и за это время стали базовым кодексом поведения для человека. Эти категории использовались для анализа собственного поведения и выстраивания отношений в межличностном общении, между личностью и коллективом и шире обществом в целом, пронизывая развитие всей китайской этики [4, с. 432]. Если говорить более конкретно, то конфуцианство – это школа мысли, которая фокусируется на гуманизме и выступает за гармоничное

вхождение в общественный мир. На этом общем посыле со времен Конфуция оттачивались основные принципы морали, которые уточнялись в синтезе с буддийской мыслью, даосизмом и всё это постоянно адаптировалось к историческим потребностям общества. До сегодняшнего дня гуманность «жэнь» мыслится как сердце китайской идеологии, праведность «и» как дух системы взаимоотношений, ритуал «ли» как поведенческий норматив, мудрость «чжи» как характер и искренность «синь» как руководство к действию. Следование этим правилам в Китае называется «путь пяти добродетелей». Проиллюстрируем актуальность этих положений на примере современной рекламы.

«Жэнь» (仁-гуманность)

Традиционное конфуцианство представлено основным понятием «жэнь (гуманность)» в учении Конфуция (孔子) и Менцием (孟子) [5, с. 482], и другими мудрецами древности. Как сказал Чжу Си (朱熹), знаменитый философ династии Сун: «Совершенство людей заключается в пяти добродетелях, а пять добродетелей – в "жэнь"» [6, с. 474]. Состав пяти добродетелей «жэнь» в основном относится к эмоциональной основе человеческих отношений. Отсюда и этические нормы, в которых ядром выступает чувство любви и привязанности между людьми. В Аналектах Конфуция, Янгуо XII говорится: «Фан Ши спросил, что такое "жэнь". Конфуций ответил: Любовь» [7, с. 238]. В книге «Введение в китайскую культуру» понятие благожелательности объясняется более ясно: «"жэнь" – это взаимопонимание, всеобщая связь и взаимное питание жизни между небом, землёй, человеком, вещами и мной. Люди рождаются с состраданием и любовью и способны сопереживать чужой боли и радости. Те, у кого в сердце есть "жэнь", относятся с любовью к себе и любовью к другим» [8, с. 480].

Таким образом, мы видим, что суть, по-конфуциански понимаемой гуманности "жэнь", заключается в любви к другим. Отметим также, что эти моральные чувства конфуцианской культуры делятся на две основные линии: внутреннюю и внешнюю, которые соответствуют межличностным отношениям и чувствам привязанности в семье и любви к другим в широкой социальной среде. Это сыграло чрезвычайно важную роль в формировании тесных семейных уз, стабильности в семье и обществе, а также не менее успешно работает в современных креативных рекламных решениях. Приведем примеры.

В рекламном ролике «Матери и ребёнка» (рис. 1), снятом компанией NAXIS в 2001 году для стирального порошка Eagle, запечатлена уволенная мать, ищущая работу вне дома, а её разумный ребёнок использует стиральный порошок Eagle, чтобы разделить с матерью домашние хлопоты. Придя домой, мать обнаруживает, что её ребёнок спит, а одежда выстирана, и видит записку, оставленную ребёнком: «Мамочка, я могу помочь тебе с работой». Мать разражается слезами, а реклама заканчивается слоганом: «Выбирайте правильное, а не дорогое». Конфуцианская этика сыновней почтительности и любви к своей семье, затронутая рекламой это то, что высоко ценится в конфуцианской культуре. Реклама вызвала широкий общественный резонанс.

После её запуска продажи стирального порошка Eagle's выросли на 35 процентов за три квартала. Реклама была выбрана журналом «Modern Advertising Magazine» в качестве одной из десяти лучших местных телевизионных реклам.

Рисунок 1 - Реклама «Матери и ребёнка»

В 1997 году реклама шампуня Oni сопровождалась слоганом: «Великая стена никогда не падёт, национальный продукт должен быть самодостаточным» (рис. 2). Всего за несколько десятков секунд рекламы, передаётся сильная по идее история традиционной благожелательности в широком социальном диапазоне любви к Родине, порождённой патриотическим мышлением. Этот рекламный посыл, обеспечил компании Oni вхождение в топ-10 китайской рекламы и сопровождался ростом популярности и увеличения доли рынка.

Рисунок 2 -Реклама шампуня Oni «Великая стена»

«И» (义-праведность)

«И» (праведность) и «жэнь» (гуманность, построенная на любви) нередко используются в Китае для обозначения морали в целом. Среди пяти добродетелей «и» – это набор конфуцианских ценностей для межличностных отношений, представляющих собой чувство долга и верности, а также стремление китайцев к высокой нравственности.

В повседневной жизни люди часто рассматривают «и» с точки зрения взаимосвязи между праведностью и прибылью. Уже Конфуций а потом Дун Чжуншу (董仲舒) и другие развивали этическую идею, согласно которой праведность важнее прибыли. Например, Конфуций использовал категорию «и» и возможное получение выгоды в качестве критерия для различения благородного мужа и злодея: «Благородный муж – это метафора праведности, а злодей – метафора выгоды». Дун Чжуншу говорил: «"и" не ищет выгоды». Сегодня такая трактовка понятия, воспринимается несколько односторонней, поскольку отношения между праведностью и прибылью чаще рассматриваются с диалектической точки зрения. «И», как моральная категория, является

продуктом экономической базы, но она также реагирует на экономическую базу. Поэтому, с одной стороны, «прибыль» является основой «праведности», и благодаря прибыли легче реализовать праведность. С другой стороны, «праведность» способствует и сдерживает развитие прибыли.

На самом деле, в глубине души китайцы едины в своём неприятии откровенно корыстного бизнеса и рекламы. Поэтому, хотя реклама, особенно товарная, по своей природе в высшей степени утилитарна именно реклама, максимально отражающая «альтруизм», имеет больший потенциал сблизить отношения компании, бренда с потребителями. Как и в случае с рекламой для аптек в 2022 году: «Я бы хотел, чтобы в мире не было болезней, даже если бы лекарства на полке запылились». Подобные рекламные объявления показывают, что клиент - это самое главное, и что цель – думать о клиенте всей душой, отражая традиционную конфуцианскую идею «и».

«Ли» (禮-ритуал)

Среди пяти добродетелей «ли (ритуал)» – это конфуцианские способы поведения в межличностных отношениях, которые в основном состоят из социальной иерархии, моральных норм и ритуалов. «Ли» относится не только к вежливости, учтивости и гостеприимству, но и к нашему отношению и знаниям о людях и вещах.

В короткометражном фильме «Фува» каждое улыбающееся лицо в серии рекламы Олимпийских игр 2008 года в Китае полностью выражало готовность Китая принять иностранных гостей и воплотить в жизнь коннотацию «ли» по отношению к иностранным гостям. В короткометражной рекламе «Аплодисменты» (рис. 3), аплодисменты постоянно сопровождают разных персонажей и появляются в разных кадрах обмена дальними и средними взглядами, в рекламе нет диалога персонажей, а все сюжетные комбинации передаются только через взаимодействие спортсменов и зрителей, а также взаимодействие старших и младших. Завершается рекламный ролик слоганом «Пусть мир услышит наши аплодисменты». Реклама выражает самые трогательные детали нашей жизни, которые легко упустить из виду, и в то же время в полной мере выражает идею правильного поведения «ли».

Рисунок 3 -Китайская олимпийская реклама «Аплодисменты»

«Ли» также часто превращается в «подарок» в современной китайской рекламе. Ведь эта категория включает в себя дар сыновней почтительности от младших к старшим, дар уважения от учеников к учителям и дар друзей друг другу. Например, рекламный слоган Eaton Paper Company гласит: «Одно из самых больших сожалений в жизни – отсутствие переписки между друзьями». Рекламный слоган Maxwell на Тайване – «Хорошими вещами нужно делиться с

хорошими друзьями». Этот девиз получил награду Golden Sentence Award на первом тайваньском конкурсе рекламных слоганов.

«Чжи» (智-мудрость)

"Чжи (мудрость)" в пяти добродетелях – это не метафизический, но вполне рациональный коммуникативный принцип, осуществляемый в межличностных отношениях. Его главное проявление заключается в различении правильного и неправильного, «добра» и «зла», а также в сдерживании переполняющих человека вожделений. В центре «чжи», по Конфуцию, находятся не познавательные способности, но широкий философский взгляд на жизнь и мир, своего рода житейская мудрость, основанная на знании людей, и проистекающие из этого радость и восторг. Менций в книге «Цзуй Чжи» писал: «Ум правильного и неправильного – это также ум мудрости» [8, с. 280].

В последующих поколениях «чжи» постепенно трансформировалось в знание и мудрость. И по сей день одна из социалистических концепций чести и позора, активно пропагандируемая в Китае связана с понятием мудрости как достоинства. На улицах и в переулках по всему Китаю можно увидеть: «Честь науке и позор невежеству», «Суеверия заставляют людей падать в пучину невежества, наука заставляет людей подниматься на вершину мудрости», «Знания меняют судьбу, наука и техника укрепляют национальную мощь» и другие подобные слоганы.

В современной коммерческой рекламе, с развитием экономики и науки и техники, все больше рекламы основывается на отправной точке «мудрости» людей или «мудрости» как коннотации самого продукта, чтобы привлечь внимание потребителей. Например, в 2007 году China Construction Bank сделал телевизионную рекламу, в которой позаимствовал и перефразировал строчку из «Дао дэ цзин» [10, с. 448]: «Те, кто стоит на страже искренности, практичны, те, кто стремится к переменам, гибки, те, кто работает во имя добра, праведны, а те, кто строит, хороши – China Construction Bank». Этот текст взят из книги Лао Цзы глава 54, в которой говорится: «Единственный способ продвинуться дальше – сохранить честность и приносить пользу обществу». Более того, в связи с приходом экономики знаний люди стали уделять «мудрости» больше внимания, чем когда-либо прежде. Рекламная кампания 2024 года бренда добавок для здоровья Keda отражает этот менталитет в слогане «Keda делает вас умнее – рецепт счастья».

«Синь» (信-искренность)

Конфуций сказал: «Человек не может стоять без "синь (искренность)"» и «Человек, который не искренен, не знает, на что он способен». Среди Пяти добродетелей «синь» – это конфуцианская связь для межличностных отношений, которая требует не только честности и благонадёжности в речи и поведении, но и твёрдости и надёжности в понимании определенной вещи или концепции, и представляет собой отношения взаимного доверия между людьми.

За тысячи лет исторического развития понимание искренности как нормы проникло во все сферы общественной жизни Китая и стало частью

глубокого морального сознания китайской нации. Сменяющие друг друга поколения китайских бизнесменов хорошо понимают связь между конфуцианской моралью и бизнесом, а также то, что хорошая репутация и характер являются ключом к победе в деловом мире [11]. Доверие включает в себя как доверие между людьми, так и доверие к корпоративному бренду. Честность требует, чтобы реклама была правдивой, чтобы действительно завоевать доверие потребителей, поэтому многие компании возвели честность в ранг своей бизнес-философии.

Вэй Цзянь цзюнь, председатель Great Wall Motors, лично снялся в рекламной кампании премиального внедорожника Вэй в 2017 году, и по предложению команды назвал марку автомобиля в честь собственной фамилии (впервые в Китае). Поскольку в Китае издавна существует культура фамилий, она позволяет каждому проследить свои корни. Такой поступок воспринимается ни как хвастовство, а как отвага ответственности своего основателя перед своим родом и предками. Это решение повысило приверженность к бренду среди его потребителей.

Заключение

В конфуцианстве «жэнь, и, ли, чжи, синь» взаимозависимы и самодостаточны. «Жэнь» является ядром, а остальные четыре добродетели – это воплощение и действие любви, представленной "жэнь" [12]. Пять проанализированных добродетелей сформировали основной тон моральной системы китайской нации на несколько тысяч лет. Анализ и изучение китайской рекламы последних десятилетий показывает, что использование конфуцианских идей благотворно влияет на социальный маркетинг, бренд-билдинг, имидж людей, дизайн проектов. Конфуцианские концепты по-прежнему способствуют укреплению репутации бизнесменов, создают широкое сообщество лояльных аудиторий к фирмам и их продуктам и услугам. Весьма эффективны конфуцианские коды и в качестве основы рекламных кампаний. В силу живого отклика у аудитории, многие из них становятся предметом распространения информации по «сарафанному радио».

Литература

1. Алексеев-Апраксин А. М. Всеединство и Всеразличие // Обсерватория культуры. 2015. № 2. С. 20–23.
2. Алексеев-Апраксин А. М., Бяо Г. Культурные коды китайского этоса // Asiatica: труды по философии и культурам Востока. 2021. Т. 15, № 2. С. 52–65.
3. Ду В. Современная духовность и конфуцианская традиция. Шанхай: Жизнь, чтение, книжный магазин "Синьчжи саньянь". 2013. 538 с.
4. Чэнь Л. Древняя религия и этика: истоки конфуцианства. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2009. 432 с.
5. Шан Г. Исследование культуры доциньской конфуцианской ренологии. Сиань: Изд-во Шэньсийского ун-та. 1998. 482 с.

6. Чжан Ли. Исследование мысли Чжу Си. Пекин: Китайское изд-во обществ. наук, 2001. 474 с.
7. Конфуций. Аналекты Конфуция. Шанхай: Китайский книжный магазин. 1980. 238 с.
8. Ли Ц. Введение в китайскую культуру. Ухань: Изд-во Уханьского ун-та, 2005. 480 с.
9. Ян Б. Мэнцзы. Т. 1. Шанхай: Китайский книжный магазин, 1960. 280 с.
10. Гао Д. Исследование "Дао дэ цзин" Лаоцзы. Пекин: Изд-во Пекинского ин-та вещания, 1999. 448 с.
11. Го Хуэянь. Развитие китайской рекламы и её влияние на формы массовой визуальной коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 275-277.
12. Ван Ю., Ремчукова Е. Н. Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая // Научный диалог. 2021. № 8. С. 149–169.

References

1. Alekseev-Apraksin A.M. All-Unity and All-Difference. *Observatory of Culture*. 2015. No. 2, pp. 20-23. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2015-0-2-20-23> [In Russian]
2. Alekseev-Apraksin A.M., Biao G. Kul'turnyye kody kitayskogo etosa [Cultural codes of Chinese ethos]. *Asiatica: trudy po filosofii i kul'turam vostoka [Asiatica: Works on Philosophy and Cultures of the East]*. 2021. Vol. 15. No. 2. Pp. 52-65 [In Russian]
3. Du W. *Modern spirituality and Confucian tradition*. Shanghai. Life, reading, xinzhil sanliang bookstore Publ. 2013. 538 p. [In Chinese]
4. Chen L. *Ancient religion and ethics: the origins of Confucianism*. Beijing. Beijing University Press. 2009. 432 p. [In Chinese]
5. Shang G. *Research on the culture of preqin Confucian renology*. Xi'an. Shaanxi University Publishing House. 1998. 482 p. [In Chinese]
6. Zhang Li. *A study of Zhu Xi's thought*. Beijing. China Social Science Publishing House. 2001. 474 p [In Chinese]
7. Confucius. *Analects of Confucius*: 2nd edn. Shanghai. Chinese Bookstore Publ. 1980. 238 p. [In Chinese]
8. Li C. *Introduction to Chinese culture*. Wuhan. Wuhan University Publishing House. 2005. 480 p. [In Chinese]
9. Yang B. *Mengzi: The first volume*. Shanghai. Chinese Bookstore Publ. 1960. 280 p. [In Chinese]
10. Gao D. *A study of Laozi's Tao de jing*. Beijing. Beijing Institute of Broadcasting Publishing House. 1999.448 p. [In Chinese]

11. Gou Huiyan. The development of Chinese advertising and its impact on forms of mass visual communication // The World of science, culture and education journal. 2022. No. 3 (94), Pp. 275-277 [In Russian]

12. Wang Yuzhi, Remchukova, E. N. Konfutsianstvo v natsional'no-oriyentirovannom reklamnom tekste Kitaya [Confucianism in China's Nationally Oriented Advertising Text]. *Nauchnyi dialog*, No. 8., Pp. 149-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-149-169. [In Russian]

Статья поступила в редакцию 02.05.2024
Статья допущена к публикации 24.06.2024

The article was received by the editorial staff 02.05.2024
The article is approved for publication 24.06.2024

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Арефьев Александр Александрович** – соискатель кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (e-mail: fragor@rambler.ru).

2. **Береснева Валерия Леонидовна** – аспирант кафедры Технологии художественной обработки материалов Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (e-mail: barelav@yandex.ru).

3. **Богомазова Наталия Леонидовна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: nataliyabogomazova@yandex.ru).

4. **Валеева Галина Викторовна** – доцент, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: stark.k@rambler.ru).

5. **Зубец Ольга Прокофьевна** – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН (e-mail: olgazubets@mail.ru).

6. **Кон Вячеслав Александрович** – аспирант кафедры философской антропологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (e-mail: slava_kon@list.ru).

7. **Мелешко Елена Дмитриевна** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: eilen2016@yandex.ru).

8. **Музалевская Юлия Евгеньевна** – кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры технологии и художественного проектирования трикотажа Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (e-mail: muz-yuliya@yandex.ru).

9. **Назарова Юлия Владимировна** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных наук Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: fox353@yandex.ru).

10. **Подрезов Константин Андреевич** – кандидат политических наук, доцент, ректор Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: info@tsput.ru).

11. **Прокофьев Андрей Вячеславович** – доктор философских наук, доцент, врио заместителя директора по научной работе Института философии РАН (e-mail: avprok2006@mail.ru).

12. **Сиваев Павел Алексеевич** – аспирант кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: deintraum.tlc@gmail.com).

13. **Слобожанин Алексей Вячеславович** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого (e-mail: aslob85@yahoo.com).

14. **Янь Хаюэ** – аспирант кафедры рекламы Санкт-петербургского государственного университета (e-mail: apraksin.spb@gmail.com).

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЕ ВЕДОМОСТИ ТГПУ ИМ. Л. Н. ТОЛСТОГО»

Настоящие «Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (далее по тексту – Правила) определяют порядок и процедуру направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого». Ответственность за соблюдением настоящих Правил лежит на главном редакторе журнала. Текущий контроль за соблюдением требований, предусмотренными вышеуказанными документами, осуществляется ответственным редактором журнала.

1. Правила направления

1.1. Рукопись статьи должна быть оформлена в соответствии с Требованиями.

1.2. Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченным научным исследованием и содержать новые научные результаты. Статьи обзорного, биографического, рекламного характера, рецензии на научные монографии пишутся, как правило, по заказу редколлегии издания и оформляются в указанной редколлегией форме.

1.3. Общий объем рукописи статьи должен составлять 0,4 – 1,5 печ. л.

1.4. Рукопись статьи и заявление (образец заявления размещен на сайте журнала <http://tsput.ru/journals/21957/>) высылаются в редакцию по электронной почте по адресу: gumved@tsput.ru или предоставляются через систему подачи научных публикаций «Портала научных журналов ТГПУ им. Л. Н. Толстого» <http://tsput.ru/journals>. К статье в случае необходимости можно приложить исходные файлы иллюстраций, выполненных в одном из форматов: JPEG, TIFF, BMP (каждая иллюстрация должна быть записана в отдельном файле!).

2. Правила рецензирования

2.1. Настоящая часть Правил определяет порядок и процедуру рецензирования авторских оригиналов статей (рукописей), поступивших в редакцию журнала. «Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого» (далее по тексту – журнал).

2.2. Рецензирование рукописей организуется редакционной коллегией журнала и осуществляется в целях обеспечения и поддержания высокого научно-теоретического уровня издания и в целях отбора наиболее ценных и актуальных (перспективных) научных работ. Оно осуществляется корпусом рецензентов, в том числе членами редакционного совета издания.

2.3. Рецензированию подлежат все представленные для публикации в журнале материалы.

2.4. Порядок первичного рассмотрения статьи:

2.4.1. Редакция журнала принимает к рассмотрению статьи и материалы, отражающие научные взгляды, результаты и достижения фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области гуманитарных и общественных наук по основным разделам: «Философские науки», «Теория и история культуры». Материалы, не соответствующие тематике перечисленных предметных областей, к рассмотрению не принимаются.

2.4.2. Статья принимается к рассмотрению редакцией журнала при условии, что она соответствует требованиям, предусмотренными настоящими Правилами, размещенными на сайте журнала по адресу <http://tsput.ru/journals/21957/>.

2.4.3. Материалы принимаются только по электронной почте редакции gumved@tsput.ru или через систему подачи научных публикаций «Портала научных журналов ТГПУ им. Л. Н. Толстого» <http://tsput.ru/journals/> в следующем виде:

– тщательно вычитанный экземпляр статьи, оформленный согласно Требованиям, ранее нигде полностью не опубликованный и содержащий аннотацию (100–250 слов), ключевые слова (8–10) на русском и английском языках, а так же пристатейный библиографический список;

– заявка на публикацию (Приложение 1).

2.4.4. Материалы статьи должны носить открытый характер. Наличие ограничительного грифа служит основанием для отклонения материала от публикации.

2.4.5. Уведомление авторов о получении материалов осуществляется ответственным и/или техническим редактором в течение 3-х рабочих дней.

2.4.6. Рукопись научной статьи, поступившая в редакцию журнала, рассматривается техническим редактором на предмет комплектности пакета представленных документов и соответствия рукописи статьи Требованиям и профилю журнала. В случае несоблюдения условий публикации статья не принимается к дальнейшему рассмотрению.

2.4.7. Соответствующая профилю журнала и требованиям оформления статья регистрируется техническим редактором в журнале учета поступивших в редакцию рукописей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора (ов), места работы автора(ов) и направляется редакционной коллегией на рецензирование.

2.5. Порядок и процедура рецензирования рукописей:

2.5.1. Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование (экспертную оценку).

2.5.2. К рецензированию привлекаются ученые, имеющие признанный авторитет и работающие в области знаний, к которой относится содержание рукописи. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук.

2.5.3. Рецензенты обязаны следовать этическим требованиям «Committee on Publication Ethics» (COPE).

2.5.4. В журнале принято двухстороннее «слепое» рецензирование статей (*double-blind* – автор и рецензент не знают друг о друге). Рецензенты оценивает статью на предмет актуальности темы и научной новизны, а также ее структуру и стиль изложения. Все замечания и пожелания к статье оформляются в рецензии. Если замечания, сделанные рецензентом, устранимы, то статья отправляется автору на доработку. Редакция журнала оставляет за собой право отказать в публикации автору, пожелавшему оставить замечания рецензента без внимания.

2.5.5. Рецензент должен рассмотреть направленную ему статью в установленные сроки и выслать в редакцию по электронной почте либо надлежащим образом оформленную рецензию, либо мотивированный отказ от рецензирования.

2.5.6. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но не более 20 дней с момента получения заявки на публикацию редакцией журнала. Срок может быть увеличен в случае необходимости дополнительного рецензирования и/или временного отсутствия профильного рецензента.

2.5.7. Редакция журнала рекомендует рецензентам использовать типовую форму рецензии.

2.5.8. По итогам рецензирования рецензент выносит на рассмотрение редакционного совета журнала одно из следующих решений:

- рекомендовать статью к опубликованию;
- рекомендовать статью к опубликованию после доработки/устранения замечаний;
- не рекомендует статью к опубликованию.

2.5.9. Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки/устранения замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, в рецензии должны быть указаны конкретные причины такого решения с четкой формулировкой содержательных и/или технических недостатков, выявленных в рукописи, с указанием конкретных страниц, если это необходимо. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного и методического уровня рукописи.

2.5.10. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

2.5.11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

2.5.12. Для публикации статей магистрантов, аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук редакционная коллегия журнала вправе дополнительно к вышеуказанным рецензиям потребовать отзыв научного руководителя, что не исключает обычного порядка рецензирования.

2.6. Решение о публикации:

2.6.1. После получения рецензий на очередном заседании редакционного совета рассматривается вопрос о поступивших статьях и на основе заключений рецензентов принимается окончательное решение об опубликовании статьи или отказе в публикации. Решение редакционного совета принимается простым большинством голосов (члены редакционного совета, которые не могут присутствовать на заседании, получают от редколлегии все необходимые материалы за день до заседания редакционного совета и могут голосовать заочно). При равенстве голосов голос главного редактора является решающим. Кворум для принятия решения устанавливается на уровне 50 % от общего числа членов редакционного совета.

2.6.2. При окончательном решении о принятии статьи либо отказе в публикации редакционная коллегия принимает заключение. Заключение редакционной коллегии должно однозначно характеризовать теоретическую или прикладную значимость исследования, соотносить выводы автора с существующими научными концепциями. Необходимым элементом заключения является оценка рецензентом личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы. Заключение завершается общей оценкой статьи и рекомендацией к публикации или аргументированным отклонением материала.

2.6.3. На основе принятого решения автору(ам) от имени ответственного и/или технического редактора направляется письмо на электронный адрес, в котором дается общая оценка статьи и излагается принятое решение относительно представленных автором(ами) материалов.

2.6.4. Если статья может быть опубликована после доработки и устранения замечаний в письме даются рекомендации по доработке/снятию замечаний. Рецензенты и редакция журнала не вступают в дискуссии с авторами статьи по поводу сделанных замечаний.

2.6.5. Статья, направленная автором(ами) в редакцию после доработки/устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же рецензента или у другого – назначенного по усмотрению редакционной коллегии.

2.6.6. При наличии в статье существенной доли критических замечаний рецензента и при общей положительной рекомендации редакционная коллегия может отнести материал к разряду полемичных и опубликовать его в порядке научной дискуссии.

2.6.7. В случае отклонения статьи от опубликования ответственный редактор журнала направляет автору мотивированный отказ в течение трех рабочих дней.

2.6.8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

3. Правила опубликования

3.1. Периодичность выхода журнала составляет 4 раза в год. Конкретные месяцы выхода журнала устанавливаются редакционной коллегией в начале календарного года.

3.2. Заседание редакционного совета журнала проводится не менее 4-х раз в год. Заседания редакционной коллегии проводятся главным редактором по мере надобности.

3.3. Подготовку макета журнала осуществляет ответственный редактор редакционной коллегии.

3.4. После утверждения соответствующего макета главным редактором технический редактор и сотрудник НОБИ-центра ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» осуществляют техническую правку макета.

3.5. Не позднее последнего дня календарного месяца журнал размещается на портале научных журналов ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого».

3.6. В 3-х месячный срок сотрудник НОБИ-центра ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л. Н. Толстого» передает информацию об опубликованных научных статьях в РИНЦ.

**RULES OF SUBMISSION, REVIEWING, AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC
ARTICLES IN THE JOURNAL
«GUMANITARNYYE VEDOMOSTI TGPU IM. L. N. TOLSTOGO»**

The current «Rules of submission, reviewing, and publication of scientific articles in the journal «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo» (hereinafter, the Rules) defines an order and procedure of submission, reviewing, and publication of scientific articles in the scientific journal «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo». Responsibility on the observance of the Rules lies on a chief editor of the journal. The responsible editor of the journal exercises current control over compliance with the requirements provided for by the above-mentioned documents.

1. The rules of submission

1.1. The manuscript of an article must be designed in accordance with the Requirements.

1.2. The manuscript of an article submitted for publication must be a finished research study and contain new scientific results. The articles of review, biographical, promotional character, the reviews on the scientific monographs are being written, as a rule, on an order of the editorial board of the edition and registered in form specified by the editorial board.

1.3. Total volume of a manuscript of an article must be 0.4–1.5 printer's sheet

1.4. The manuscript of an article and the application (the sample of an application is placed on the magazine site <http://tsput.ru/journals/21957/>) are sent to the editorial office by email to an address: gumved@tsput.ru or they are provided through a scientific publication submission system of «Portal of TSPU scientific journals» <http://tsput.ru/journals/>. The source files of illustrations can be enclosed to the article, if necessary, in one of the formats: JPEG, TIFF, and BMP (each illustration must be recorded in a separate file).

2. Rules of reviewing

2.1. The current part of the Rules defines an order and a procedure of review of author's originals of articles (manuscripts) that were sent to the journal editing office. «Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo» (hereinafter, the journal).

2.2. Editorial board of the journal organizes and implements articles reviewing in order to provide and maintain high scientific and theoretical level of the edition and to select the most valuable and topical (advanced) scientific papers. It is carried out by the corps of reviewers, including the editorial board members.

2.3. All materials presented for publication in the journal are subject to reviewing.

2.4. An article's primary consideration procedure includes:

2.4.1. The Editorial Office of a journal accepts articles and materials reflecting scientific views, results, and achievements of fundamental and theoretical-applied studies in the field of humanities and social sciences by the main sections: «Philosophical sciences», «Theory and History of Culture». The materials which do not correspond to topics of enumerated subject areas are not accepted to consideration.

2.4.2. The article is accepted for being considered by the journal editorial office under a condition that it meets requirements provided by the Rules, posted on the journal website at <http://tsput.ru/journals/21957/>.

2.4.3. The materials are accepted only by email of the editorial office (gumved@tsput.ru) or through a scientific publication submission system of «Portal of TSPU scientific journals» <http://tsput.ru/journals/> in the following form:

- a carefully proofread copy of an article registered in accordance with the Requirements, unpublished earlier anywhere and containing an abstract (100–250 words), keywords (8–10) in Russian and in English, as well as references;
- an application for publication (Attachment 1).

2.4.4. The article materials must be of an open nature. Presence of a restrictive stamp serves as the grounds for material rejection of publication.

2.4.5. The notification of authors is carried out by receiving of materials by the responsible editor and/or technical editor during three working days.

2.4.6. The manuscript of a scientific article that arrived to the editorial office of a journal is reviewed by a layout editor for completeness of a package of presented papers and a compliance of a manuscript of an article with the Requirements and with a specialization of the journal. In case of non-compliance with terms of publication, an article is not accepted for the further consideration.

2.4.7. The article corresponding to a journal specialization and layout requirements is registered by a layout editor in a log book of manuscripts that arrived to the editorial office with specification of the entry date, title, full name of an author (authors), place of work of an author (authors) and it is directed to review by the editorial board.

2.5. Order and procedure of manuscripts review:

2.5.1. All the articles that arrived to the editorial office of the journal are undergoing mandatory reviewing (expert review).

2.5.2. Scientists who have recognized authority and work in the field of knowledge to which the content of a manuscript relates are involved in reviewing. The reviewer must have the academic degree of candidate or doctor of sciences.

2.5.3. The reviewers are obliged to follow ethical requirements of «Committee on Publication Ethics»(COPE).

2.5.4. Bilateral «blind» review of articles is accepted in the journal (*double-blind* – the author and the reviewer do not know about each other). Reviewers evaluate an article for the degree of relevance of a topic and scientific

originality as well as its structure and the style of presentation. All comments and suggestions are made to an article in the review. If the notes made by a reviewer are removable, the article is sent to the author for revisions. The editorial office of the journal reserves the right to refuse to publish the author's work who wished to leave a reviewer's comments without attention.

2.5.5. The reviewers must consider an article directed to them in the set terms and send the complete review or substantiated refusal to review with reasons given to the editorial office by email or in a proper way.

2.5.6. The terms of reviewing in each case are determined with consideration for the creation of conditions for quick publication of an article, but for not more than 20 days after the moment of receiving of an application for publication by an editorial office of the journal. The term can be increased in case of necessity of additional reviewing and/or temporary absence of a sectional reviewer.

2.5.7. The editorial office of the journal recommends the reviewers to use a standard form of review.

2.5.8. Based on the results of review, the reviewer present one of the following decisions for consideration by the editorial board of the journal:

- to recommend the article for publication;
- to recommend the article for publication after the refinement/revisions done;
- not to recommend the article for publication.

2.5.9. If the reviewer recommends an article for publication after implementing corrections or does not recommend an article for publication, the review must specify the particular reasons of such a decision with a clear formulation of informative and/or technical deficiencies revealed in a manuscript with indication of particular pages if it is necessary. The reviewer's remarks and wishes must be objective and principled, aimed at increase of scientific and methodological level of a manuscript.

2.5.10. The originals of reviews are stored in the editorial office of the journal during 3 years. According to the requests of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Ministry of Education and Science), the reviews are given in an obligatory way to the Highest certification Commission and/or Ministry of Education and Science. Reviews are stored in the publishing house and the editorial office for 5 years.

2.5.11. The editorial Board sends the authors of submissions copies of the review or a reasoned refusal, and shall also send copies of reviews to the Ministry of education and science of the Russian Federation for admission to the editors of the relevant request.

2.5.12. To publish articles of students, graduate students and candidates for scientific degree of candidate of Sciences editorial Board has the right in addition to the above reviews to request a review of the supervisor, which does not exclude ordinary review procedure.

2.6. Decision on publication:

2.6.1. After receiving reviews at the regular meeting of the editorial board, the matter on received articles is considered and a final decision on publication of an article or the refusal to publish is taken on basis of reviewers reports. The decision of the editorial board is taken by the simple majority of votes (the members of the editorial board who can not be present in a meeting receive all necessary materials a day before a session of the editorial board from the editorial board and can vote in absentia). At an equality of votes, the chief editor's vote is decisive. The quorum for decision-making is determined at the level 50 % of the total number of the editorial board members.

2.6.2. When making the final decision on acceptance of an article or refusal of publication, the editorial board draw a conclusion. The conclusion of the editorial board must unambiguously characterize theoretical or applied significance of a study, correlate an author's conclusions with existing scientific concepts. Assessment by a reviewer of personal contribution of an article author to resolution of an considered problem is the necessary element of the conclusion. The conclusion ends with overall assessment of the article and a recommendation for publication or informative refusal of the material.

2.6.3. On the basis of the decision, letter is sent to the author (s) on behalf of the responsible editor and/or technical editoreditor by e-mail in which the overall assessment of the article is given and the decision regarding the materials submitted by the author(s) is presented.

2.6.4. If the article can be published after implementing changes, recommendation on refinement/removal of comments are given in the letter. The reviewers and editors of the journal do not enter discussions with authors of an article about made comments.

2.6.5. The article submitted by an author (authors) to the editorial office after refinement/removal of comments is undergoing again the same reviewer's or another reviewer appointed in the discretion of the editorial board.

2.6.6. When having a significant share of a reviewer's critical remarks in an article and general positive recommendation, the editorial board can assign material to a category of polemical ones and can publish it by way of a scientific discussion.

2.6.7. In case of rejecting an article from publication, the responsible editor of the journal sends the author a informative refusal during three working days.

2.6.8. The article not recommended by a reviewer to a publication is not accepted for repeat consideration.

3. The rules of publication

3.1. Publication frequency of the journal release is 4 times a year. The particular months of the journal release are set by the editorial board at the beginning of the calendar year.

3.2. The meeting of the journal's editorial office board is held not less than 4 times a year. The meetings of editorial office staff are held by a chief editor when required.

3.3. A responsible editor of the editorial board carries out preparation of a journal layout.

3.4. After approval of a corresponding layout by a chief editor, the layout editor and the employee of the TSPU Research and Education, Library and Information Centre carry out technological layout correction.

3.5. Not later, than on the last day of a calendar month (in accordance with issues release schedule), the journal is posted in the TSPU portal of scientific journals.

3.6. In the three-month term, the employee of the TSPU Research and Education, Library and Information Centre passes the information about published scientific articles to the Russian Science Citation Index (RSCI).